

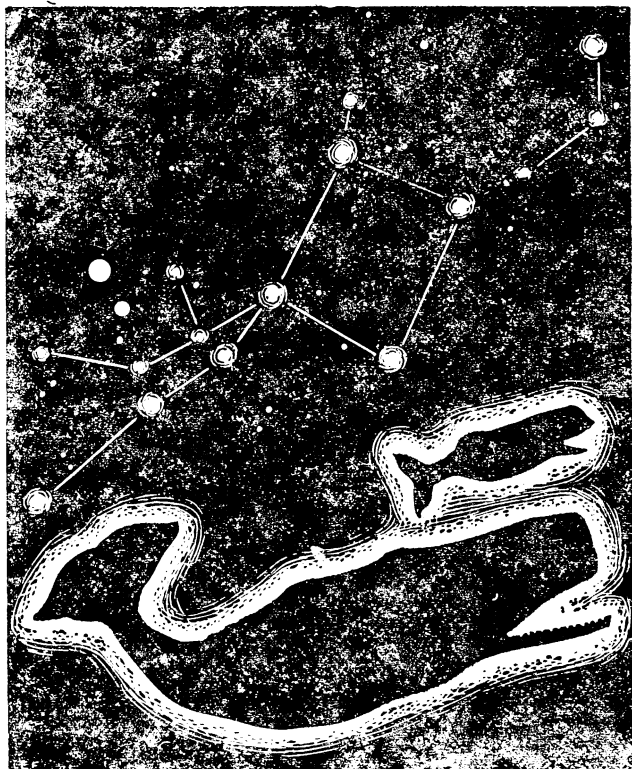
Виктор Шеффер

ГОД КИТА

Предисловие редактора	— 5
От автора	— 10
Пролог: вступая в год кита	— 11
СЕНТЯБРЬ	— 14
ОКТЯБРЬ	— 23
НОЯБРЬ	— 40
ДЕКАБРЬ	— 56
ЯНВАРЬ	— 72
ФЕВРАЛЬ	— 88
МАРТ	— 102
АПРЕЛЬ	— 109
МАЙ	— 115
ИЮНЬ	— 128
ИЮЛЬ	— 135
АВГУСТ	— 141
Примечания	— 147

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ЛЕОНАРДА Э. ФИШЕРА

Виктор Шеффер

ГОД КИТА

**Ленинград.
Гидрометеоиздат.
1981**

28.69
Ш 53

Victor B. Scheffer
The year of the whale
New York, 1969

Перевод с английского А. К. СЛАВИНСКОЙ
Научный редактор канд. биол. наук А. С. СОКОЛОВ

© Перевод на русский язык
Гидрометеондат, 1981

Предисловие редактора

Прежде чем представить настоящую книгу читателю, следует сказать несколько слов о ее авторе.

Виктор Шеффер — один из самых известных специалистов мира по морским млекопитающим, уже оставивший государственную службу, но до сих пор еще занимающийся любимым делом. Много лет он уделил наблюдениям за жизнью тюленей, китов и дельфинов в Тихом океане, до тонкостей изучил береговой период жизни северных морских котиков на островах Прибылова, расположенных почти в центре Берингова моря. Более тридцати лет Шеффер трудился в Департаменте рыболовства и охоты в Сиэтле (штат Вашингтон) как зоолог и специалист по охране морских млекопитающих и регулированию их промысла, состоял членом ряда международных комиссий по разработке положений охраны и контроля животных ресурсов Мирового океана.

Результатом изучения морских млекопитающих, главным образом, Тихого океана — от Арктики до Антарктики, более чем за полувековой период научной деятельности явились несколько крупных монографий, посвященных ластоногим и китообразным, кипа научных статей и две научно-популярные книги. Одна из них — „Год кита“ — была удостоена почетной премии США, присуждаемой за лучшую книгу года в естественнонаучном жанре.

Книга „Год кита“ посвящена описанию образа жизни одного из крупнейших представителей китообразных — кашалота. Автор не случайно остановил свой выбор именно на этом ките. Кашалот — один из загадочных и своеобразных представителей морских млекопитающих, о котором слагались легенды и мифы еще в античное время. В них, как правило, кашалот предстает перед нами как опаснейший и свирепейший обитатель океана. Так, например, по мнению некоторых ученых, одним из главных героев мифа о Персее и Андромеде является кашалот: именно от чудовищного кашалота спасает древнегреческий герой дочь одного из эфиопских царей — прекрасную Андромеду...

Пожалуй, ни одно морское животное не породило столько раздумий, фантастических сказаний и верований, восхищения и страха. Вспомним вышедший сто тридцать лет назад знаменитый роман Германа Мелвилла „Моби Дик“, в котором, как в фокусе, сконцентрировано противоречивое отношение человека к кашалоту — этому полужверю, полубогу (именно таким представлял себе кашалота герой „Моби Дика“ — капитан Ахав).

За всю многовековую историю промысла китов, пожалуй, один только кашалот иногда оказывал китобоям отчаянное сопротивление. Можно себе представить, какой храбростью, каким бесстрашием должен был обладать моряк во времена Мел-

вилла, отправляясь охотиться на кашалотов, на счету которых не один десяток потопленных шхун и шлюпок и не одна сотня погибших моряков. Но времена меняются... Правда, еще и сегодня случается, что преследуемый кашалот нет-нет да и таранит железное брюхо китобойца, нанося судну серьезные повреждения. Однако никто уже не испытывает благоговейного страха перед кашалотом (разве что сами промышленники подогревают убеждение в его злобности и агрессивности — такой зверь вызовет меньше сочувствия у людей, непричастных к промыслу). Какой может быть страх, когда при современных мощных средствах добычи крупных китов промысел фактически оказался поставленным на конвейер! Суровая романтика китобойного промысла, воспетая Мелвиллом на страницах „Моби Дика“, осталась в далеком прошлом... Казалось бы, в том же далеком прошлом осталась и легендарная слава кашалота.

Однако в сознании людей происходило медленное изменение отношения к кашалоту: страх, чисто потребительский интерес постепенно вытеснялись глубокой заинтересованностью. Кашалот и сегодня окутан покровом таинственности, овеян легендарной славой — правда, уже в другом аспекте: сейчас на него смотрят уже не столько как на объект промысла, сколько как на носителя и хранителя тайн природы, как на животное, совершающее рекордные по глубине и по длительности пребывания под водой погружения. Раскрыть эти тайны, использовать заложенные в них принципы на благо человека еще только предстоит в будущем.

А начало изменения отношения к кашалоту было положено сравнительно недавно, когда ученые вплотную занялись изучением поведения и интеллекта „младших братьев“ кашалота — дельфинов. И оказалось, что даже косатка в условиях неволи (да и в природе тоже) проявляет себя не ужасным и свирепым китом-убийцей, а миролюбивым и легко идущим на контакт с человеком крупным дельфином. Наблюдения последних лет в открытом океане убеждают нас в том, что и кашалот, и другие крупные киты стараются избежать даже случайной возможности нанести вред плавающему рядом человеку, проявляющему чрезмерное любопытство к этим гигантам океана...

Хотя книга „Год кита“ — это рассказ о детеныше кашалота, жизнь которого прослеживается автором от его рождения до годовалого возраста, содержание книги далеко выходит за рамки повествования о том, как детеныш набирается жизненного опыта. Книга расскажет читателю и о том, каков мир, окружающий кита, и как кашалоты относятся друг к другу и к другим животным, обитающим в океане, и как даже киты-одиночки не сбиваются с традиционных миграционных путей и строго в одни и те же календарные сроки попадают то на пастбища, то в районы размножения.

Автор раскрывает перед читателем ряд „тайн“ кашалота, уже разгаданных исследователями, показывая, как удивительно приспособлен кит и к нырянию на большие глубины, где

царит вечный мрак и живут гигантские кальмары, с которыми только кашалот рискует вступать в единоборство, и к изумительной ориентации в трехмерном морском „космосе“, в котором одному только кашалоту знакома жизнь всех обитателей океана — от глубин до его поверхности.

Виктор Шеффер, обладающий обширнейшим багажом профессиональных знаний, создал книгу, отвечающую двум основным требованиям — доступность изложения и научная достоверность. Не случайно поэтому каждая глава набрана разными шрифтами: в первой части в беллетристической форме описывается какое-либо событие из жизни кашалотов, а во второй дается научное объяснение изложенным выше фактам. Поскольку первая часть больше напоминает нам страницы из художественного повествования, то в ней, по воле автора, фигурируют иногда вымышленные герои, действующие в вымышленных ситуациях. Научная достоверность второй части главы подчеркивается автором ссылками, данными в конце книги, на источники, которые использованы им во время работы над книгой. В качестве весомого дополнения к этому списку читателю, интересующемуся жизнью крупных китов, можно порекомендовать монографию А. Берзина „Кашалот“ (издательство „Пищевая промышленность“, 1971 год), которая является первым и единственным пока в мире фундаментальным обобщением современных научных знаний о кашалоте.

Книга „Год кита“ написана Шеффером более десяти лет тому назад, но она не утратила своего научного и познавательного значения и сейчас. Практика показывает, что сведения об образе жизни крупных китов собираются учеными десятилетиями. Многие же проблемы, поднятые Шеффером, актуальны и сегодня.

Автор заставляет читателя задуматься о судьбах китов, многие из которых в настоящее время попали в „Красную книгу“ как виды, исчезающие с лица планеты. Шеффер заставляет читателя задуматься и над проблемами, которые могут пагубно отразиться не только на существовании животного мира океана, но и на судьбе самого человека, а потому требуют безотлагательного решения. Это и все возрастающее загрязнение Мирового океана нефтепродуктами, и накапливание в организмах морских животных радиоактивных и токсических веществ, и, наконец, все увеличивающийся гигантский пресс добычи из океана различных морепродуктов — от китов до планктонных организмов буквально. Эти результаты деятельности человека в общей сложности могут вызвать такие необратимые изменения в постоянстве и устойчивости морских сообществ животных, предвидеть которые в полном объеме мы сейчас не в состоянии.

В заключение хочется подчеркнуть, что перед нами книга, детально освещающая многообразный и динамичный мир кашалота. Ее по праву можно поставить в один ряд с уже изданными и быстро разошедшимися книгами из серии „мир морских

млекопитающих". Несомненно, „Год кита“ не только даст читателю возможность познакомиться со многими интересными фактами и обобщениями из жизни одного из крупнейших в мире животных, но и заставит его еще более убедиться в необходимости бережного отношения ко всем животным, населяющим нашу планету, независимо от того, гиганты они или лилипуты, обитают ли они на суше или в море.

А. С. Соколов

Мы должны иначе относиться к животным — с большим пониманием, а может быть, и с благоговением. Человек потерял контакт с природой, построил свою жизнь на хитрости и изобретательности — и потому рассматривает животных сквозь лупу человеческих знаний, а она увеличивает перышко или шерстинку, но образ в целом искажает. Мы относимся к животным свысока, полагая, что судьба их достойна сожаления: ведь по сравнению с нами они весьма несовершенны. Но мы заблуждаемся, жестоко заблуждаемся. Ибо нельзя к животным подходить с человеческой меркой. Их мир старше нашего и совершеннее, и сами они — существа более законченные и совершенные, чем мы с вами. Они сохранили многие из чувств, которые человек растерял: они живут, прислушиваясь к голосам, которые недоступны нашему слуху. Животные — не меньшие братья наши и не бедные родственники, они — иные народы, вместе с нами угодившие в сеть жизни, в сеть времени; такие же, как и мы, пленники земного великолепия и земных страданий.

Генри Бестон «Дом на краю»

От автора

Перед вами история кашалота — вымышленная, но основанная на подлинных фактах. Наряду с реально существующими людьми (некоторые из них названы вымышленными именами) в ней действуют персонажи, созданные моим воображением; однако и в их действиях и поступках нет ничего такого, чего не могло бы происходить на самом деле, в реальной жизни. В книге описаны разные виды китов и дельфинов, рыб и головоногих, морских птиц и животных; читатель увидит море в бурю и в штиль, перед его мысленным взором пройдут морские суда и плавучие льдины, океанские острова и обломки кораблекрушений — все это составляет повседневный мир моего героя, маленького кашалота. Повествование о нем перемежается отступлениями, в которых сообщаются различные сведения о китах, о китобоях (старинных и современных), об охране природы и о некоторых других вещах, имеющих отношение к кашалотам; отступления набраны другим шрифтом. Книги и журналы, в которых я заимствовал эти сведения, перечислены в примечаниях. Для того чтобы не затруднять чтение многочисленными сносками, я поместил примечания в конце книги.

Главы этой книги названы по месяцам года. Каждая глава открывается изображением зодиакального созвездия соответствующего месяца и рядом — силуэты кашалотов, героев главы. Так, в сентябрьском „небе“ книги мы видим Весы, в октябрьском — Скорпиона, в ноябрьском — Стрельца, в декабрьском — Козерога, в январском — Водолея, в февральском — Рыб, в мартовском — Овна, в апрельском — Быка, в майском — Блиźнецов, в июньском — Рака, в июльском — Льва и в августовском — Деву. На фронтиспise изображены зимние созвездия северного полушария — Андромеда и Пегас. Иллюстрации к американскому изданию „Года кита“ рисовал Леонард Эверетт Фишер; они не призваны заменить астрономические карты звездного неба: их назначение — напомнить читателю о том, как недоступен и далек мир кашалота.

Виктор Б. Шеффер

Пролог: вступая в год кита

Наши потомки, вероятно, определят нынешнее десятилетие как закат истории самого крупного из всех животных, когда-либо обитавших на Земле,— и это будет еще одно печальное свидетельство нашей легкомысленной эксплуатации природных богатств планеты.

Стюарт Л. Удалл

Стюарт Удалл * имеет в виду гигантского кита, называемого синим полосатиком. Он призывает всех нас подумать о судьбе животных, с которыми мы делим планету,— даже если пути многих из них, никак не пересекающиеся с нашими путями, кажутся нам непостижимыми. Он призывает нас уважать все побеги и веточки гигантского Древа жизни, растущего на Земле вот уже три миллиарда лет. Если по нашей вине погибнет синий кит и другие представители его рода, можем ли мы рассчитывать на сохранение и эволюцию нашего собственного рода, рода человеческого? Если мы способны закрыть глаза на жестокое обращение с китами, которое когда-нибудь приведет к смерти последнего из них, быть может, мы закроем глаза и на жестокое обращение с нашими двуногими собратьями?

Чрезвычайное беспокойство внушает и судьба других видов китов. Опасаясь, что настанет время, когда их можно будет видеть лишь на выцветающих фотографиях и рвущихся кинолентах, я спешу описать самого величественного из всех зубатых китообразных — кашалота.

Почему именно кашалота? Отчасти потому, что китобой быстро узнают его и никогда не путают с другими китами — поэтому на многочисленные рассказы очевидцев о необычных повадках кашалота вполне можно полагаться.

Кашалот — гигантское животное (в длину он достигает почти двадцати метров); у него нет спинного плавника; его огромная квадратная голова составляет почти треть длины всего тела; у кашалота только одно дыхало, а значит, всплывая подышать, он пускает только один фонтан. Эти особенности кашалота и позволяют легко опознать его. Туловище кашалота, как писал Фредерик Д. Беннет **, английский судовой врач, плававший на китобойном судне в тридцатых годах девятнадцатого века, „подобно черной скале или стволу гигантского дерева“.

Будучи космополитами, кашалоты бороздят все моря нашей планеты, избегая лишь ледяных вод Арктики и Антарктики. Когда кашалоты умирают, прибой выбрасывает их на берег; поэтому тушу кашалота довольно часто удается рассмотреть и исследовать прямо на суше.

Человек всегда наделял кашалота особыми, мистическими чертами. Так было во времена Моби Дика, и с тех пор отношение к кашалоту не изменилось; он представляется нам таким древним существом, живущим вне времени, и мир его загадочен и почти недоступен для нас. Кашалот близок нам, будучи, как и мы сами, теплокровным животным,— и в то же время бесконечно далек от нас; он умеет нырять на самое дно океана и обладает способностями, о которых мы до сих пор даже не догадывались. „Еще и по сей день кашалот ни в научной, ни в художественной литературе не получил всестороннего освещения. Биография его в значительно большей мере, чем у других китов, все еще остается ненаписанной»¹,— говорит о нем Герман Мелвилл.

Никто еще не исследовал по-настоящему жизнь крупного китообразного. Да и как это сделать? Как, например, проследить маршруты кита в открытом океане? Скажем, как проследить миграционные пути серого кита, который проплывает за год чуть ли не десять тысяч миль и успевает побывать и среди айсбергов, и под палящим мексиканским солнцем?!

Взявшись исследовать китов, биолог не упускает ни одной возможности проникнуть в тайны этих морских животных — однако возможности его весьма ограничены. Он изучает водоросли, прилипшие к спине загарпуненного животного,— и делает вывод: данный кит недавно побывал в холодных морях, где изобилуют такие водоросли. Он рассекает яичники убитой самки — и по числу шрамов пытается решить, сколько раз самка рожала и до каких лет дожила. Он пересчитывает волнистые линии на корне зуба кита, или на пластине китового уса, или на ушной пробке (как лесник пересчитывает кольца на древесном пне) — и определяет по ним возраст погибшего животного. Он читает в газете о том, что в океане, на глубине свыше тысячи метров, был обнаружен кашалот, запутавшийся в телефонном кабеле,— и с удивлением отмечает способность кашалотов нырять на огромные глубины. На песчаном берегу биолог находит китиху, погибшую при родах; голодные чайки белым саваном покрывают тело китихи, голова неродившегося китенка торчит из складки ее тела — и, огорченно вздохнув, биолог пишет в своем дневнике: „Причина смерти — неправильные роды“.

На подобных данных основана наука о китах. Она описывает не только больших китов, но и их младших братьев — дельфинов и всех прочих китообразных. Все они — теплокровные млекопитающие, которые дышат атмосферным воздухом. Более крупные виды обычно называют китами, а среди мелких видов различают дельфинов (у них острые рыла) и морских свиней (у них рыла широкие и тупые). Особняком стоит нар-

---

¹ Здесь и далее цитаты из книги Г. Мелвилла „Моби Дик“ приводятся по переводу И. М. Бернштейн (М., Географгиз, 1962).— *Прим. перев.*

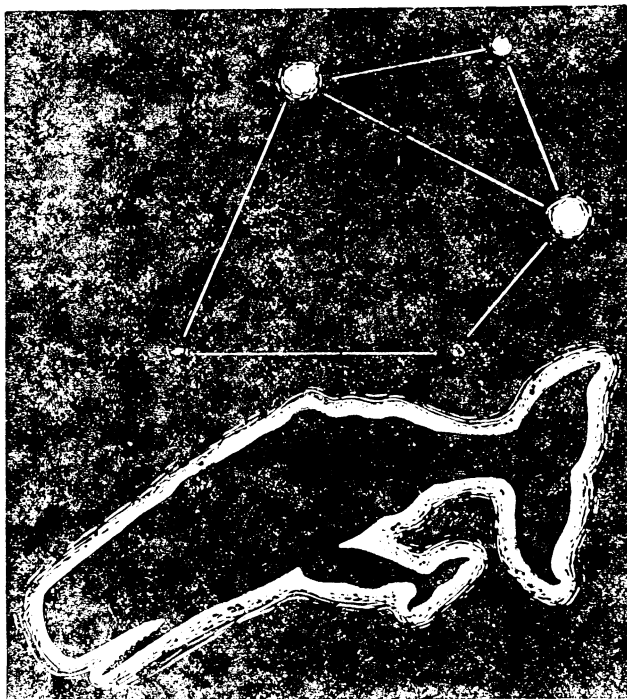
вал, у которого всего один зуб — спиралевидный бивень, достигающий двух с половиной метров в длину; однако нарвалы живут только в полярных водах, и пути их не пересекаются с путями кашалотов.

Описывая жизнь своего героя — маленького кашалота — и жизнь его спутников, я старался пользоваться новейшими и самыми надежными источниками информации. Должен признаться, впрочем, что зоологи все еще не имеют точного представления ни о том, как часто рождает самка кашалота, ни о том, сколь быстро растут ее детеныши, ни о многих других аспектах жизни этого вида китообразных. По-видимому, наиболее обычен четырехгодичный детородный цикл. У самок северного полушария зачатие происходит в мае, после чего они шестнадцать месяцев вынашивают детенышей и рожают в сентябре следующего года; два года самка кормит свое дитя, затем около восьми месяцев отдыхает и к маю, завершив четырехгодичный цикл, снова готова зачать. Однако есть самки, которые, по-видимому, рожают каждые два года, то есть зачинают еще в период кормления. Май и сентябрь — сроки зачатия и родов, характерные для большинства самок, однако отдельные самки не соблюдают этих сроков и рожают немного раньше или немного позже, так что брачный период — и соответственно период разрешения от бремени — растягивается порой на целых восемь месяцев. Неизвестно, может ли самка кашалота переходить с двухгодичного на четырехгодичный или какой-либо иной цикл. Неизвестно также и соотношение между возрастом самки и ее детородным циклом. Лишь когда мы научимся лучше определять возраст кашалотов, можно будет выяснить, как быстро они растут. Темные и светлые слои, чередующиеся на зубах этих китов, безусловно связаны с их возрастом; однако неизвестно, двум или четырем таким слоям соответствует один год жизни. У кашалотов северной части Тихого океана год, очевидно, соответствует двум слоям; в таком случае можно утверждать, что как самцы, так и самки кашалотов достигают половой зрелости в возрасте приблизительно девяти лет, перестают расти в возрасте от тридцати пяти до сорока пяти лет и стареют приблизительно в семьдесят пять лет.

Невозможно говорить о китах и не говорить при этом о людях, живущих в разных уголках земного шара, но преданных общему делу — изучению китообразных. Мне посчастливилось свести знакомство с некоторыми из них. В этих людях меня привлекают не только их теоретические и практические знания, но и их самоотверженное стремление спасти китов. В своей книге, посвященной одному из видов китообразных, я пытаюсь также рассказать о том, как люди относятся к китам, как они обращаются с ними и как киты обращаются с людьми.

Рассказ о годе кашалота начинается с тихого осеннего месяца сентября. Я приглашаю читателя в северо-восточную часть Тихого океана, где родился наш герой — маленький кашалот.

СЕНТЯБРЬ

В начале сентября китенок впервые видит свет — сине-зеленые блики, танцующие на поверхности океана. Китиха с легкостью избавляется от бремени, и детеныш оказывается в воде в двухстах милях к западу от Мехико, в тропике Рака. Китенок дрожит, ибо вода холодна, а он шестнадцать месяцев провел при температуре тридцать шесть градусов Цельсия. Заботливая мать подталкивает детеныша своим широким рылом, и, оказавшись на поверхности, он учащенно дышит, пуская в осенний воздух облачка пара.

Небо над китенком сияет пронзительной синевой. Мы, городские жители, никогда не видим такого ясного неба. Повсюду, насколько хватает глаз, в волнах темнеют группы китов. Блестит на солнце черная дуга — это скользит и исчезает в волнах спина ныряющего кашалота. Взлетают в воздух фонтаны пара. Иногда тишину вдруг нарушает громкий и резкий звук, похожий на выстрел; что его породило — ласковое прикосновение или удар, начало стычки китов-подростков? В небе не видно птиц, но над волнами вдруг появ-

ляется альбатрос, привлеченный плавающей в воде плацентой; альбатрос тяжело обрушивается на воду, вспарывая ее поверхность широкими перепончатыми лапами.

У кашалотов сейчас в разгаре сезон рождения потомства. Лишь три вида млекопитающих рождаются под водой: морские коровы (ламантины и дюгоны), африканские гиппопотамы и китообразные. Телята и жеребята (а также и человеческие детеныши) обычно рождаются головой вперед; в отличие от них, китенок рождается хвостом вперед. Формой тела китенок в точности напоминает головастика (большая голова, негнувшаяся шея и длинное, суживающееся к хвосту туловище), и оттого ему поневоле приходится появляться на свет задом наперед, так сказать, „пятясь“. Самка торопится — ведь если произойдет какая-то ошибка, исправлять ее будет некогда, и китенок может застрять в детородном проходе или запутаться в полутораметровой пуповине.

Мать и детеныш всплывают на поверхность, и пуповина рвется. Китенок разевает розовую пасть с бугристыми беззубыми деснами — и кажется, будто он улыбается. Это иллюзия, конечно, — просто углы рта кашалота загнуты вверх. Улыбка кашалота — это не более чем маска, которую надевает на него природа, причем надевает на всю жизнь. Наземные животные зевают, огрызаются, хмурятся, морщат лбы, и в старости их морды покрываются морщинами; а морда кита постоянно кругла, гладка и лишена мимики, если не считать движений глаз и челюстей.

Формой тела наш герой похож на свою мать, только бледные лопасти его хвоста пока сморщены и загибаются на концах. В материнском чреве китенок лежал согнувшись дугой, как лук. Теперь его гибкое тело распрямилось. Он почти весь черный; на его гладкой, как резина, коже видны лишь отдельные вкрапления белого и серого.

Подобную унылую окраску имеют почти все киты: они черные или серые, иногда их бока украшают белые пятна и полосы, бледно-розовые или желтоватые разводы. Китаю не нужна яркая окраска, потому что (насколько мы знаем) они плохо различают цвета.

С севера к нашим героям приближаются двадцать гринд, или китов-пилотов. Мощно вспарывая воду, они надвигаются сплошным фронтом, точно атакующий десант. Взбитая гриндами пена и шум их дыхания пугают китенка. Он прижимается к материнскому боку. Китиха спокойна — она остается на месте, и скоро гринды исчезают за горизонтом. Если бы это были косатки (называемые также китами-убийцами), мать маленького кашалота за милоу опознала бы их голоса и вовремя приготовилась к сражению.

Семья нашего китенка неторопливо кружит в море; через неделю, завершив круг, она вернется к началу своего пути. Одни члены семейства отдыхают на поверхности, переваривая обед, другие движутся дальше. На секунду в воздух под-

нимается треугольник китового хвоста — это кашалот уходит в глубину, или, как говорят китобой, заныривает. Бурлит вода вокруг двух ревнивых китих, которые затеяли ссору; подле них — новорожденные китята. Неподвижен воздух над океаном, тихо кругом — только волны наполняют тишину плеском и шорохом, подобно тому, как песок и ветер беспрестанно шепчут что-то в тишине пустыни. А между тем океанские воды полны неслышных звуков — ультразвуковых сигналов сотен китов, переговаривающихся на расстоянии и никогда не теряющих связи друг с другом. Неторопливо продвигается вперед китовое стадо; оно охотится и бездельничает, играет и ссорится, но в общем живет мирно. Волнения начнутся позже, через полгода, когда наступит сезон любовных игр.

Детеныш кашалота, только что родившийся в тропике Рака, значительно более развит, чем только что родившийся детеныш человека. Китенок отлично плавает, отлично видит, реагирует на внешние сигналы. Таким рождается детеныш любого китообразного — иначе и быть не может, потому что он тотчас оказывается в суровом мире, где для него не приготовлено ни гнезда, ни берлоги, ни укрытия; лишь огромная темная тень матери укрывает его. Когда мы говорим, что ребенок слишком развит для своего возраста, мы подразумеваем отклонение от нормы; раннее развитие детенышей многих птиц и млекопитающих — это не отклонение, а норма.

Когда детеныш морского млекопитающего рождается крупным и массивным, он меньше мерзнет в холодной воде. Ведь чем больше масса тела, тем медленнее оно отдает тепло. Самое крупное из всех китообразных — это взрослый кит-полосатик, который весит в среднем сто семьдесят шесть тонн, то есть в две тысячи раз больше, чем взрослый человек. А самый маленький из всех китов — это новорожденная морская свинья; она весит всего шесть килограммов. Совсем мелких морских млекопитающих — так сказать, „морских мышей“ и „морских кроликов“ — не обнаружено ни в современном океане, ни среди окаменелых останков древних животных: мелкие млекопитающие попросту не выжили бы в море.

Новорожденный детеныш кашалота весит в среднем одну тонну, а длина его составляет около четырех с половиной метров. Взрослая самка весит около шестнадцати тонн, а ее длина — около тринадцати метров. Спрашивается: откуда я это знаю? Действительно, очень редко удается взвесить новорожденного китенка, а взвешивание взрослой самки — задача поистине устрашающая. Когда убитого кита вытаскивают на палубу китобойного судна, его некогда взвешивать: китобой — люди деловые, им важна прибыль, для них время — деньги. Тушу кита они спешат превратить в муку, жир и мороженое

мясо. Когда на палубу вытаскивают тушу беременной самки, биолог, который состоит на государственной службе и инспектирует китобоев, обмеряет ее и старается хотя бы на час заполучить зародыш в свое распоряжение для научных исследований. Если ему это разрешают, он поспешно вооружается набором пробирок и склянок; однако гораздо чаще неродившийся китенок тотчас отправляется в жироваренные котлы (вместе со своей матерью) или за борт (вместе с ее внутренностями).

Иногда биологу все же удается исследовать зародыш или даже новорожденного китенка. Закон запрещает убивать китят, но иногда прибой выбрасывает на берег живых или недавно околевших детенышей китообразных. Тут уж биолог чувствует себя на вершине блаженства: рассматривает, фотографирует, измеряет, укладывает образцы в банки со спиртом. Под конец он строит из подручных материалов треножник и взвешивает тушу китенка — частями, кусок за куском.

Под вечер усталый, измазанный кровью исследователь отправляется домой, привязав к крылу своей машины небольшой череп; возможно, дома его встретит снисходительная жена и любопытный пес.

Приблизительно в то время, когда родился наш маленький герой, другой детеныш кашалота совсем один плыл по заросшему водорослями проливу. Этот китенок попал в беду: четверо рыбаков с одного из Бермудских островов гонятся за ним в гребной лодке. На носу лодки стоит человек с остройгой. Ему не удастся серьезно ранить китенка, и вот он, не снимая одежды, прыгает в воду и твердой рукой опытного рыбака быстро наматывает веревку ему на хвост. Затем рыбаки налегают на весла и тащат отчаянно сопротивляющегося китенка в небольшую бухту, где в течение двух дней будут выставлять его на обозрение публики — за небольшую плату, полкроны с человека.

Придет посмотреть на китенка и английский биолог, работник океанографической станции. Оценив размеры животного и состояние его пуповины, он поймет, что перед ним весьма и весьма редкое зрелище — недавно родившийся детеныш кашалота. На глазах у биолога этот детеныш умрет от перегрева. За небольшую плату владельцы туши согласятся отложить ее разделку, чтобы исследователь успел съездить за красками, бумагой и рулеткой.

Окажется, что маленький кашалот родился четырех метров семи сантиметров длиной — от рыла до развилки хвостовых лопастей. Акварельные краски увековечат цвет его кожи, и год спустя улыбающаяся морда китенка появится в научном журнале — единственная акварель такого рода.*

Первый день своей жизни новорожденный кашалот проводит, плавая вокруг матери и слепо тычась в нее; наконец он находит то, что ему нужно, — мягкий сосок, источник вкуса.

ного молока. Оба соска китихи спрятаны в глубокие складки по бокам брюха, далеко позади пупка. Раздвинув складку, китенок давит на сосок, и мать посылает ему в глотку сильную струю молока. Наблюдатели, случалось, замечали, как кормящая китиха плавает на боку, едва ли не выставив сосок в воздух, а китенок держит его в углу своей пасти, подняв морду над поверхностью воды. Со стороны кажется, что это весьма неудобно — ведь у маленького кашалота совсем нет губ, а его узкая нижняя челюсть, длина которой достигает около полуметра, находится в самом низу головы.

Первой неловкой трапезе маленького кашалота мешает другая китиха, завистливая „тетушка“. У этой китихи в июле случился выкидыш. Врожденный инстинкт подсказывает ей, что ее положение в стаде противоестественно. Время от времени „тетушка“ подплывает к китихе с детенышем и вклинивается между ними. Всякий раз кормящая мать отгоняет ее ударом хвоста. Наконец „тетушка“ отплывает на безопасное расстояние и оттуда слушает, как счастливая семья переговаривается под водой: мать издает уверенные, громкие щелчки и потрескивания, а детеныш — слабые пробные звуки. Два года китенок будет кормиться молоком матери, держась подле нее у поверхности океанских волн. Он будет, точно тень, повсюду следовать за матерью и, питаясь ее жирным молоком, станет быстро расти; более одной трети молока самки кашалота составляет жир. (Синеватое молско, которое привозят мне с молочной фермы, содержит только четыре процента жира.) Поначалу слой подкожного жира китенка довольно тонок — всего два с половиной сантиметра, и первые несколько недель китенок мерзнет в холодном море. Но, питаясь материнским молоком, китенок будет в течение двух лет прибавлять в среднем по два с половиной, а то и по три килограмма в день; со временем его жировой слой превратится в теплый и плотный защитный покров толщиной более тридцати сантиметров.

Китенок совершенствуется в плавании, и к концу сентября он уже может догнать любого из членов своей семьи. Когда к китам приближается панамское грузовое судно и воду начинает сотрясать тревожный шум его двигателей, китенок вместе с матерью бросается наутек, пуская фонтаны и не отставая от стремительно несущегося стада. Вот один из молодых кашалотов наполовину выскакивает в воздух; на секунду он повисает черным силуэтом на фоне темно-синего неба, затем с оглушительным шумом, вздымая стены сверкающих брызг, обрушивается на воду. Заметив это, его товарищ четыре раза подряд выскакивает в воздух; наконец и он успокаивается и, несмотря на усталость, энергично плывет под самой поверхностью моря.

Но вот однажды утром в конце сентября наш китенок обнаруживает, что море может быть не только другом, но и врагом. Низкое небо темнеет, налетает шквалистый ветер,

клочья белой пены срываются с гребней волн. Знакомые голоса тонут в реве шторма. Только что китенок был возле матери, но уже в следующую секунду он взлетает под небеса в вихре пены, а потом, не успев перевести дыхание, вдруг проваливается в темную головокружительную пропасть. Мать чувствует, что детенышу приходится туго, и старается заслонить его от волн своим огромным телом. Пристроившись подле нее, китенок несколько минут пускает фонтаны, пытаясь отдышаться. Наконец китенок попадает в ритм с волной; теперь он дышит более спокойно и чувствует себя в безопасности. Весь этот день и всю ночь мать будет подле него.

Если бы не шторм, китиха в течение ночи раз десять ушла бы в глубину за рыбой и кальмарами. Ей надо охотиться, чтобы обеспечить свое дитя молоком. Впрочем, одну ночь китиха может и попоститься; запасы жира позволяют китам неделями обходиться без пищи. Этой голодной ночью китиха, вероятно, не слишком счастлива. Но она принимает свою судьбу как должное, исполненная того, что мы, люди, называем материнской любовью. Как и многие другие обитатели океана, она пережила не одну сотню штормов и знает, что во время шторма легче ждать, чем пытаться охотиться.

С рассветом небо очистилось от туч. Семья китов вновь собирается вместе и дремлет или играет под теплыми лучами солнца. Гигантские валы — пятьдесят метров от гребня до гребня — катятся по поверхности, молчаливые и гладкие, как нефть.

Обычно китовая „семья“ представляет собой группу около тридцати китов, состав которой постоянно меняется. Из множества таких семей складывается огромное стадо. В семье нашего маленького кашалота есть и киты-подростки обоих полов, и беременные самки, и матери, выкармливающие детенышей, и один старый самец, который обычно держится с наветренной стороны в полумиле от малышей. Состав китовой семьи давно известен китобоям; они называют ее „гаремом“. В районе спаривания всегда больше самок, чем взрослых самцов; это сразу заметно, так как самцы выделяются значительно более крупными размерами. Преобладание самок и более крупные размеры самцов типичны для полигамных животных. Может быть, кашалоты потому придерживаются такой социальной структуры, что она гарантирует взаимную поддержку в бурных, бескрайних морях; однако некоторые другие виды китов вовсе не образуют семейных групп и плавают поодиночке.

День за днем солнце всходит все позже, а опускается за горизонт все раньше; по утрам над морем висят туманы, типичные для конца лета, днем их разгоняют осенние ветры. В течение всего сентября в тихоокеанских водах, простираю-

щихся от побережья Мексики до Гавайских островов, самки кашалотов одна за другой разрешаются от бремени; некоторые самки рожают в октябре. А в это время далеко на севере, в Беринговом море и в районе Алеутских островов, пасутся самцы-одиночки, так называемые „холостяки“. Толстый слой жира служит им надежной защитой от ледяной воды, и они не торопятся на южные зимовки. Юные китихи-девственницы пасутся у берегов Британской Колумбии. Они уже чувствуют осенний холод Северного Тихоокеанского течения и понемногу сворачивают к тропикам. Вместе с ними плывут и китихи, кормящие детенышей, годовалых и двухгодовалых.

Киты ежегодно мигрируют из одних вод в другие, прекрасно ориентируясь в пространстве и во времени; они объединяются в семьи, затем расходятся, потом снова отыскивают в океане других китов своего возраста и пола. Все это заставляет предположить, что китообразные получают и перерабатывают огромное количество сигналов внешнего мира — звуковых, зрительных, осязательных и, несомненно, каких-то иных, о природе которых мы еще ничего не знаем. Жизнь кита чрезвычайно сложна и вовсе не так однообразна, как может показаться. Его ежедневные занятия вовсе не сводятся к нырянию в поисках пищи, подъему на поверхность в поисках воздуха, обозреванию водной равнины и бесцельному плаванью.

В семейной группе наших героев, которые потихоньку-полегоньку движутся в сторону острова Ванкувер, плывет еще одна самка с детенышем — но она постоянно отталкивает своего сына, давая ему понять, что ей надоела роль кормящей матери. Сыну уже два года; это крупное животное восьми метров длиной, весящее почти четыре тонны. В последнее время великовозрастное дитя сильно мешает матери — снимает у нее пищу, когда она поднимается из глубины после удачной охоты. Прежде китиха инстинктивно знала, что должна делить с ним добычу; теперь она полагает, что ему пора оставить мать в покое. Тем более что она рождает каждые два года, и когда ее нынешнему отпрыску исполнилось четыре месяца, она снова зачала. Вот уже шестнадцать месяцев эта самка, в сущности, кормит двоих — неудивительно, что она устала от материнских обязанностей!

По мере того как день за днем расширяется представление нашего китенка о мире, его внимание все чаще привлекает хозяин гарема — самец, который (хотя китенок об этом и не подозревает) приходится ему отцом. Огромный черный самец, вес которого достигает шестидесяти тонн, обычно охраняет свою семью, но временами исчезает куда-то на час или больше. Зачем? Куда он может исчезать среди бела дня посреди открытого моря? В глубину, конечно, в зеленую тень, переходящую в фиолетовый сумрак, а затем в черную тьму. Все ниже опускается кашалот; могучие удары хвоста ведут его сквозь толщу воды; вокруг него светятся рыбы и стран-

ные шарообразные существа; растет давление — вот оно достигает десяти тонн на каждый квадратный дециметр его тела; вода здесь мертвенно холодна и неподвижна. На глубине тысячи метров кит приступает к поискам добычи. Во всю работает его локатор, непрерывно посылая в воду серии мощных сигналов и ловя их отражения. Не проходит и четверти часа, как он обнаруживает интересные эхо-сигналы и, мгновенно проанализировав их, обрушивает могучий удар в самую середину бесформенной, эластичной дрожащей массы, от которой отразились сигналы. Нанеся сокрушительный удар, кашалот раскрывает пасть: опускается огромная, как ворота, нижняя челюсть, усеянная зубами (их шестьдесят штук); и вот, крепко схватив добычу, кашалот начинает стремительное всплытие. Он поймал молодого кальмара — гигантское животное десятиметровой длины и весом около ста двадцати килограммов. Кальмар извивается, пытается вцепиться в своего врага, но присоски на концах его щупалец соскальзывают с гладкой кожи быстро плывущего кашалота. Изогнутый, как у попугая, клюв кальмара впивается в голову противника и выдирает кусок кожи, под которой обнажается белый волокнистый жировой слой. Кашалот раздраженно встряхивает свою добычу.

Вода светлеет, и вот самец всплывает на залитую солнцем поверхность моря. Раскрываются и снова смыкаются гигантские челюсти, поражая жизненные центры кальмара, и его серые щупальца извиваются в последней агонии, точно разрубленные на куски змеи. Китенок с интересом следит за тем, как самец отдувается, мощно выбрасывая в воздух столбы пара и слизистой пены. Ключья высыхающей пены покрывают темя кашалота. Он долго дышит: для того чтобы полностью очистить легкие, кашалоту нужно набрать и выпустить воздух не меньше пятидесяти раз. Отдышавшись и отдохнув, он принимается за убитого кальмара и, неторопливо отрывая от туши куски размером с футбольный мяч, проталкивает их языком в глотку.

Над моим письменным столом висит черно-белая репродукция картины под названием „Кракен“, которого считали сепией, или каракатицей. На картине изображен парусный корабль семнадцатого века, опутанный щупальцами морского чудовища — серого существа, напоминающего одновременно гриб, жабу, змею и огромную тыкву. Щупальца толщиной со ствол дерева крепко держат мачту, паруса и даже флаг. Моряки храбро рубят топорами извивающееся чудовище; их менее храбрые, но более здравомыслящие товарищи прыгают с палубы в море. В небе кружат чайки, предвкушающие возможность полакомиться человечинной. Что же такое „кракен“?

Кракен — это чудовище из норвежских мифов; живет оно в недосыгаемых глубинах океана. Перечитав множество историй о кракене, я пришел к выводу, что его прототип — гигантский кальмар, который, по-видимому, является самым крупным беспозвоночным животным на Земле: длина его — около двадцати метров, а весит он более тонны. Глаза кальмара — самого крупного из этих обитателей сумеречных океанских глубин — достигают иногда тридцати семи сантиметров в диаметре.

В норвежском эпосе есть старая история о епископе из Нидароса, который прочел проповедь, стоя на спине спящего кракена; епископ принял кракена за скалу, установил на этой „скале“ свой алтарь и прочел такую красноречивую проповедь, что, проснувшись, чудовище заслушалось речами благочестивого епископа и позволило ему закончить проповедь, сложить алтарь и вернуться на берег. *

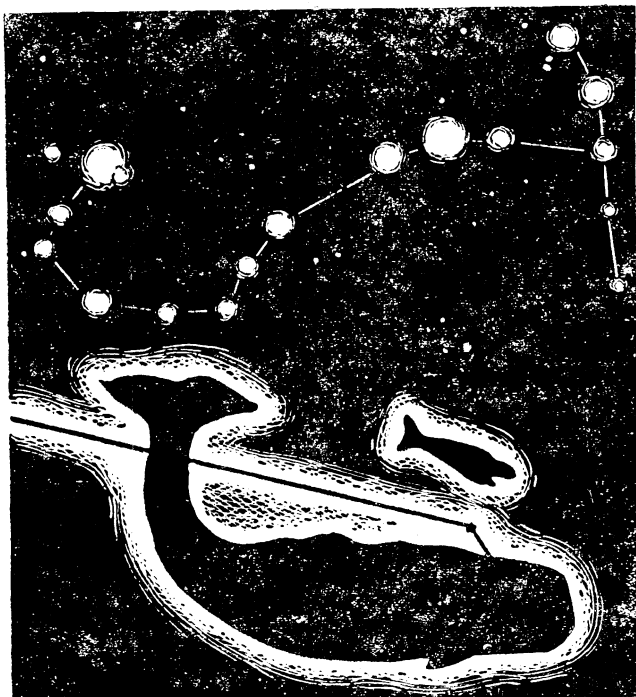
Не будь я ученым, поверил бы — вместе с Теннисоном **, — что

Слепым, дремучим, древним сном объят,
Под грозной твердью, в пропастях морских,
Таится Кракен — до глубин таких
Ни жаркий луч, ни громовой раскат
Не достигают. В черноте над ним
Громадных губок реют купола,
А дальше — там, где сумраком ночным,
Вся в язвах нор, очерчена скала,
Бурлит медуз прожорливая рать.
Так исполинской хлябью погребен,
Моллюсками кормясь, он будет спать,
Покуда пламя, вздыбив толщу вод,
Не возвестит скончания времен.
Тогда, взревев, чудовище всплывет,
И смертью оборвется древний сон. ¹

---

¹ Стихотворение А. Теннисона „Кракен“ дано в переводе Д. С. Шнейерсона. — *Прим. перев.*

ОКТАБРЬ

Утро в начале октября; море неподвижно, как стекло. На воду падает перо, оброненное альбатросом, одиноко летящим на северо-запад, домой, к Подветренным островам; медленно кружась, перо опускается к воде, навстречу своему отражению. В такой день кажется, будто даже время остановило свой бег.

С первыми проблесками зари наш китенок и его сверстник, другой маленький кашалот, напились теплого материнского молока. Теперь им хочется развлечься. Вода вокруг них наполняется каким-то странным дрожащим звоном. Сначала китята принимают его за голоса дельфинов, которые они слышат ежедневно и считают явлением вполне обычным, как плеск волн. Но звон нарастает; китята решают выяснить, в чем дело. Они бросаются вперед и разом набирают внушительную скорость. Затем, не сбавляя хода, поднимают над водой свои квадратные головы и быстро, но внимательно оглядывают горизонт, поворачиваясь слева направо: глаза кашалота расставлены так широко, что прямо перед собой

он не видит. На расстоянии нескольких сот метров китята смутно различают какие-то скачущие пятна; это тихоокеанские белобокие дельфины, которые играют на поверхности безмятежного моря, вздымая миллионы сверкающих брызг. Дельфины гонятся за низко сидящим в воде серым судном, над палубой которого вьется флаг военно-морского флота США; судно идет переменным курсом со скоростью шесть узлов.

Юные кашалоты опускают головы в воду и полным ходом направляются к заинтересовавшему их судну. (Позже китята научатся бояться звуков, которые порождает морская техника, но сейчас они еще молоды и легкомысленны.)

Перед ними „Акула“ — морской охотник, предназначенный для поиска подводных лодок противника. Сейчас он используется с учебными целями. В темной рубке командир „Акулы“ обучает пятнадцать курсантов из военного училища пользоваться гидрофонами для обнаружения противника и распознавать сигналы, при помощи которых которых противник, в свою очередь, пытается обнаружить „Акулу“. Лица курсантов освещает лишь зеленоватый экран осциллографа. Динамик, висящий под потолком, издает поток звуков, непривычных человеческому уху: скрип, писк, свист, гудение, щелчки и ритмичные сигналы гидрофона самой „Акулы“.

„Слышите дельфинов? — спрашивает командир. — Когда они подойдут поближе, я сделаю запись, и после обеда мы прослушаем ее и сравним с голосами, которые мы записали возле Сан-Диего“.

Командир отмечает характерные особенности записываемых звуков и комментирует их оптические изображения на экране осциллографа. Строго говоря, эти звуки нельзя назвать голосами, так как их производят вовсе не голосовые связки. Услышать дельфины „голоса“ можно только при помощи специальных приборов: по частоте они почти в десять раз превышают верхний предел самого чуткого человеческого уха.

Когда китята приближаются к „Акуле“, дельфины уже резвятся возле судна. Они веселятся вовсю, но, вероятно, предпочли бы, чтобы судно шло гораздо быстрее. Один из дельфинов забавляется тем, что подталкивает своих друзей к разрезающему воду носу „Акулы“. Им приходится выскакивать из воды, чтобы избежать столкновения.

Шум, несущийся из динамика, становится невыносимо громким, и командир убавляет звук. Капитан сообщает с мостика, что вокруг судна играют около двадцати дельфинов (их трудно сосчитать точно: они то ныряют, то возвращаются на поверхность), и добавляет, что вышедший на корму кинооператор снимает дельфинов на пленку.

Когда „Акула“ вернется в порт, пленку проявят, и биолог из местного университета определит вид заснятых дельфинов; магнитофонная запись будет соответственно маркиро-

вана, размножена и разослана в фонотеки военно-морского флота в разные уголки страны.

Дельфиньи голоса стихают; командир хмурится и требует тишины. С минуту он крутит ручки гидрофона, настраиваясь на какие-то новые звуки, то нарастающие, то снова слабеющие, похожие на далекий перестук кровельщиков или лудильщиков. Командир включает усилитель гидрофона „Акулы“ и просит одного из курсантов связаться с капитанским мостиком: нет ли поблизости еще одного судна?

Минуту спустя он получает ответ: приблизительно в ста метрах по правому борту „Акулы“ плывут два небольших кита.

„Это кашалоты“, — добавляет капитан, ибо он уже успел проконсультироваться у боцмана, старого морского волка, когда-то служившего на китобойном судне с калифорнийской базы в Юрике.

„Слушайте внимательно, — говорит командир своим курсантам. — Это редкая удача. Чаще всего мы слушаем крупных китов, не зная, к какому виду они относятся... Во время войны я, бывало, потел от страха, соображая, кита ли слышу или лодку противника, — но никогда не отдавал приказа бросать бомбы, если не знал наверняка“.

Занятия окончены; курсанты пьют кофе из огромных кружек и говорят о том, что звуки ударов хвоста и грудных плавников иногда напоминают шум корабельного винта, а некоторые из вибрирующих подводных „голосов“ можно принять за звуки музыкальных инструментов.

„Нам пока не известно, каким образом кит производит эти звуки, — говорит командир. — Очевидцы рассказывают, что, когда кит подает голос в воздухе, из его пасти или дыхла поднимаются пузырьки воздуха. Лично я считаю, что эти пузырьки не имеют никакого отношения к механизму образования звуков. Однако многие утверждают, что звук образуется в китовом дыхлае примерно так же, как в разболтанном водопроводном кране, когда открываешь его только наполовину: в текущей жидкости возникают пустоты, которые и порождают вибрацию. Этот процесс называется кавитацией“.

Одному остроумному курсанту приходит в голову, что можно замаскировать звук двигателей подводной лодки, проигрывая под водой записи голоса кита. Командир улыбается.

„Возможно, возможно. А еще лучше — спрятать подлодку на глубину метров семьдесят, предпочтительно в таком месте, где есть подводные скалы, отражающие звук, и где проходит слой скачка плотности воды, а над лодкой пустить стадо китов. Тогда ее не найдет и самый чувствительный гидрофон.“

Командир снова включает усилитель гидрофона „Акулы“; подводный перестук — дуэт нашего китенка и его спутника — постепенно затихает: китята, раздосадованные непо-

нятным треском двигателей чудовища, потеряли интерес к нему и отстали. Затем они развернулись и в поисках тишины и покоя устремились назад к своей семье, которая вдруг оказалась очень далеко. Китята получили урок ориентации во времени и в пространстве.

Способность китов поддерживать связь друг с другом на большом расстоянии и находить добычу при помощи эхолокации составляет предмет целого ряда специальных исследований.

Теперь часто приходится слышать разговоры о том, что животные общаются с себе подобными. Они действительно общаются; однако „общение“ животных не следует понимать в нашем, человеческом смысле этого слова, то есть как сознательное порождение звуков и других сигналов, рассчитанных на определенный отклик. Увидев у своего крыльца бродячую собаку, которая принюхивается к кустам, я кричу: „Пошла вон!“ — и размахиваю руками. Я могу довольно точно предсказать, каков будет результат моих действий. Когда мой пес Такер видит чужую собаку, он яростно лает и гонится за ней, и результат его действий будет тот же: незваный гость поймет поданный ему сигнал и отступит. Разница между мной и Такером в том, что я знаю заранее, как поступит дворняга, а Такер этого не знает. Если бы нарушитель оказался в десять раз крупнее Такера, мой пес все равно яростно бросился бы на него; я же в таком случае сперва хорошенько подумал бы. Достаточно Такеру распознать несколько внешних признаков, определяющих ту или иную ситуацию, и его мозг инстинктивно реагирует на них; у Такера нет выбора: хочешь, не хочешь — гони пришельца!

Первые сведения об эхолокации у китов были собраны в начале второй мировой войны, в те тревожные месяцы, когда военные специалисты морских держав напряженно прислушивались к подводным звукам, порождаемым вражескими судами. При этом они слышали, конечно, и голоса рыб, крабов, креветок, тюленей, дельфинов и китов — странные, с их точки зрения, неведомо кому принадлежавшие звуки. На сегодняшний день опубликовано уже более тысячи научных отчетов о подводных звуках биологического происхождения.

В 1947 году Артур Ф. Мак-Брайд, сотрудник флоридского океанариума „Мэринленд“, расположенного недалеко от Сент-Огастина, обнаружил, что дельфины, помещенные в бассейн с мутной водой, способны даже ночью отличить мелкую металлическую сетку от сети с крупными ячейками. Он заподозрил, что этой способностью дельфины обязаны какому-то высокоспециализированному биологическому механизму, помогающему им обследовать окружающую среду посредством звуковых колебаний. *

В 1949 году Уильям Э. Шевилл и Барбара Лоуренс из Гарвардского университета впервые записали на пленку „голос“ китообразного. Для записи они избрали белуху, или белого кита, потому что среди моряков этот вид прославился своими „трелями“, которые слышны и под водой, и в воздухе; белуху даже называют „морской канарейкой“. Исследователям удалось записать и трели этой „канарейки“, и множество других звуков — свист, писк, щелканье, треск. Этот многоголосый подводный шум они сравнивали с голосами играющих в отдалении детей. *

Начиная с этого времени специалисты разных областей науки стали уделять все большее внимание исследованию звуков, издаваемых китами. В период между 1950 и 1958 годами анатомы, психологи, физики и биологи, изучающие поведение животных, проделали большую работу и накопили немало сведений. Выяснилось, например, что китообразные воспринимают звуки частотой до двухсот килогерц (для сравнения замечу, что верхний частотный предел человеческого слуха — около двадцати килогерц). Стало ясно, что издаваемые китами звуки безусловно могут служить для эхолокации.

Шевилл, Лоуренс и помогавший им дрессировщик работали с дельфином-одиночкой, плававшим в бассейне с мутной водой. С самого начала они заметили, что дельфин легко находит дрессировщика и пищу в любой части бассейна.** В 1956 году они уже с уверенностью утверждали, что дельфин пользуется эхолокацией, так как он умел находить объекты, которые не только не были видны, но и не издавали никаких звуков.

В 1958 году У. Н. Келлог, профессор экспериментальной физиологии в Университете штата Флорида, сообщил о своих опытах с содержащимися в неволе дельфинами; эти опыты не оставляли сомнений в том, что животные пользуются эхолокацией для обнаружения подводных объектов. В последней серии экспериментов дельфину по имени Альберт приходилось отличать рыбок длиной пятнадцать сантиметров от рыбок вдвое большего размера; эта серия состояла из ста сорока экспериментов, и ни в одном из них Альберт не сделал ошибки: он четко различал рыб разного размера, причем делал это очень быстро, независимо от того, было ли светло в бассейне или темно, и не ошибался, даже когда Келлог пытался сбить его с толку, транслируя под водой запись предыдущих „высказываний“ дельфина.***

Не имеет смысла спорить о том, кто первым обнаружил китовый „сонар“: первого не было. В наши дни ученые не отпавляются в одиночку на поиски истины.

Маленький кашалот постепенно запоминает членов своей группы и учится отличать их от других китов. У его двоюродной бабки, например, изуродована нижняя челюсть: мно-

го лет назад эта китиха пострадала в драке с косаткой. Ее подбородок, на сорок пять градусов отогнутый от естественного положения, оброс водорослями и моллюсками; однако старая рана не беспокоит китиху — она как ни в чем не бывало охотится на рыбу и кальмаров.

Нетрудно отличить и другую старую самку, пережившую в море уже сорок три зимы. (Избежать насильственной смерти ей удалось отчасти благодаря тому, что ее почти всегда сопровождает детеныш, а китобои обычно не стреляют в кормящую мать.) Спина старой китихи густо усеяна бледными круглыми отметинами размером от чашки до большой тарелки. Некоторые из этих отметин — следы мощных присосок, которые усеивают щупальца кальмаров и осьминогов; другие шрамы — следы укусов миног, скользких и вертких коричневых существ метровой длины, которые внушают отвращение даже зоологам. Миноги всю жизнь путешествуют, присосавшись к телу кита или рыбы. Круглый и эластичный рот миноги специально приспособлен для этого: окружность его усеяна острыми зубами. Вонзая зубы в кожу жертвы, минога сосет ее кровь, и, если жертва достаточно крупна и сильна и не погибает, на теле ее остаются незарастающие шрамы. На коже китов шрамы всегда представляют собой окружности, и, если кит молод, на его спине и боках видны сотни таких кругов, беспорядочно пересекающихся между собой, как лунные кратеры. Однажды я получил письмо от сотрудника рыболовной станции в Южной Америке, который с удивлением сообщал, что видел дельфина, на боку которого белой краской были выведены цифры три и девять. Конечно, это были не цифры, а шрамы — следы нападения морских хищников.

Третья самка в группе нашего китенка стала жертвой очень странного случая. На ее правом боку — позади плавника и немного выше его — виден длинный выпуклый шрам. Китиха будет носить этот шрам до самой смерти, и, если тушу ее доставят на палубу китобойного судна, нож разделщика затупится, наткнувшись на чрезвычайно твердый предмет, скрывающийся под шрамом. Четыре года назад безлунной ночью недалеко от Бокинских островов курс этой китихи пересекся с курсом стаи меч-рыб. Меч-рыбы, вероятно,плыли со скоростью не меньше тридцати узлов, и одна из них на полном ходу столкнулась с китихой; меч обломился у основания и остался в ране. Прошло несколько недель, рана закрылась, и меч врос в подкожный жировой слой китихи.

Есть в семье нашего кашалота и кит, на которого было совершено, по-видимому, преднамеренное нападение. О том, что меч-рыбы совершают такие нападения, стало определенно известно после одного случая во время второй мировой войны. Несколько судов, груженых каучуком, были потоплены в Мозамбикском проливе; тюки каучука вынесло на берег, и осмотревшие их очевидцы пришли к выводу, что груз под-

вергся нападению марлинов и меч-рыб¹. В каучуке остались многочисленные обломки мечей; в одном тюке застрял меч полуметровой длины, который, очевидно, принадлежал марлину весом не менее ста шестидесяти килограммов; рядом обнаружили застрявшие в каучуке зубы акулы кархародона². Несчастный марлин! Он, вероятно, пытался выдернуть из каучука свой меч, и в это время на него напали акулы; одна из акул, обезумев от вкуса крови, принялась кусать каучук. Следы этого кровавого сражения сохранил и принес на берег тюк каучука.

В 1967 году меч-рыба пробила внешний слой обшивки подводной лодки — миниатюрного исследовательского судна „Алвин“. * Это произошло у берегов Джорджии, на глубине шестисот метров; агрессор не сумел высвободить свой семидесятисантиметровый меч и был поднят на поверхность и затем отправлен на камбуз. (В 180 году до н. э. Оппиан Сицилийский писал о меч-рыбе, что „природа хорошо вооружила ее пасть, но оставила безоружным ее ум“.)

Другие члены семейной группы маленького кашалота не имеют таких заметных внешних отличий, но наш герой умеет и их опознавать под водой. У каждого кита своя окраска, свой „голос“, свой рисунок шрамов, особенно заметный вокруг пасти; чаще всего это — следы укусов гигантских кальмаров, чьи твердые клювы, способные перекусить человеческий палец, оставляют на тонкой черной коже кита длинные белые царапины. Черное рыло кита бывает испещрено целой сетью белых линий — этаких росчерков тысячи клювов, роговых зубов и когтей.

На лбу одной из взрослых самок заметно углубление: когда-то она гналась за морским чертом³ и на глубине полуметра задела в крошечной тьме выступ скалы.

¹ Меч-рыбы, парусники и некоторые другие мечерыловые рыбы обитают в открытом океане. Характерная их особенность — мзчевидный вырост челюстей, особенно верхней. „Меч“ способствует уменьшению лобового сопротивления воды при плавании, и потому мечерыловые рыбы одни из самых быстроходных в Мировом океане; меч-рыба, например, способна развить скорость до 130 километров в час. Из всех рыб этого семейства только меч-рыба использует свой „меч“ для нападения на добычу. Большинство мечерыловых — одни из самых крупных рыб, обитающих в Мировом океане; так, марлины могут достигать 5 метров в длину и весить до 900 килограммов. — *Прим. ред.*

² Кархародон — одна из самых крупных хищных акул; достигает в длину 11 метров, весит более 3 тонн. Распространена в теплых водах всех океанов, заходит и в умеренно теплые воды. Относится к числу акул, наиболее опасных для человека. — *Прим. ред.*

³ Морской черт, или удильщик, — рыба до 20 килограммов весом и 1,5 метра длиной. Обычно затаивается на дне, выставив на конце гибкого луча-удилища „приманку“ в виде развевающегося флажка. — *Прим. ред.*

На спине у другой, более молодой самки — борозда, оставленная неумело нацеленным гарпуном; снаряд вошел в воду под слишком маленьким углом, задел китиху, но не взорвался.

Еще одна китиха носит на спине весьма редкий сувенир — стальную трубку с русской надписью. Это специальная метка, которой снабдил китиху один из сотрудников исследовательского судна „Алеут“ *, приписанного к Владивостокской станции морских исследований.

А вот к нашей группе китов присоединяется самка странного вида; она только что прибыла из теплых южных вод, и маленький кашалот настороженно плавает вокруг нее, рассматривая диковинных, неприятно серых рыб около сорока сантиметров длиной, которые облепили спину и бока китихи. Это не совсем обычные рыбы. Китенок видит, как одна из них бесшумно отделяется от кожи китихи и, вяло извиваясь, плывет в его сторону. Верхняя часть головы этой рыбы украшена овальной присоской, состоящей из мясистых валиков и похожей на подошву спортивной туфли. Присоска позволяет китовой прилипале, или ремора, намертво вцепляться в кожу кита. В результате долгой эволюции прилипала отказалась от свободы (а отчасти и от физической силы) ради возможности с удобством путешествовать за чужой счет; жить самостоятельно она не может. Ремора, не нашедшая себе „лошадку“, обычно обречена, ибо у нее много врагов — акул и барракуд¹.

Маленький кашалот бросается в сторону, и неприятно серое существо медленно погружается в глубину. Проходит день, и гостя с юга теряет еще несколько прилипал. А неделю спустя исчезают и последние „пассажирки“ — вода здесь слишком холодна для них, и теперь, чтобы не погибнуть, они вынуждены искать себе попутчика в теплые воды.

Холодным дождливым днем в середине октября наш герой замечает на туманном горизонте странное судно. Это „Орхидея“ ** — судно, созданное учеными специально для морских исследований и кино- и фотосъемок. „Орхидея“ идет со своей обычной скоростью семь узлов — но вдруг резко звонит телеграф: полный назад. Судно вздрагивает, в камбузе скользят по полкам кастрюли, в кают-компании ударяются о стену стулья.

В воде, вспененной винтом „Орхидеи“, бьется небольшая китиха (вес ее всего десять тонн). Она мирно отдыхала на поверхности; спина ее едва заметно выступала из воды прямо по курсу „Орхидеи“, а рулевой некстати загляделся на фонтан по правому борту. В результате столкновения китиха

---

¹ Некоторые виды прилипал свободно плавают и редко пользуются присоской. Другие, например акулья ремора, наоборот, практически не могут плавать и потому вообще не могут существовать самостоятельно. — *Прим. ред.*

ранена. Это одна из наших героинь — та самка, на спине которой блестит метка из нержавеющей стали. Метке не суждено вернуться во Владивосток, ибо раны китихи смертельны. Она издает резкий громкий звук, призывая на помощь своих собратьев, и два кита приближаются к ней. Вероятно, сочувствие заставляет их обоих одновременно испражниться. Они поддерживают раненую с обеих сторон, не давая ей утонуть. Появляются и другие киты, которым инстинкт велит спешить на помощь товарищу, попавшему в беду; было время, когда биологи смеялись над подобными утверждениями, но теперь существование этого инстинкта признается всеми исследователями.

Задолго до того как биологи начали научными терминами описывать инстинкт взаимопомощи у китов, китобойи уже умели использовать его для своих целей. Они старались ранить детеныша, зная, что мать непременно явится спасать его, и тогда можно будет легко убить не только детеныша, но и китиху. Среди экспонатов Музея китобойного промысла в Нью-Бедфорде есть акварель, нарисованная в 1840 году; на ней изображена самка кашалота, поднимающаяся над волнами; в пасти у китихи умирающий детеныш, а из окровавленного бока детеныша свисает лить гарпуна.

Когда знаменитая „Морская студия“ в океанариуме „Мэринленд“ открыла первый крупный бассейн для дельфинов, у его прозрачной стены тотчас появились биологи с фотоаппаратами и записными книжками. Одно из первых сделанных ими наблюдений относилось к проявлению инстинкта взаимопомощи у китообразных: ночью в бассейне околел молодой дельфин, а утром биологи увидели, что мать терпеливо поддерживает безжизненное тело на поверхности воды, словно боится, что ее дитя задохнется.

При виде подобных сцен я не могу оставаться беспристрастным наблюдателем — они слишком волнуют меня. А еще больше меня волнует мысль, что, возможно, миллион лет назад именно такие проявления направили эволюцию австралопитека по пути, который в конце концов привел к появлению человека — животного общественного.

Примерно в то время, когда начались наблюдения в „Морской студии“ в океанариуме „Мэринленд“, известный научно-популярный журнал опубликовал рассказ жительницы Флориды об одном любопытном происшествии.

„Это случилось шесть лет назад. Мы тогда владели узкой полосой пляжа, к которому вела скользкая и шаткая деревянная лестница. В один прекрасный день я спустилась по ней к морю; кругом никого не было, и когда я вошла в воду, меня никто не видел... Волны были небольшие, не выше полуметра, и только оказавшись по пояс в воде, я поняла, что меня унесит

отливом. Не успела я повернуть к берегу, как меня сбило с ног и захлестнуло волной; я сразу наглоталась воды. Достать дно ногами не удавалось. Я пыталась позвать на помощь, но от страха и от попавшей в гортань воды у меня отнялся голос. Я поняла, что, хотя до берега всего каких-нибудь три метра, мне не выбраться. Я начала терять сознание и молча молила бога послать кого-нибудь мне на помощь. И вдруг кто-то сильно толкнул меня к берегу, и через секунду я оказалась на песке. Я лежала ничком, не в силах даже поблагодарить человека, который спас меня. Лишь через несколько минут я сумела обернуться — и увидела, что за спиной у меня никого нет. В воде, метрах в шести от берега, прыгал дельфин, а всего в метре от него плыло какое-то другое морское животное или рыба. Я собралась с силами и поднялась по лестнице. Наверху меня ждал человек, стоявший по другую сторону изгороди, на общественном пляже. Он подбежал ко мне, спросил, как я себя чувствую, и сказал, что был свидетелем моего чудесного спасения. Он утверждал, что уже во второй раз видит, как дельфин спасает человека. По его словам, я лежала в волнах, как утопленница, когда внезапно появившийся дельфин вытолкнул меня на берег. Этот человек считал, что дельфин хотел спасти меня от плававшей неподалеку рыбы, которая, по его мнению, была акулой. Значит, бог услышал мою молитву“.*

Владения маленького кашалота пересекает судно с искателями приключений на борту: это бригантина „Фея“ **, возвращающаяся в Калифорнию с острова Пасхи. Бригантина медленно идет под парусом, двигатель ее молчит. Команда дремлет, кто-то драит медь, кто-то чинит одежду.

Вдруг из рулевой рубки доносится возглас вахтенного, шутки ради подражающего воплю дозорного со старинного китобойца: „Фонта-а-ан на горизонте!“ По палубе стучат босые пятки. Оказывается, это вовсе не шутка: „Фея“ поравнялась с семейной группой нашего кашалота. Бригантину окружена китами! Один из них проходит так близко к борту, что слышен неприятный запах его дыхания. Тремен — мальчишка, сын капитана, — повис над водой, держась за бушприт. Он вне себя от возбуждения. Схватив гарпун для акул, к которому привязан линь и поплавков, он целится в спину небольшой китихи, проплывающей прямо у борта. Попал!

Китиха удивлена не меньше, чем сам мальчишка. Линь, точно живой, бежит из бочонка. „Шлюпку на воду!“ — кричит капитан, и на волны опускается моторная шлюпка; за рулем капитан, рядом с ним Тремен. Они приближаются к раненому животному, но не знают, что предпринять: три крупных кита бросились к месту происшествия и кружат возле жертвы, годовалой китихи, сводной сестры нашего маленького героя.

Линь рвется — то ли перекушен, то ли перетерся о бок проплывающего кита; но Тремен успевает подвязать к оборванному линю новый конец, а капитан бросает еще один гарпун и тоже попадает в цель — в левый бок китихи. Кровь струится из обеих ран; китиха быстро уходит, взбивая пену, — но шлюпка летит за ней на буксире.

Между тем „Фея“ запустила двигатель и нагнала моторку; двое моряков на палубе вооружились винтовками. Целый час они почти непрерывно обстреливают китиху, и в конце концов им это надоедает — они готовы прекратить охоту; однако тут-то линь и провисает. Безжизненное тело застывает в окружении розовой пены.

Хвост туши обвязывают тросом, включают лебедку, чтобы поднять добычу на палубу. Лебедка дрожит и воет, ее приходится выключить — китиха слишком тяжела. Охотники фотографируются на фоне своего трофея, потом из спины китихи вырезают четырехкилограммовый кусок темно-красного филе — и тушу бросают на поживу акулам.

На восточной окраине угодий, занятых сейчас семьей маленького кашалота, поверхность моря покрыта коричневыми и зелеными водорослями, которые шторм сорвал с прибрежного мелководья. Мягкие стебли покачиваются в воде, все разом поворачиваются, изгибаются; лучи солнца золотят их и теряются в зеленом сумраке. Течение расправляет на поверхности ярко-зеленые листья. Ветер задирает над водой их края, и море вспыхивает миллионом отблесков. Коричневые шары и луковицы поднимаются и опускаются в волнах, точно головки кукол, которыми управляет невидимый актер. Стаи рыб, тоже унесенных штормом от берега, сплывают среди водорослей, ловят крошечные живые организмы, которые срываются со стеблей и медленно опускаются ко дну.

В этом плавучем лесу оказываются и наши герои — маленький кашалот и его семья. Конечно, китенку случалось видеть водоросли — но не в таком количестве и не так далеко от берегов! Он обследует пучок стеблей, берет его в пасть и выплевывает. Похоже на пищу, но эта пища ему не нравится. Плывая под самой поверхностью воды, китенок на пробу вторгается в гущу водорослей. Мокрые стебли поглаживают его кожу; что ж, ощущение приятное. Глаза китенка ничего не видят в джунглях колышущихся стеблей, а его слух воспринимает лишь бессмысленный шум. Закрыв глаза, он медленно движется сквозь эту странную, приятную на ощупь массу. Китенком движет первобытная тяга к открытиям, к переменам, к поискам новых возможностей — та самая тяга, которая и движет эволюцией. (Иногда, правда, она заводит эволюцию в тупик.)

Десять минут спустя китенок возвращается на поверхность и видит рядом своего сводного брата. И вот китята вместе играют в водорослях — выпрыгивают в воздух, бьют

хвостами, превращая воду с водорослями в сплошную бурю кашу, плещутся в свое удовольствие. Неожиданно китенок натывается на широкий бок самца, хозяина гарема, который немедленно награждает его ударом хвоста. Игре конец. Китенок громко чихает, выпуская в воздух фонтан мелкой водяной пыли, и сломя голову несется назад, к матери.

В 1963 году пятьдесят специалистов, мужчин и женщин, собрались в Вашингтоне на международную конференцию по исследованиям в области биологии китообразных.* Говорили на разных языках и интересовались разными аспектами биологии: одни представляли „чистую“ науку — их интерес к китообразным подогривается пламенем бескорыстной любознательности; другие относились к „прикладникам“, которые изучают животных с целью сохранить их для пользы будущего человечества. Все делегаты конференции были закоренелыми скептиками и привыкли подходить критически к результатам научных исследований. Слушая истории из опыта китобоев, обсуждая подробные доклады о поставленных экспериментах, они постоянно спрашивали себя: правильно ли докладчик интерпретирует наблюдения или им можно дать другое объяснение?

Одно из заседаний было посвящено умственным способностям китообразных. Келлер Бреланд, президент Ассоциации по изучению поведения животных, находящейся в Хот-Спрингсе в Арканзасе, предложил следующий исходный тезис: „Умственные способности проявляются, когда отказывают заложенные природой инстинктивные реакции; умственные способности расширяют комбинационные возможности животного как в отношении процессов, протекающих в его организме, так и в отношении событий внешней среды“. Делегаты сошлись на том, что именно умственные способности позволили многим животным избежать тупика эволюции, в котором оказались низшие виды, реагирующие на раздражители чисто механически. Однако, когда разговор зашел о методах испытания умственных способностей и о способах их оценки, среди участников конференции завязалась оживленная дискуссия.

Артур Ф. Мак-Брайд, о котором уже упоминалось в этой книге, заслужил уважение коллег еще в тридцатых годах, когда он занимался организацией первых океанариумов; а его сотрудник Д. О. Хебб специализируется по биологии приматов и давно работает над методикой оценки умственных способностей животных, в частности шимпанзе, с которыми он проводил эксперименты, ставя их в новые, необычные условия. Я привожу здесь краткий пересказ доклада, сделанного на конференции этими двумя учеными.

До сих пор не получено убедительных доказательств незаурядных умственных способностей дельфина — то есть его умения разрешать поставленную задачу, — и пока неясно, как

получить такие доказательства. По степени мотивированности поведения и по эмоциональным проявлениям дельфин находится между собакой и шимпанзе, так как:

— во-первых, дельфины выказывают страх перед необычными звуками и перед необычными неподвижными предметами. (Крысы, например, такого страха не выказывают.) Достаточно бросить в бассейн яркий мяч, чтобы плавающие в бассейне дельфины замолчали на целый день и прекратили играть друг с другом и выпрыгивать из воды;

— во-вторых, дельфины как будто умеют дружить с себе подобными животными, в точности как собаки и шимпанзе (опять-таки в отличие от крыс);

— в-третьих, дельфины способны в течение целого часа и дольше играть с плавающим пером или развлекаться, дразня в бассейне акулу, черепаху или пеликана; забавляются дельфины и попросту ныряя или хлопая хвостом по воде в определенном ритме. (Быть может, это занятие дельфинов сродни ритмическим танцам шимпанзе?);

— в-четвертых, дельфины проявляют склонность к сексуальным играм, не связанным непосредственно с процессом размножения. Эти игры заставляют заподозрить, что дельфины — вид более высокоорганизованный, чем остальные виды животных, и стоит ближе всех к человеку.

Следующий докладчик, профессор А. Бразнер Хоуэлл из Университета Джона Хопкинса, заявил: „Хотя дельфину умственные способности нужны, по-видимому, меньше, чем почти всем остальным млекопитающим, извилины мозга дельфина более ярко выражены, чем извилины мозга человека; впрочем, возможно, что, вопреки распространенному мнению, ярко выраженные извилины вовсе не свидетельствуют о высокой степени развития умственных способностей“.

Токузо Коджима, биолог из Японского института по исследованию китов, привел данные о соотношении веса мозга кита и веса его тела. Например, вес мозга двадцатиметрового кашалота составляет семь килограммов. Поскольку сам кашалот весит при этом сорок две тонны, вес его мозга составляет всего одну пятитысячную веса тела; укажем для сравнения, что вес мозга взрослого человека составляет от одной пятидесятой до одной шестидесятой веса его тела.

Новый подход к исследованию мозга дельфина предложили зоологи Сэм Г. Риджуэй, Н. Дж. Фланиган и Джеймс Г. МакКормик. Они считают, что показательное соотношение веса тела и веса головного мозга, а соотношение веса спинного мозга и головного мозга. По их мнению, головной мозг — это орган, управляющий рассудочным поведением; спинной мозг управляет рефлексом. У некоторых из гигантских динозавров головной мозг был не крупнее грецкого ореха, зато спинной мозг был огромен. Исследователи произвели вскрытие пятнадцати дельфинов трех разных видов. Сравнивая полученное соотношение веса головного мозга и веса спинного мозга с по-

добными данными для других животных, они обнаружили, что если у рыб это соотношение равняется единице, у лошадей — двум с половиной, у кошек — четырем или пяти, у обезьян — восьми, то у дельфинов оно составляет тридцать шесть, а у человека — пятьдесят. Результаты этих исследований весьма лестны для „умницы“ дельфина.

Последним выступал на конференции Джон Каннингем Лилли из Научно-исследовательского института коммуникаций (Майами, штат Флорида). Джон Лилли сообщил, что среди китообразных, живущих в открытом море, нет ни одного вида, мозг которого весил бы меньше восьмисот граммов. Следовательно, природа установила определенный нижний предел количества клеток головного мозга (сравните с нижним пределом количества ячеек памяти компьютера), необходимого, чтобы китообразные могли справляться с трудностями жизни в океане. Самый крупный головной мозг, обнаруженный биологами на Земле, был извлечен из черепной коробки кашалота: вес его составлял около восьми килограммов.

Далее, эксперименты, поставленные Джоном Лилли с дельфинами, заставляют предположить существование дельфиньего „языка“.¹ Джон Лилли описывал разговоры между дельфинами, которые внешне напоминают человеческие разговоры в том отношении, что пока одно из „беседующих“ животных говорит, второе молчит (в определение „человеческого разговора“ не входят, очевидно, беседы женщин). Дельфины, которые долго находятся в неволе и привыкают к людям, постепенно научаются подражать речи знакомых им людей. (Впрочем, на это способны также попугаи и скворцы.) Джон Лилли сказал, что безусловно отвергает теории „спиритистов“ о возможности существования сознания вне тела и тем не менее считает весьма правдоподобным существование неведомого нам, особого сознания дельфина.

В начале конференции доктор Л. Харрисон Мэтьюз, директор лондонского Зоологического общества, обратился к собравшимся со следующими словами: „Похоже, что некоторые из наших коллег непрочь поставят свои биологические исследования на службу привычному делу и собираются втянуть животных в непрекращающиеся человеческие войны, превратить китов в подводных сторожевых псов, охраняющих военные объекты, или обучить их носить на себе взрывчатку. Как бы ни были разумны китообразные, они, к сожалению, не наделены достаточным умом, чтобы отказаться сотрудничать с человеком и ответить своим дрессировщикам теми характерными подвод-

---

¹ Более подробно исследования психики дельфинов Джоном Лилли изложены в его книге „Человек и дельфин“, переведенной на русский язык издательством „Мир“ в 1965 году. Кроме того, интересные данные по этому вопросу приведены в книге Ф. Г. Вуда „Морские млекопитающие и человек“, опубликованной на русском языке Гидрометеоздатом в 1979 году.— *Прим. ред.*

ными звуками, которые, будучи произнесены в воздухе, выразили бы высшую степень презрения“.*

Браво, доктор Мэтьюз!

Проливом Хуан-де-Фука, ведущим к Пюджет-Зунду, плывет на восток двоюродный дедушка нашего маленького кашалота; старый кит нагоняет длинную процессию лососей. Лососи упорно пробираются к притокам реки Фрейзер, где, прежде чем проститься с жизнью, они отложат на галечное дно множество сверкающих икринок. Лососи появляются здесь каждую осень; кит догнал последнюю в этом году стаю и уже заметил, что лососей вокруг него становится все больше: они почуяли струю пресной воды и, повинувшись таинственному зову, с новой энергией устремились навстречу реке, которая дала им жизнь три или четыре года назад. Кашалот этого не знает. Но если прежде после часа погони ему иногда удавалось поймать одного-другого лосося, то теперь он плывет в сплошном потоке сверкающих серебряных тел — он просто не успевает их глотать. Колышутся в воде снасти рыбаков из Нибэя, Сэкью и Пишта. Кит приплыл сюда по чистой случайности. Он здесь один. Его семья пасется далеко в открытом море, откуда даже не видно мыса Флэттори. Древний инстинкт велит им держаться подальше от узкого пролива Хуан-де-Фука.

Инстинкт спасает кашалотов от неприятной встречи, ибо тихие и спокойные воды в окрестностях Пюджет-Зунда давно облюбовала стая косаток — китов-убийц, чрезвычайно крупных и быстроходных хищных млекопитающих моря. Вот группа косаток, возглавляемая громадным самцом, бороздит море в поисках добычи. На самце роскошный наряд: черный фрак и белая манишка. Весит кит не меньше девяти тонн; когда он всплывает, его спинной плавник на полтора метра поднимается над водой, как парус. Эта стая косаток отлично знакома местным яхтсменам, которые каждый раз с восхищением наблюдают, как киты направляются сначала на север, к острову Ванкувер, потом устремяются в пролив между островом и материком. Вдали от берегов косатки питаются сельдью, палтусом, хеком и кальмарами, а в проливах между островами охотятся на лосося, треску, акул, порой — на тюленей и дельфинов, а иногда и на морских птиц. (Английское название косатки „кит-убийца“ — типичная выдумка человека: такими выдумками двуногий царь природы пытается отвлечь внимание от кошмаров массовых убийств, в которых виновен он сам.)

Эхолокатор вожака косаток обнаруживает одинокого кашалота, и вслед за вожаком вся стая направляется в его сторону. Эти косатки не раз успешно атаковали небольших китов, обитающих в районе Пюджет-Зунда, а однажды напали

на огромного серого кита, с которым они сражались два часа подряд на глазах у возбужденных туристов, толпившихся на берегу. Однако с кашалотом косатки встретились впервые: наш самец — диковинный гость для здешних вод. Вожак медлит — но его молодой и норовистый приятель, разинув зубастую пасть, бросается на кашалота.

Гость в четыре раза тяжелее агрессора, и в драках он не новичок: уже десять лет этот кашалот набирается боевого опыта в брачных поединках со своими братьями. Он выжидает... и вот в решающий момент яростной дугой изгибает свое громадное тело и наносит косатке сокрушительный удар хвостом. В следующую секунду его нижняя челюсть вспарывает мягкое брюхо косатки; зияет трехметровая рана, сражение окончено. Незадачливый агрессор во фраке и в машишке беспомощно извивается на поверхности моря; волны окрашиваются кровью.

Вопли смертельно раненого товарища заставляют всю стаю забыть о голоде. Косатки в смятении кружат возле умирающего, а одна из самок пытается поддержать его, не дать ему утонуть. Кашалот же сворачивает на запад и уходит в открытое море. В следующий раз он прислушается к голосу инстинкта и не отважится так далеко заходить в здешние тихие воды.

„Киты-убийцы уничтожены! Соединение капитана Шеррилла выполняет особое задание“.

Это заголовок озадачившей меня заметки, напечатанной в газете „Новости военно-морской авиации“. В заметке, среди прочего, говорилось: „Успешно завершена еще одна операция по уничтожению китов-убийц в прибрежных водах. С помощью ракет, глубинных бомб и пулеметного огня были ликвидированы сотни хищников“.*

Несчастные киты! Несчастный капитан Шеррилл, командовавший „успешно завершенной“ операцией! Знайте, капитан, что успех ваш весьма сомнителен: место уничтоженных косаток очень скоро займут их потомки. Бомбите их, бомбите! Ваши люди всю позабазятся, а вы подпишете еще один рапорт об „успешно завершенной“ операции.

Мы, люди, любим называть одних животных хорошими, „добрыми“, а других плохими, „кровожадными“. Классифицируя их подобным образом, мы как бы наводим порядок в животном царстве, которое пугает нас своим анархическим разнообразием. Мы без особых колебаний выносим приговор крысе, называя ее „злой, хитрой и грязной“, и эти эпитеты помогают нам отмахнуться от размышлений о биологических механизмах, управляющих жизнью крыс.

С тех пор как люди получили возможность наблюдать пове-

дение косаток в неволе, отношение к этим хищникам значительно переменилось. Да и неудивительно: ведь теперь можно увидеть, как дрессировщик сидит верхом на ките-убийце, чешет ему спину щеткой на длинной ручке, обнимается с ним и даже кладет голову в пасть этого „кровожадного“ животного.

Ни одна книга о китах не обходится без затасканной, набившей оскомину истории о том, как профессор Эшрихт вскрыл желудок косатки и извлек из него (цитирую лучший из вариантов этой истории): „Ни больше ни меньше как тринадцать взрослых дельфинов и четырнадцать тюленей“. Еще один тюлень был якобы обнаружен в глотке косатки. Однако, обратившись к отчету самого профессора об этом вскрытии, написанному в 1862 году* я выяснил, что в действительности содержимое желудка косатки представляло собой отдельные куски кожи и костей — останки животных, съеденных косаткой в течение неизвестного периода времени. Не думайте, будто я полагаю, что развеял легенду о прожорливой косатке, — ведь это интересная легенда, а интересные легенды живут вечно.

НОЯБРЬ

Первое ноября; наш юный герой играет в волнах; далеко на горизонте, там, где тихое, гладкое море сливается с таким же тихим небом, он замечает крошечную черную точку. Она слишком далеко, и пока не видно, что это такое — возможно, плывущее по морю бревно, а возможно — раздутый труп тюленя; может быть, это деревянный ящик, сброшенный с палубы, или пустая пластмассовая банка (миллионы таких банок плавают в океане и валяются на побережьях: даже в соленой морской воде они не поддаются коррозии).

Пока маленький кашалот лениво переворачивался с одного бока на другой, точка на горизонте успела вырасти. Малыш настораживается — он почуял опасность. Его мать внезапно меняет курс и пускается наутек; так поступают и все остальные киты семейной группы. Они размеренно дышат, их чувства обострены, голоса приглушены.

Прошло всего несколько минут — но зловеющий черный предмет уже совсем рядом; киты в страхе бросаются в разные стороны. Вспенивают воду могучие винты; массивное

океанское судно со словами „Арена жизни“ * на борту преследует кашалотов. На баке его чернеет странное металлическое чудовище, похожее на пару гигантских щипцов. В корзине на мачте — дозорный; осеннее утро морозно, и дозорный обмотался теплым шерстяным шарфом. Он энергично машет рукой, указывая рулевому курс. Моряки в желтых непромокаемых комбинезонах поднимают на палубу тросы и тали. Судно резко накреняется и разворачивается, взбивая белую пену; моряки хватаются за ванты и леера, чтобы не оказаться за бортом.

„Арена жизни“ пускается в погоню за годовалой — еще „грудной“ — самкой, которая приходится сводной сестрой нашему маленькому кашалоту. Преследователь то замедляет ход, то резко бросается вперед, а затем внезапно меняет курс и снова прибавляет ходу — точно коршун, охотящийся за зайцем! На секунду двигатели замолкают — это моряки пытаются определить, где всплывет юная китиха в следующий раз, — и вот зловещее судно снова устремляется в погоню, из трубы вырываются новые клубы дыма. Китиха не успевает перевести дыхание, а враг уже совсем рядом.

Гремит пушечный выстрел. На палубе сверкает вспышка, в воду летит снаряд. Однако это не гарпун: черное „чудовище“ оказалось стальными щипцами, обтянутыми поролоном. Щипцы крепко хватают китиху за основание хвоста — самое узкое место ее туловища. Прочный нейлоновый линь соединяет щипцы с судном. Еще один выстрел — и в спину бьющегося животного вонзается ампула с транквилизатором — веществом, которое должно парализовать движения животного. Яростный звонок машинного телеграфа — судно дает задний ход. С дрожащего, как струна, линя срываются капли воды.

Моряки торопливо рубят тросы, удерживающие на палубе другое странное сооружение, похожее не то на лодку, не то на гигантское корыто. Это неглубокие сани шести метров длиной, сделанные из стали и поролона. Сани падают на воду, в них вскакивают четверо моряков, которые уже не раз репетировали предстоящую им сейчас операцию. Они спешно подводят свою странную посудину к хвосту китихи.

День холодный — но капитана прошибает горячий пот. Никогда еще человеку не удавалось поймать кашалота живым. Суждено ли ему стать первым в истории ловцом кашалотов — или линь наматается на винт, обломит лопасть руля? Что если китиха очнется и в ярости набросится на морские сани и утопит его людей? Тут не помогут и их спасательные жилеты!

Капитан качает головой и сплевывает табачную жвачку.

Китиха быстро успокаивается. Дыхание ее становится тяжелым, хриплым. Может быть, доза вещества в ампуле оказалась слишком большой для нее?

И вот воплощается в жизнь план заключительного этапа охоты — результат бесконечных дискуссий, во время которых было выкурено множество сигарет и выпито немало кофе. Ветеринары, механики, инженеры, биологи и опытные моряки — все принимали участие в этих дискуссиях.

Металлические щипцы держат хвост китихи над водой в весьма неудобном для нее положении; под хвостовой плавник подводят сани.

„Быстрой, быстрой! — торопит капитан. — Как бы она не пришла в себя!“

Четверка в спасательных жилетах прыгает в холодную воду; хвост китихи лежит на краю саней. Судно дает задний ход, и щипцы медленно и осторожно втягивают китиху на сани. Все кончено — кашалот пойман.

„Господи, неужели удалось?!“ — слышится с палубы.

Судно медленно движется задним ходом, не давая нейлоновому линю ослабнуть. Моряки подплывают к саням, продают тросы в стальные кольца. Капитан подает сигнал, и огромные сани с живым грузом начинают подниматься из воды. Бум, через который перекинута тросы, опасно наклоняется; палуба судна уже не горизонтальна; бьется о ванту висящее ведро. Кто-то дергает тросик, соединенный с зажимом щипцов, и они раскрываются; теперь китиха свободно лежит в санях, вращая глазами, — беспомощное, испуганное существо, против своей воли поднятое в чуждый ему мир.

Наконец китиху опускают в люльку, подвешенную на баке; широкий мягкий пояс из брезента и поролона прижимает ее плавники к бокам. В разрыв туч пробиваются лучи солнца. Судно разворачивается и, взяв курс на ост-норд-ост, полным ходом устремляется вперед. Летит радиограмма владельцам „Арены жизни“. Сменив промокшую одежду, моряки выходят на палубу и молча окружают китиху, глядя, как медленно поднимаются и опускаются ее бока, как озадаченно ползают по ее высыхающей коже маленькие насекомоподобные существа, как дрожит притянутый к боку плавник пленницы, как блестят ее глаза. Они совсем рядом — кит и человек, теплокровное млекопитающее океана и теплокровное млекопитающее суши, отростки одного древа жизни, которому двести миллионов лет.

На палубе появляется кок. Он вытирает руки о фартук и сдвигает на ухо белый колпак.

„Обед! — кричит кок и обводит китиху бесстрастным взглядом. — Да простят нас киты и тюлени, друзья моряка“, — бормочет он, возвращаясь в свое маленькое и уютное королевство, полное восхитительных ароматов. У кока своя собственная религия, своя жизненная философия.

Дрессировщик и ветеринар озабоченно обсуждают длинный красный порез на рыле китихи, где ее задело тросом. Затем они осматривают волдыри на ее темени.

Всю эту звездную ночь судно спешит в порт. С рассветом

моряки снова поднимаются на палубу и осматривают китиху. Она уже не так тяжело дышит и время от времени ворочается в своей люльке. Ветеринар покрывает белой мазью ее волдыри, вслух объясняя самому себе: „На солнце сгорела... Всего час пролежала вчера на солнце, и вот пожалуйста — волдыри!“ Затем он снова обрабатывает антисептической мазью порез на рыле китихи и распоряжается, чтобы пленницу непрерывно поливали соленой водой из шланга, не давая ее нежной коже пересохнуть.

К двум часам дня судно прибывает в порт, где пленницу водружают на открытый грузовик. Репортеры местных газет щелкают фотокамерами, листают блокноты. Час спустя китиха вселяется в свое новое жилище — бассейн с проточной морской водой.

Новость быстро облетела страну, и специалисты из Нью-Йорка, Сан-Франциско, Нового Орлеана и Лос-Анджелеса уже готовятся лететь на свидание с настоящим живым кашалотом.

Между тем озабоченные сотрудники „Арены жизни“ пытаются организовать питание пленницы. Чем кормить годовалого беззубого кашалота? Что ел этот „младенец“ на воле? Неужели ничего, кроме материнского молока?

„Для начала,— говорит старый служитель аквариума,— дайте ей касторки“.

Однако ветеринар рекомендует воздержаться от сильнодействующих средств, и избавленная от оскорбительного лечения китиха получает пресную жидкую кашу, приготовленную из сырых моллюсков, макрели, рыбьего жира и витаминов; с помощью мягкого шланга кашу осторожно вводят ей прямо в желудок.

Выясняется, что эта „детская смесь“ вполне может заменить пленнице материнское молоко. В первое кормление она благополучно съедает семь с половиной литров смеси, в следующий раз — пятнадцать литров. „Не будем считаться с расходами,— говорят ее хозяева.— Главное — чтобы китиха выжила“. Она весело плавает в бассейне и всем своим видом как бы говорит: „Порядок!“

А в трехстах милях от нее, в океане, мать безуспешно ищет исчезнувшую дочь...

В середине ноября океан редко бывает спокоен. Почти не затихая, бегут на юг черные волны; по волнам скользят тени облаков. Подвывает ветер. Для тех, кто любит море, это сезон отдыха и покоя. Слушайте, слушайте музыку сфер! Вечная мелодия звучит в ритме катящихся волн. Неслышно является рассвет; винным отливом загораются облака, подкрашенные пеплом вулкана, проснувшегося в десяти тысячах миль отсюда.

К семейной группе маленького кашалота присоединяются новые киты, которых он прежде не видел. Киты в превосход-

ной форме: кормясь на летних пастбищах в районе Алеутских островов, они все лето прибавляли почти по тонне жира в месяц.

Однако некоторые из самцов покидают нашу семейную группу и уходят на юг. Их немного, и они, в сущности, не являются членами семьи. Они живут в морях южного полушария; лишь иногда случай заводит их в мексиканские воды. На юге сейчас весна. День ото дня солнце все дольше остается в небе; скоро оно будет светить всю ночь.

В поисках добычи кашалоты идут на юг, в моря, редко посещаемые человеком; жизнь там бьет ключом. Даже достигнув шестидесятой параллели южного полушария, киты не останавливаются. Они идут дальше, плывут между огромными — иногда до мили шириной — ледяными полями, украшенными сверкающими дворцами, искрящимися пещерами, таинственно светящимися сине-зелеными башнями, вокруг которых в полынях шумит вода, громким плеском встречая обрушивающиеся ледяные пики. Обломки ледяных полей „страны безмолвия“ — великого белого континента — сползают в море, отделяясь от континентальных льдов, и плывут, постепенно распадаясь, тая и растворяясь, пока течение Гумбольдта не растопит их до конца.

Однажды я побывал на Южном полюсе и испытал, каково дышится при тридцатипятиградусном морозе — и это в середине лета! — на континенте вечных льдов. Это огромный континент, больше Европы; он бесконечно чист и покоен; там человек может наконец прислушаться к себе и своим чувствам.

Окаменелые останки китов-родоначальников прослеживаются в геологических породах, относящихся ко времени появления первых млекопитающих; более глубокие геологические пласты не сохранили никаких определенных „записей“ касательно первобытных китов и вообще млекопитающих. Чем глубже мы заглядываем в геологические породы, тем реже находим окаменелые скелеты млекопитающих и тем мельче эти скелеты; самые мелкие из них принадлежали животным размером с крысу, которые когда-то питались яйцами динозавров. Животных, составлявших промежуточное звено между китами и их сухопутными предками, обнаружить пока не удалось.

Изучая эволюцию животных, ученый может прибегнуть к трем разным способам проникновения в тайны прошлого: он может исследовать окаменелые останки, может изучать ныне живущих представителей интересующего его вида и может заняться анализом среды, которая окружала этот биологический вид.

Говорят, что зоологи обожают полуистлевшие кости. Но ведь всякая кость, даже самая крошечная, отражает длитель-

ную историю эволюции животного и его потребности на определенном этапе развития. (Не только зоологи, но и художники находят в костях известную экспрессию и умеют видеть в них функциональную красоту.)

Однако было бы бессмысленно изучать скелеты давно вымерших видов китов, если бы одновременно мы не изучали живых китообразных, пытаясь понять структуру организма кита, прекрасно приспособленного к жизни в океане — к плаванию и нырянию, к добыче пропитания и к размножению.

Начнем с зарождения жизни в чреве китихи — то есть с эмбриологии китов. Кит — самое странное из всех млекопитающих, наиболее отклонившееся от основного пути эволюции млекопитающих, наиболее специализированное. Тем не менее организм китообразного не отличается никакими принципиально иными биологическими механизмами: мы находим в нем органы, получившие то или иное специфическое развитие, однако хорошо знакомые биологам, ибо они имеются и в организме собаки, кошки, коровы или любого другого сухопутного млекопитающего. Этот факт вполне убеждает зоологов в том, что киты — потомки наземных млекопитающих (а не морских земноводных, например).

Когда зародыш кита представляет собой всего лишь розовый комочек плоти размером два-три сантиметра, по бокам этого комочка ненадолго появляется пара вздутий, которые исчезают по мере того, как зародыш растет. Местоположение их в точности соответствует местоположению задних конечностей зародыша других млекопитающих; таким образом, ясно, что эти вздутия — зачатки задних конечностей далеких предков кита. Они не несут никаких видимых функций — как не несут функций соски на груди мужчин. Их появление лишь иллюстрирует тот факт, что ненужные органы отмирают чрезвычайно медленно — если только какие-то обстоятельства не делают их существование обременительным для животного и не влияют на естественный отбор.

Время от времени среди скучных, однообразных записей, которые ведутся на китобойных станциях, появляются сообщения, в которые было бы трудно поверить, если бы они не были подтверждены фотографиями и зарисовками. Это сообщения о поимке китов с примитивными, полусформировавшимися задними конечностями. Ничтожна вероятность проявления такого гена после того, как киты многие миллионы лет рождаются без задних конечностей, — и тем не менее атавизм способен исказить развитие зародыша кита и привести к рождению двуногого морского млекопитающего. Эти атавистические конечности, разумеется, несовершенны: впрочем, недалеко от Ванкувера убили однажды кита-горбача, который имел ноги длиной больше метра. Они были вполне симметричны и состояли из тех же костей и хрящей, из которых обычно состоят задние конечности млекопитающего.

У каждого зародыша финвала в мягкой ткани десен можно

обнаружить зачаточные зубы; по мере развития зародыша они твердеют, но когда зародыш достигает длины около четырех метров, эти несостоявшиеся зубы полностью исчезают. У новорожденного финвала зубов нет — с нёба его свисает густая сеть так называемого китового уса, который служит для выцеживания планктона из морской воды. Китовый ус состоит из рогообразного вещества — подобно человеческим ногтям, например.

В течение некоторого времени зародыши нескольких видов дельфинов имеют по восемь сосков, хотя у взрослых дельфинов сосков только два. Это тоже атавизм, напоминающий о далеком прошлом, когда предки китообразных жили на суше и каждая самка вскармливала целый выводок детенышей.

Оставим, однако, окаменелости и эмбрионы; немало сведений относительно предков китов можно получить, изучая биологию современных видов китообразных. Правда, сведений о наземных предках китов мы тут почти не находим, ибо киты так давно живут в океане и так хорошо приспособились к водному миру, что сохранили — во всяком случае, во взрослом состоянии — очень мало признаков своего родства с древними наземными формами жизни.

Современных китообразных делят на две группы — зубатые киты и усатые киты. Зубатые киты — это активные хищники, охотящиеся на морских обитателей всех размеров, от крошечных рыбок до кальмаров, весящих около тонны. Зубатые китообразные встречаются почти во всех морях мира, так как они приспособились к самым различным условиям. Некоторые из них живут круглый год в пресноводных озерах Китая.¹ Каждому виду соответствует определенный тип среды обитания — так называемая „экологическая ниша“; таких видов зубатых китов сейчас насчитывается семьдесят. Усатых же китов всего только десять видов; все они обитают в открытом море и кормятся планктоном.

У зубатых китов одно дыхало и асимметричный череп; у усатых китов — два дыхательных отверстия, череп их симметричен. Желудок зубатого кита состоит из трех и более отделов (в зависимости от вида); желудки всех усатых китов имеют только три отдела.

Эти и многие другие различия между зубатыми и усатыми китами наводят на мысль, что их происхождение различно.²

---

¹ Помимо китайского озерного дельфина (озеро Тунг-Тинг), существуют еще три вида пресноводных дельфинов: один обитает в реках Ганг и Инд, другой — в Амазонке и Ориноко и третий — в реке Ла-Плата. — *Прим. ред.*

² Среди специалистов по китообразным существуют две диаметрально противоположные точки зрения на происхождение китообразных. Первая — усатые и зубатые киты имеют разных предков, а внешнее сходство их следует объяснить конвергенцией (приспособлением к одинаковым условиям жизни); этой точки зрения придерживается и автор книги. Вторая — обе группы китов имеют одного общего предка. — *Прим. ред.*

В ранний меловой период, более ста миллионов лет назад, два вида небольших, покрытых шерстью теплокровных животных обитали в мелких солоноватых болотах вблизи морских побережий. Последующее развитие одного из этих видов привело к появлению медведей, собак и выдр, другой вид оказался родоначальником иной ветви животных, в том числе коров. Часть представителей обоих видов со временем переселилась в океан; причем с одним из видов это случилось, возможно, на миллион лет раньше, чем с другим. Потомки представителей обоих этих видов так и остались жить в океане и составляют теперь две разные группы, которые мы называем общим термином „китообразные“, потому что, приспособившись к одинаковым условиям жизни, они стали чрезвычайно схожи.*

Еще один (не слишком совершенный) ключ к родственным связям китов представляют собой наборы „попутчиков“ и паразитов, живущих в теле кита или на его коже. Всегда есть паразитические черви в желудочно-кишечном тракте китов. Если какой-то вид кита и какой-то вид червя-паразита связаны длительной и устойчивой (хотя и односторонней) связью, то с изменением организма кита (под воздействием меняющейся внешней среды) меняется также и червь, отчего появляется новый подвид соответствующего вида червей.

„Попутчиками“ мы называем такие организмы, как диатомей — водоросли, скользкими пятнами покрывающие кожу китов. Некоторые подобные штаммы встречаются на коже китов северного полушария, другие — на коже китов-южан, и это указывает, что данные популяции живут в разных районах земного шара.

В наши дни появляются новые, чрезвычайно интересные теории для объяснения скорости и механизмов эволюции. Согласно одной теории, например, изменение содержания кислорода в земной атмосфере происходило не постепенно, а скачкообразно. При каждом скачке развивались новые виды растений и животных, а прежние виды начинали вымирать. Другая теория утверждает, что в периоды уменьшения силы земного тяготения поверхность планеты подвергалась воздействию мощных космических излучений, отчего среди живых организмов Земли возникали мутации¹. Лишь обитатели океанских глубин, защищенные многокилометровым слоем воды, избежали воздействия космического облучения. Примером тому — допотопное животное целакант, в 1938 году извлеченное из океанских глубин африканским рыбаком.²

---

¹ Мутации — внезапно возникающие естественные (или вызываемые искусственно) изменения наследственности организма. Давать мутации — свойство всех организмов (высших и низших, в том числе и человека), лежащее в основе наследственной изменчивости в живой природе. — *Прим. ред.*

² Долгие годы считалось, что кистеперые рыбы (некоторые из них были предками первых наземных позвоночных — земноводных)

Итак, древние киты оставили свои следы в геологических наслоениях планеты, которые сформировались от двадцати до шестидесяти миллионов лет назад. Современные зубатые киты восходят к китообразным, жившим на Земле около пятидесяти миллионов лет назад. Современные усатые киты — более молодая группа, ей около сорока миллионов лет.¹ Очевидно, общие предки усатых и зубатых китов существовали на Земле около ста миллионов лет назад. Возможно, их окаменелые кости когда-нибудь и будут обнаружены среди меловых отложений рядом с остатками скелетов летающих рептилий и зубастых морских птиц.

Бесконечно многообразен мир, окружающий нашего маленького кашалота. В океанской воде растворены сотни химических веществ, сверкают миллионы живых светлячков, плавают миллиарды комочков материи, ни один из которых не похож на все остальные. Это бесконечно разнообразный, постоянно движущийся, прозрачный животворный бульон — поистине космический источник жизни, древний и постоянно обновляющийся.

Резвясь в этом богатом, прозрачном мире, маленький кашалот и его друзья иногда подбирают игрушки, которые причиняют им боль: жизнь преподносит „детям“ неприятные сюрпризы.

В последнее время наш китенок часто пытается ловить остатки материнской трапезы — куски пищи, которые она теряет каждый раз, когда раскрывает свою громадную пасть. Это полуживые рыбы самых разных видов, разорванные на части кальмары и другая добыча. Участие в материнской трапезе полезно для китенка, ибо так он учится ловить добычу, преследовать и кусать ее. Однако это не всегда приятно, потому что время от времени в пасть ему попадают ядовитые рыбы и рыбы с колючками или с острой чешуей. Иногда и неядовитые рыбы могут вызвать пищевое отравление: это

вымерли более 50 миллионов лет назад. И вдруг в 1938 году был открыт единственный современный представитель этой группы, существующий на сегодняшний день на Земле, — латимерия (отряд целакантообразных группы кистеперых рыб). С тех пор было поймано еще 20 экземпляров этого вида. Об этом „живом ископаемом“ подробно рассказывается в книге Д. Смита „Старина четвероног“, опубликованной на русском языке Географгизом в 1962 году.— *Прим. ред.*

¹ По представлению большинства зоологов, усатые киты уже прошли стадию своего расцвета, который пришелся на миоцен. Зубатые же, представленные сегодня многочисленными и разнообразными видами, именно в настоящее время достигли эволюционного расцвета.— *Прим. ред.*

случается после того, как рыбы пасутся в „красных приливах“.

„Красный прилив“ представляет собой взвесь одноклеточных организмов — не животных и не растений, они занимают как бы промежуточное положение. Подобно растениям, они содержат хлорофилл; в их состав входят также и сгустки красноватого пигмента; а передвигаются эти организмы при помощи жгутиков, как простейшие животные. (Впрочем, разве всякий организм обязан быть либо растением, либо животным? Ведь этикетки нужны не природе, а человеку.) Организмы, составляющие „красный прилив“, называются динофлагеллятами¹; иногда они вдруг начинают размножаться с поразительной быстротой; почему это происходит, в точности неизвестно. Некоторые из динофлагеллят содержат смертельный яд², возможно, самый сильный яд на Земле — сильнее ботулина.

Желудок китенка еще не приспособлен для твердой пищи, и в кровь его пока только начинают поступать различные противоядия. Да и слизистая оболочка его пищевода пока слишком нежна и мягка.

Сегодня, например, у него болит живот. Он бьет своей массивной, как наковальня, головой в материнский бок и трется спиной о ее живот. Мать, от которой он привык получать всяческие радости, сейчас представляется ему виновницей его несчастья. Китенку кажется, что он голоден; он пытается присосаться к материнской груди, но тут же срывается несколько литров молока, которое расходуется в морской воде.

Хлопья свернувшегося китового молока появляются в волнах, и плавунчики³, аккуратной стаей летящие над морем, быстро снижаются, сверкая серебристыми крыльями, и ловко подбирают отвергнутую китенком пищу.

Мать преспокойно продолжает свой путь. Наш герой — ее двенадцатый отпрыск (не считая двоих, которым не суждено было увидеть мир). Китиха, вероятно, знает, что детские беды приходят и уходят, хотя едва ли помнит тот день, лет

---

¹ И все же динофлагелляты относятся к животным, а именно к типу простейших, к классу жгутиконосцев, но к особому подклассу — растительных жгутиконосцев. — *Прим. ред.*

² Поедая динофлагеллят, морские животные накапливают в организме яд, который, попадая с пищей в организм человека и других теплокровных животных, оказывает на них отравляющее действие. Яд поражает нервную систему, вызывая паралич мышц. Известны случаи массового отравления людей. Явление „красного прилива“ подробно описано в книге Э. Р. Ричиути „Опасные обитатели моря“, опубликованной на русском языке Гидрометеоздатом в 1979 году. — *Прим. ред.*

³ Плавунчики — мелкие кулики, жизнь которых тесно связана с морем. Большинство из них — арктические птицы. Зимуют обыкновенно в открытом море вдали от побережий. — *Прим. ред.*

пятьдесят тому назад, когда, играя у рифов острова Рождества, она сама проглотила плававший на волнах кокосовый орех и долго мучилась желудком. Целую неделю проглоченный орех причинял ей боль, мешая пищеварению, пока природа наконец не пришла на помощь юной китихе и не избавила ее от несъедобной пищи.

Этот урок не прошел для китихи даром. В наше время воды северной части Тихого океана буквально усеяны сетями с крупными шарами из зеленого или бурого стекла, некоторые из которых достигают почти полуметра в диаметре. На этих шарах можно прочесть названия китайских, корейских, японских, советских, канадских, американских и мексиканских заводов рыболовного оборудования. В шторм стеклянные поплавки отрываются от сетей и отправляются дрейфовать по волнам, приплывая и на „детские площадки“ китов. Случается, конечно, что китенок проглатывает такой поплавок — но ни один опытный, внимательный кит не сделает такой ошибки.

Двадцатое ноября; полная луна, стоящая высоко в небе, освещает мир маленького кашалота. Он счастлив, все неприятности прошлой недели забыты.

Ровная поверхность моря, гладкого, как расплавленное серебро, внезапно взрывается, и прежде чем китенок успевает понять, что произошло, над морем вырастают лес теней. Какой-то сверкающий черный гигант всплыл на поверхность, разом выставив в воздух и хвост и огромную пасть, из которой торчат извивающиеся, бьющие по воде, отвратительные на вид щупальца. Это кашалот-самец, хозяин гарема, не на жизнь, а на смерть сражается с кальмаром.

Всего несколько кратких мгновений прошло с тех пор, как кальмар, привлеченный лунным светом, поднялся поохотиться у самой поверхности моря. Гигантским розово-серым призраком он двигался в воде, точно бесформенная пелена, парящая в пустоте, покачиваясь и шевеля тонкими щупальцами; внезапное нападение — и кальмар бросился в отчаянное бегство, последнее в его жизни.

Вода успокаивается, и китенок плывет вслед за самцом, на безопасном расстоянии от него — около сотни метров. Он наслаждается сладостными запахами, разлитыми в воде, и ловит сочные остатки кальмаровой туши. Порой ему приходится нырять за ними, иногда довольно глубоко. Когда китенок опускается в новые, незнакомые ему глубины, мышцы его тела напрягаются, сухожилия болезненно натягиваются, в желудке урчит; он постигает волнующее напряжение всех сил, знакомое любому из хозяев океанских глубин.

За много миль от маленького кашалота от стада самцов, направляющихся навстречу антарктической весне, отделяется кит — он тоже уходит в глубину, но ему уже не суждено

вернуться. Случай привел его как раз в то место, где между двумя подводными вершинами повис на километровой глубине эквадорский телефонный кабель. Первый сигнал, который получает кит от своих опознавательных систем, кажется ему весьма знакомым: перед ним скользкое, мягкое, упругое щупальце — это, разумеется, кальмар, желанная добыча. Кит хватается „щупальце“ зубами и осторожно тянет его. Кабель растягивается, затем внезапно тугим кольцом обвивается вокруг тела кита, намертво зажав его грудные плавники. Кит в страхе бросается в сторону, изгибает тело дугой, пытаясь вырваться. Еще одно кольцо обвивается вокруг его брюха, потом вокруг хвоста. Легкие кашалота горят мучительной болью; перед его затуманенным зрением вспыхивают искры, мир окутывается мягкой тьмой...

Кабель не рвется — и смерть этого кашалота не войдет в анналы человеческой истории. Лишь шепот телефонных разговоров окружает его могилу — о жизни и смерти, о любви и о пустяках, о заработанных и о потерянных песо... Туша постепенно разлагается. К ней навевываются светящиеся существа и какие-то черные тени, усеянные светящимися точками; со временем все мясо будет съедено, и даже скелет погибшего кашалота рассыплется на части, и его кости лягут на океанское дно; они впишутся еще одной строкой в геологическую историю планеты, и история перевернет страницу.

Несколько лет тому назад двое храбрецов — инженер-математик и журналист — провели важный опыт у побережья Калифорнии: они опустили на океанское дно в водолазном колоколе, в который подавали не воздух, а кислородно-гелиевую смесь. Считалось, что эта смесь поможет им избежать так называемой кессонной болезни, которая вызывает мучительные боли у всякого водолаза, погрузившегося слишком глубоко или вернувшегося на поверхность слишком быстро. В несколько приемов колокол опустили на глубину трехсот метров, где царит чудовищное давление. Затем его подняли на поверхность. Водолазы-любители были без сознания. Один из них так и не пришел в себя, второй очнулся и рассказал, как проходило погружение на рекордную глубину¹ для человека, не защищенного специальным водолазным костюмом.*

Уже в первый год своей жизни маленький кашалот увидит и услышит множество самых разных судов, а в последующие годы он увидит их еще больше: и чадающие, грохочущие мо-

---

¹ В настоящее время человек достиг значительно больших глубин. — *Прим. ред.*

торки с рыболовами-одиночками; и сейнеры, на палубах которых огромными грудками лежат сети, источающие запах гнилых водорослей; и быстроходные парусные клиперы, гордо несущие свои белые паруса (каждый из этих красавцев стоит не меньше миллиона долларов); и направляющиеся к южным островам туристские лайнеры с их яркими цветными огнями, смехом веселых пассажиров и музыкой. Нашему маленькому герою суждено узнать и запомнить много разных морских судов.

В последний день ноября он увидит „Поиск“ * — судно, какое второй раз уже не встретится на его жизненном пути, потому что капитан этого судна поклялся, что, если ему пощастливится вернуться домой живым, он никогда больше не поведет „Поиск“ в открытое море.

„Поиск“ — уникальное экспериментальное моторное судно, впервые спущенное на воду. В его разработке принимали участие десятки ученых. Любой моряк придет в ужас, оглядев „Поиск“: это плавучая мастерская-лаборатория, в которой громоздкие штативы с колбами для проб воды соседствуют с сетями для планктона; специальные ведерки для взятия проб грунта стоят возле рыболовных снастей; глубиномеры, радарные устройства, пеленгаторы, дистилляторы, цепные тали — все это размещено среди котлов, жестянок, кастрюль и множества разных подобных предметов. Поднявшись на борт перед отплытием, капитан оглядел загроможденную палубу, почесал подбородок и сказал: „Будем надеяться, что не заштормит“.

И вот „Поиск“ уже в двух днях хода от Сан-Франциско. На борту довольно пестрый экипаж — биологи, физики, химики, двое матросов, инженер, кок и старпом. Негромкий голос и приветливая улыбка капитана Ларсена успокаивающе действуют на экипаж, который все больше нервничает.

К вечеру второго дня „Поиск“ минует острова Чаннел. Он идет лишь под небольшим парусом, который точно держит судно на курсе, пока море спокойно. Биолог достает подводный фонарь и, выставив с борта шест с блоком на конце, травит трос; фонарь погружается, освещая воду желтоватым светом, и биолог вооружается большим сачком из мелкой нейлоновой сети, закрепленным на конце бамбукового шеста. Он знает, что с наступлением темноты в жизни моря происходят странные перемены. Некоторые из рыб, которые днем держатся у самой поверхности, ночью опускаются в глубину, зато другие рыбы, кальмары и различные мелкие организмы поднимаются из глубины. Причины этого не ясны, хотя, конечно, главную роль играют тут поиски пищи и стремление укрыться от врагов. Днем вода здесь была прозрачна, но теперь в ней появляются дымчатые существа, которые плывут по воле волн или передвигаются зигзагами, толчками; пройдет, может быть, какой-нибудь час — и ни одного из этих дымчатых существ не останется в живых.

Вот в круге желтого света появляется кальмар. Безукоризненно ритмичными движениями мускулатуры он выталкивает струю воды — это живой реактивный двигатель; вслед за кальмаром появляется беловатый шар, который внезапно превращается в калифорнийского морского льва. Слово акробат, подбадриваемый смехом зрителей и возбужденный огнями рампы, красавец лев взлетает и кувыркается в волнах, явно наслаждаясь движением. Его широкие грудные плавники то расправляются, то складываются, то изгибаются, словно тело льва — мягкая глина, которую лепят волны, подводные течения и перепады давления. Прижав грудные плавники к бокам, морской лев вытягивает длинную шею и устремляется в темноту, оставляя за собой след серебряных пузырьков, срывающихся с его морды и шкуры. Затем лев снова появляется в свете подводной „рампы“ — небрежно повисает в воде вниз головой, слегка покачивая плавниками, будто парит в условиях невесомости. Свет фонаря внезапно отражается в его глазу: даже с палубы видна внезапно вспыхнувшая зеленовато-золотистая звездочка.

Биолог с сачком радостно зовет друзей полюбоваться львом, но их топот по палубе испугивает акробата, и он исчезает. Пройдет всего несколько минут, а лев будет уже на расстоянии мили от судна.

Следующая ночь застает „Поиск“ в открытом море, где он на час сбавляет ход, чтобы химик, сонно греющийся возле теплой трубы, мог взять пробы воды. На камбузе двое зоологов играют в карты. Убаюканные тихим рокотом двигателей, они засыпают на кожаном диване. У штурвала — никого, курс поддерживается автоматически. Старпом задумчиво курит на мостике. Барометр падает; поглядев на шкалу, старпом записывает в судовой журнал: двадцать девять. Надвигается шторм — в этом уже нет сомнений.

Утро наступает тихое, но в небе беспокойно, длинные кроваво-красные полосы облаков несутся с севера на юг. Капитан заглядывает в журнал, осматривает небо; ему все ясно, и он решает немедленно возвращаться в порт. Уже через час ветер начинает крепчать, судно высоко поднимается и падает на волнах, палубу заливают потоки дождя.

На палубе, под спасательной шлюпкой устроился молодой биолог с фотоаппаратом. Объектив аппарата обернут куском развевающегося на ветру полиэтилена. Биолог упирается ногами в буксирный кнехт. Этот фотолюбитель в восторге от каждой возможности сделать необычный снимок. В сотне метров от судна он видит группу из шести китов, среди которых и наш маленький кашалот. Какой кадр для журнала „Лайф“! Шторм крепчает, но это еще только начало. Киты плывут парами. Волна поднимает двух китов одновременно, и телеобъектив ловит их черные раздувающиеся дыхала, которые моментально закрываются. Вода рядом с китами вспыхивает отраженным светом красных облаков. Головы

китов черными тенями разрезают скат штормовой волны, над китами — облака белого тумана. Налетает порыв ветра с дождем, скрывая китов от фотографа. Быстро темнеет. „Что-то мне нехорошо“, — думает молодой человек, еще не знакомый с симптомами морской болезни. Спрятав драгоценный аппарат под пальто, он отпускает на ветер полиэтилен, служивший ему защитой от дождя, и торопится в кают-компанию, однако ему приходится задержаться у леера. Спустившись в душное, полутемное помещение, он видит, что его коллеги лежат пластом. По полу скользят игральные карты и журналы. Тошнотворный запах горячего проникает в каюту из машинного отделения — там что-то не в порядке. С потолка свисают мокрые плащи, они раскачиваются в унисон, словно танцуют под ритмичную музыку волн. Левые иллюминаторы каюты внезапно темнеют: их захлестнула зеленая волна; в следующую секунду темнеют иллюминаторы правого борта, затем снова левого, и снова правого...

Каюту сотрясает громовой удар. Судно на мгновение повисает на гребне вала, затем резко накреняется; в лаборатории звенит разбитая посуда, слышно, как по полу катится лавина осколков.

Капитан и старпом, забравшись в тесный рундук, торопливо сооружают плавучий якорь — нечто вроде парашюта из брезента и тросов. Полчаса спустя якорь летит за борт, и „Поиск“ разворачивается носом к волне. Теперь его меньше качает, зато он регулярно зарывается носом. Двигатель работает в режиме „самый малый вперед“. Проходит день, ночь, еще один день.

Черными тенями пролетают за стеклом рубки ведьмы в изодранных платьях. Вероятно, какие-то птицы: они исчезают, прежде чем их удастся разглядеть.

Маленький кашалот ненадолго поднимается из тихого подводного мира в бушующий мир звука и движения — в море, сотрясаемое одиннадцатибалльным штормом. Китенок голоден, но его мать не хочет возвращаться на поверхность.

В каюте „Поиска“ экипаж дрожит от озноба, хотя здесь вовсе не холодно. В сером сумраке каюты серые лица сливаются с серой тканью подушек. Кто-то вскрикивает в полусне. Кто-то медленно поднимается и, держась за наклонную стену, движется к трапу. По стенам непроветренной каюты текут струйки сконденсировавшейся влаги, но никто не обращает на это внимания. Бьют склянки.

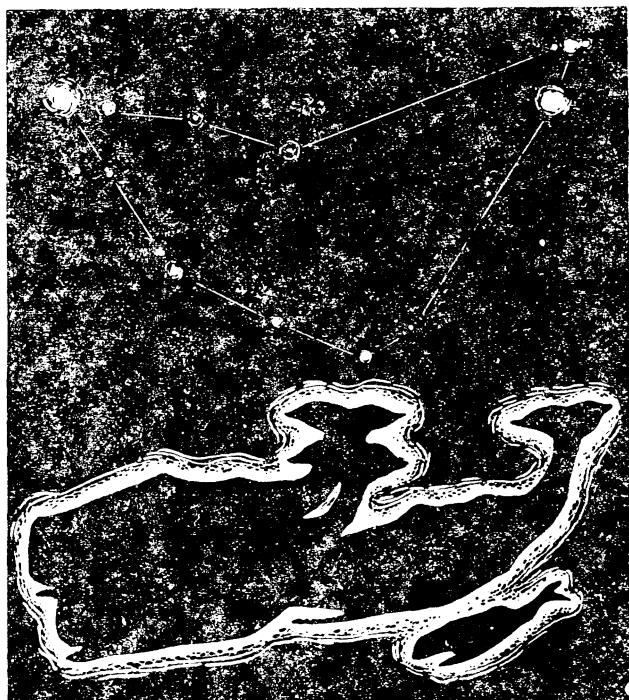
Снова громовой удар по палубе. Это спасательная шлюпка сорвалась с места и, порвав леер, рухнула за борт. Судно сотрясается всем корпусом. С верхней палубы текут в открытый люк стремительные потоки воды. „Поиск“ снова поднимается на волне.

Жестокая рука шторма немного отпускает судно, когда на горизонте появляются низкие синие холмы Сан-Франциско. Они, кажется, вовсе не приближаются. Однако бледные

обитатели кают-компания оживают. Вот наконец Фараллон, за которым становится еще тише, а затем — „Золотые ворота“, Сан-Франциско. Экипаж уже толпится на палубе, слышатся бессмысленные, но оптимистические возгласы; люди уже начинают предвкушать кофе с тостом, томатный суп, апельсиновый сок, омлет („Нет, нет, лук пока не кладите, бекон тоже“.)

Да, так бывает часто — ученые пытаются проникнуть в тайны великого океана, подглядеть за жизнью китов, тюленей и планктона, определить радиоактивность и химизм воды, прощупать динамику волны; а океан сопротивляется, прячет от них свои секреты.

ДЕКАБРЬ

Год идет, настал декабрь. Пронесся первый снежный ураган, побелив берега, от Аляски до границ Калифорнии, и припудрив верхушки гигантских мамонтовых деревьев в Юрике.

После чрезвычайно ветреной недели в проливе Королевы Шарлотты белокрылые морские свиньи уплыли в тихие заливы. Здесь дельфины будут отдыхать, принюхиваясь к резкому запаху кедрового дыма, поднимающегося от костров индейцев на берегу.

Острова в Беринговом море, где летом жили северные морские котики, сейчас безлюдны; их бурая поверхность кажется пустынной. Ветер гонит по песку высохшие морские водоросли, сквозь иней светятся красные и оранжевые пятна лишайника. Детеныши морского котика, родившиеся здесь в этом году, устремляются на юг по проливам между островами Алеутской гряды. Они движутся неуверенно, пробуют свои силы, многое познают впервые: молодые котики впервые проведут целый год в море. Скоро они узнают, что такое шторм в северной части Тихого океана. Узнают, каково сут-

ками не есть и не спать. Самые слабые из них погибнут. Сотни серебристых тушек будут выброшены на берег жестоким прибоем, облеплены водорослями, засыпаны песком.

В Северном Ледовитом океане быстро наступает зима. У северных берегов Берингова моря, где начиная с июля паслись серые киты, появляются льды; теперь серые киты решительно направляются на юг, проплывая по сотне миль в день. Их цель — Мексика. Там, в мелководных соленых лагунах, скрытых от человеческих глаз, беременные самки произведут на свет потомство, а затем снова начнут спариваться с самцами. Эти киты — последние представители своего рода, который удалось спасти только строжайшими законами, ограничивающими промысел этого вида. Было время, когда серые киты почти исчезли, но теперь число их снова растет. Каждый год, в декабре, когда они проплывают мимо утесов Сан-Диего, сотни тысяч людей приезжают на берег смотреть на них, а многие отправляются на прогулочных судах в море, чтобы увидеть китов совсем близко. На земном шаре нет другого такого места, где огромные толпы людей наблюдали бы за огромными стадами китов. Ни один другой вид китообразных не совершает ежегодных, таких регулярных и таких длительных путешествий, как мигрирующие серые киты. И ни один другой вид не приносит потомства в прибрежных водах — в заливах и лагунах.

Разные виды буревестников уже покинули север. Так, в сентябре тонкоклювые буревестники миллионами собирались в стаи, летали над волнами, то опускаясь на гребни, то проносясь над самой водой сквозь белые стены тумана, а теперь, проделав путешествие в семь тысяч миль, откладывают яйца на бесплодных островах у берегов Тасмании.

Наш маленький кашалот и его семья, по-прежнему пасущиеся у мексиканского побережья, начинают чувствовать, как остывают воды северо-восточного течения. Неторопливо, короткими переходами киты движутся к югу, в более теплые воды. Взрослым китам, одетым в толстый слой жира, холод не страшен: больше того, довольно часто им даже слишком жарко. Однако молодежь предпочитает более теплые воды.

В длительном процессе бесстрастной эволюции постоянно случалось так, что китихи, оказавшиеся на богатых пастбищах вблизи экватора, наиболее успешно рожали и вскармливали своих китят. И так как китята выживали и в свою очередь тоже приносили потомство, случайность постепенно перестала быть случайностью и превратилась в устойчивую привычку, которая помогает сохранению вида.

Молодые, но уже почти созревшие киты-самцы десяти лет и старше начинают чувствовать новые порывы, новые желания (хотя до весны еще три месяца). Они беспокойно кружат вокруг самок, ощущая все возрастающую тревогу. Самки отгоняют их, и молодые самцы снова отправляются охотиться и развлекаться. Некоторые из них уплывают далеко от

своего стада, добираясь до Кореи и Курильских островов. Они обгоняют джонки и сампаны, отважные маленькие суденышки Востока. Киты встречаются со своей дальней родней — другими китами, чьи голоса звучат для них немного странно.

Мать нашего китенка проголодалась — слишком долго дремала в лучах зимнего солнца, почти у самой поверхности воды. Она делает выдох, затем набирает полные легкие воздуха и выпускает его; повторив этот цикл раз десять, китиха отправляется в глубину. Над волной, на фоне синего неба мелькает ее хвостовой плавник. Нырять, китиха не просто опускается под воду — она волнообразно изгибает тело, упорно „ввинчивается“ в толщу воды. Ее пульс падает до десяти ударов в минуту. В этом замедленном режиме сердце китихи за одно сокращение перекачивает девятнадцать литров крови. Кровь перестает поступать в сосуды, пронизывающие ее плавники, кожу и хвост: кровь питает теперь главным образом обширный мозг и сердце китихи. Темно-красные мышечные ткани ныряющего животного начинают выделять в кровеносную систему скрытые запасы кислорода.¹

Помогает китихе и ее жировой слой. В его губчатой маслянистой ткани тоже есть запас кислорода. Давление воды растет: китиха погружается все глубже. Ее организму уже не хватает кислорода, но она еще держится. Бесчисленные клетки ее тела испытывают кислородное голодание, но не сдаются. Полчаса китиха охотится на глубине, затем всплывает подышать. Ее легкие очищаются и освежаются; в блаженном экстазе она втягивает в себя чистый, ничем не загрязненный воздух. Далеко слышно над водой дыхание китихи, вторящее пению ветра, точно шепот прибоя на песчаном пляже. Другого такого звука не услышишь на море. Китиха охотилась на глубине семисот метров — и осталась цела и невредима.

Не странно ли, что, когда ныряет беременная китиха, зародыш в ее утробе, который тоже испытывает гигантское внешнее давление и тоже страдает от замедленного кровообращения, не вылетает из тела матери, как пробка из бутылки? Вероятно, когда содержание кислорода в крови матери уменьшается, организм зародыша принимает к сведению изменение состава крови и тоже перестраивается на режим ныряния.

Самка кашалота живет довольно однообразной жизнью — первобытно простой, бесконечно повторяющейся и незамысло-

¹ Кислород, запасенный в мышцах, во время ныряния, как правило, расходуется на работу самих мышц, к которым прекратилось поступление кислорода, запасенного в гемоглобине крови. Благодаря такой системе снабжения организма кислородом киты могут подолгу оставаться под водой.— *Прим. ред.*

ватой. Настает рассвет, затем полдень, затем сгущаются сумерки, опускается ночь, в небо поднимается луна, через несколько часов снова встает солнце. Набегают облака, проходит полоса дождя, поднимается ветер, потом все затихает; может быть, сгущается туман или идет мокрый снег; затем небо снова очищается.

Еще недавно специалисты дружно заявляли: „Скорость, с которой плавают киты, невозможно объяснить ни одной теорией. По всем законам физики у китов попросту не должно хватать мускульной энергии для столь быстрого передвижения под водой“. Специалисты строили жесткие модели из дерева, буксировали их под водой, вычисляли необходимые затраты энергии. Сравнивая полученные цифры с возможностями китов, они пожимали плечами. Потом сконструировали модель из пластика и резины — искусственного кита с эластичным наружным слоем, имитирующим кожный и жировой покровы кита, теплые и подвижные. Эта модель оказалась гораздо ближе к действительности: разгадка поразительных скоростей китов заключалась в эластичности наружных тканей, которые чутко отзываются на давление обтекающей их воды и потому не вызывают завихрений при движении, создавая тем самым киту наиболее благоприятные условия для плавания. Вот почему кашалоты плавают со скоростями, недоступными механическим аппаратам.¹ Могучее движение хвостового плавника, непрерывное колебание всего наружного покрова, которое уменьшает трение о воду, позволяют китам в критической ситуации достигать скорости двадцать узлов, а при обычном, „крейсерском“ ходе подолгу поддерживать скорость шесть узлов. Взлетают над безмятежным морем насыщенные парами фонтаны выдыхаемого китами воздуха. Плывут киты-одиночки, царственно скользя в волнах. Плывут киты, выстроившиеся шеренгой, точно старинная кавалерия. Играют киты, охваченные весельем: выпрыгивают из воды, ныряют, разом всплывают и пускают фонтаны, появляясь и исчезая в легком и величественном ритме. Они поистине удивительны, эти близкие родственники человека,

Сколько воды утекло с тех пор, как маленький кашалот появился на свет,— утекло прямо у него на глазах! Вода — неотъемлемая часть его мира. Но пьет ли кит? В поисках ответа я перерыл немало научной литературы. Может быть, я задался глупым вопросом? Может быть, животное, всю свою жизнь проводящее в воде, вообще не пьет в привычном нам смысле этого слова? Но ведь это отговорка, а не ответ.

---

¹ Созданные человеком подводные и надводные аппараты, конечно, могут развивать значительно большие скорости, чем плывущий кит. Но при этом механические аппараты затрачивают куда больше энергии, чем кит. Именно это и имеет в виду автор книги.—
Прим. ред.

Едва ли киты испытывают жажду — ведь вся их пища плавает в воде, и воздух, которым они дышат, всегда наполнен влагой. Кроме того, в процессе обмена веществ большая часть жиров, поглощаемых китом, разлагается, образуя в числе прочих продуктов также и воду. Пожалуй, можно сказать, что киты не пьют в нашем смысле слова, то есть не раскрывают пасть для того, чтобы хлебнуть морской воды. Однако, когда кит ест, потоки воды наверняка устремляются в его глотку, в особенности на глубине, где этому способствует высокое давление.

В сущности, проблема сводится к следующему: поскольку морская вода в три или четыре раза солонее, чем кровь кита, его почки постоянно работают под нагрузкой, преодолевая осмотическое давление. Когда потерпевший крушение моряк начинает пить морскую воду или, доведенный до крайности, пьет свою собственную мочу, он очень скоро погибает. Почему же этого не происходит с китами?

Дело в том, что человек — странное животное; от ближайшего родственника в животном царстве его отделяет целая пропасть. Говоря о животных, мы обязаны полностью отказаться от своей системы координат, от своих терминов и определений, от своей привычки считать, что они живут так же, как мы сами.

В лабораторных условиях крысы, мыши и белки по нескольку месяцев живут, питаясь только сухой пищей и морской водой. Они худеют от такой диеты и зачастую перестают размножаться, но не погибают. Очевидно, им помогает какой-то особый биологический механизм, который выручает и китов. Иначе говоря, у этих животных тоже весьма высокий порог концентрации солей в организме и хорошо отлаженная система выведения солей. Секреты действия этой системы кроются в строении почек кита: они похожи на виноградные гроздья и как бы состоят из десятков маленьких почек, заключенных в общую оболочку.

Оценивая интенсивность работы почек кита, вероятно, надо учесть и объем мочи, извергаемой его организмом; но этот объем нам не известен. Можно придумать специальное устройство из нержавеющей стали, вживленное в кожу кита вокруг мочеиспускательного канала, которое измеряет выделения этого канала и посылает по радио полученные данные. Вообразите группу ученых, следующих за китом на специальном судне, чтобы фиксировать количество его мочи. Не правда ли — фантастический план?

Так или иначе, киты не пьют с целью утолить жажду, но вместе со своей добычей глотают соленую морскую воду. Они выводят соли из своего организма при помощи биологических механизмов, не так уж сильно отличающихся от наших собственных, и, вероятно, тоже терпят неудобства.

Однажды утром, едва начав сосать материнское молоко, маленький кашалот с отвращением выплевывает сосок. С молоком что-то случилось: у него чрезвычайно неприятный привкус, не то чтобы совсем новый, но гораздо более сильный, чем бывало прежде.

По поверхности моря вокруг китенка и его матери расходитя сверкающее на солнце радужное пятно, приплывшее с востока. Китиха тоже чувствует неприятный привкус и уходит под ветер в поисках чистой воды.

Где-то за горизонтом какое-то судно промывает грязную цистерну и сбрасывает за борт остатки нефти и ржавую воду. Много дней будет плавать по морю зловонная пленка, пока солнце не превратит ее в комочки смолы, а волны и течения не выбросят эту смолу на побережье — так море избавляется от грязи, выплескивая ее на прибрежный песок.

Горе бурым пеликанам и олушам, которые садятся здесь на воду, надеясь отдохнуть и поохотиться. Маслянистая жидкость оседает на их оперении, постепенно проникая до самой кожи птиц, и они тяжелеют, теряют плавучесть. Когда птицы наконец поднимаются в воздух и летят к берегу, их мокрая кожа стынет на ветру. Птицы достигают суши, и к маслянистым перьям начинают прилипать травинки и сор; они пытаются клювами очистить перья, но еще больше пачкаются в липкой массе.

В конце концов темные, бесформенные, неподвижные птицы медленно умирают на берегу.

В середине декабря группа китов, среди которых и наш китенок, оказывается в районе двадцать второй параллели, между мексиканским побережьем и островами Ревилья-Хихедо. Без особой причины семья китенка на время отделилась от своих попутчиков; пройдет несколько недель, и они вновь соединятся.

Здесь и проводит маленький кашалот вторую половину декабря, лениво плавая в богатых добычей водах: в этом районе встречаются холодные и теплые течения, приносящие самых разных рыб и головоногих.

Тут и самец, хозяин гарема; он уже не раз бывал в этих краях. Вот он ныряет и в течение часа с четвертью остается под водой — это предел для кашалота. В глубине кашалот внезапно попадает в светящееся облако таких крошечных существ, что кит их, конечно, не видит; каждое из этих прелестных существ — одна-единственная клетка, испускающая едва заметное свечение, но все вместе они освещают белую нижнюю челюсть гиганта. Наконец кашалот поднимается на поверхность, неся в желудке сто двадцать килограммов пищи.

По отраженным сигналам локатора кашалот узнает и о характере подводного рельефа, и о конусе ила, медленно ползущего во тьме по черной подводной долине, и о внушительных подводных утесах, и о пещерах, и о петлистых реках придонных течений, за долгие века проложивших в скалистом дне глубокие русла. Кашалот знает, где спрячется осьминог, и знает, как его поймать, лишь только он покинет свое укрытие. Кашалоту известна и форма гниющего деревянного корпуса судна, груженного сокровищами, и форма разъедаемых солью корпусов современных военных кораблей, вокруг которых ржавеет личное оружие — все, что осталось от моряков.

Кашалот, как и все старожилы океана, помнит многочисленные особенности океанского дна, изучая которое, он, бывало, наткнулся на весьма неприятные сюрпризы. Его величественное тело хранит шрамы от столкновений с подводными скалами, ему случалось и ломать зубы, и испытывать боль от неожиданного удара в лоб. Окружающий кашалота мир — его биосфера — полон опасностей.

Мы привыкли считать, что в животном царстве у всех диких животных есть враги — более крупные, более свирепые животные, постоянно охотящиеся на них. Но кто охотится на царя зверей — льва? На волка? На медведя гризли? На акулу и крокодила? Кто заставляет их пускаться наутек? Никто — только, может быть, в детстве им угрожают другие животные, а в зрелом возрасте — их собратья. Враги крупных хищников — это будничные, прозаические опасности жизни: бури, засухи, пожары и наводнения, длительный голод, опасные утесы и предательские болота, чересчур тонкий лед, царапины, инфекции, опухоли, вши и другие кусающие паразиты, глисты, сломанные зубы и кости, ядовитая пища и прочее — сотни и сотни опасностей, которым подвержена живая плоть. Смерть приходит к ним медленно; мгновенная смерть — удел кролика, которого подстерегли лиса. Царь зверей умирает долго, скрывшись в густом буреломе и воя от боли. А великий кашалот умирает в открытом море, и человек редко становится свидетелем его естественной кончины.

Индивидуальная дистанция между отдельными кашалотами внутри группы и отдельными гаремами в океане кажется мне подобной взаимоположению Луны и Земли: кашалоты никогда не расходятся слишком далеко, но и не сходятся слишком близко. Стадный инстинкт заставляет их держаться вместе, но инстинкт территориальный гонит их друг от друга. В этом киты весьма напоминают людей: наше стремление к независимости и одиночеству всегда находится в противоречии с нашей потребностью в общении,

Принципы социального распределения территории уходят своими корнями в далекую глубь тысячелетий, в историю древнего человека и древних китов. Однако можно себе представить условия, формировавшие эти принципы. Например: каждый кит должен охотиться; если он охотится слишком близко к своим соплеменникам, ему мешают конкуренты; однако, путешествуя в одиночестве, он не услышит сигнала, который подает удачливый кит, обнаружив богатую добычу. Кит-одиночка более подвержен опасностям — а в группе китов существует своего рода коллективная оборона.

Некоторые считают, что, изгоняя молодых самцов из группы, хозяин гарема спасает свое племя от вырождения: ведь этим он предотвращает спаривание братьев и сестер. Но, помимо, для диких животных кровосмесительные браки не представляют опасности, так как природа постоянно защищает их от вырождения, производя естественный отбор посредством бурь, болезней, борьбы с хищниками и длительных голодовок; в таких условиях выживают и размножаются лишь лучшие особи, в каких бы отношениях ни состояли их родители.

Несколько лет назад мне случилось работать в Кембриджском университете вместе с Джулианом Тейлором, симпатичным человеком, который называл себя „собачьим физиологом“. Однажды за чашкой чая он рассказал мне интересную историю. Он зимовал на побережье Антарктики. В ту зиму море замерзло так внезапно, что чуть не в одну ночь лед стеной поднялся вокруг полыньи, в которой плавали две сотни китов. Они оказались в плену — уйти в открытое море было уже невозможно. В полынье собрались вместе косатки, малые полосатики и один клюворыл; все они стали узниками одной тюрьмы. Киты метались, кружили в полынье, взбивая пену и вздымая волны, которые обрушивались на ледяные стены и намерзали на них; полынья сужалась с каждым днем. Случалось, что киты поднимали морды прямо в воздух, возле самого льда, и зимовщики подползали к краю полыньи, стараясь коснуться рукой живого кита. Затем зимовщики ушли, но шесть месяцев спустя вернулись к этой полынье; в ней осталось не более двадцати китов. Остальные либо умерли с голоду, либо решились на риск — попытались преодолеть подо льдом сорок миль, отделивших полынью от открытой воды. *

Когда я пишу о природе, например, о мире китов, я на какое-то время забываю о человеке. Но человек — тоже часть природы, часть мира, в котором живут киты. С устрашающей быстротой человек губит моря, сушу и атмосферу планеты. Проникает он и за пределы атмосферы, запуская на околоземные орбиты спутники, которые сбивают с толку астрономические приборы. Радиоактивные отходы — тоже продукты деятельности человека — попадают в широкое устье реки Колумбия, а оттуда расходятся по всему океану, оседая, в частности, и в организмах китов; другие опасные отбросы человеческой

техники дождем сыплются с неба на тундру и остаются во мху, который едят олени и лемминги.

Самые далекие из океанских островов, подлинные жемчужины океана, оглашаются теперь ревом бульдозеров, строящих новые базы для вооружающегося человечества; другие острова содрогаются от испытательных взрывов атомных бомб. „А почему бы и нет? — недоумевают военные, когда кто-нибудь принимается их осуждать. — Эти острова никем не населены, никто их не использует, они пропадают впустую“.

Что может ответить на это любитель и исследователь природы? Что сказал бы на это поэт? На каком языке говорить с людьми, которые знают только язык насилия?

Ответить можно словами Лоренсота, героя книги „Корни рая“: „Боже мой, Шолшер, как можно говорить о прогрессе, когда мы уничтожаем все вокруг, разрушаем и губим самые прекрасные и самые благородные проявления жизни? Наши художники, наши архитекторы, наши ученые, наши поэты стараются сделать жизнь прекраснее — но в то же время мы вырубам последние оставшиеся на земле леса, мы живем, не снимая пальца со спускового крючка автомата, мы отравляем океаны и самый воздух, которым дышим, мы без конца испытываем атомные устройства... Надо бороться против этого безумия. Неужели мы не способны уважать природу и защищать красоту жизни, если она не приносит нам денежной прибыли, если ею нельзя воспользоваться для каких-то сугубо практических целей? Неужели просто любоваться жизнью — это недостаточно полезное занятие?.. Человеку необходимо научиться сохранять и те богатства природы, из которых нельзя сегодня изготовить подметки или швейные машины! Необходимо сохранить хотя бы заповедники, где какие-то виды животных и растений могли бы укрыться от опасности и где человек мог бы найти укрытие от своей собственной изобретательности и своей собственной глупости. Только тогда можно будет начать разговор о цивилизации“.*

К концу декабря наш китенок начинает все чаще покидать свою мать. Сегодня он с интересом наблюдает за группой шестилетних китов, играющих неподалеку. Это его сводные братья; они нашли трехметровое бревно толщиной с фонарный столб. Бревно пропиталось водой, оно так избито, что кажется мягким, вся его поверхность облеплена зеленоватыми стеблями водорослей. Когда-то, давным-давно, спустившись к морю по течению одной из камчатских рек, оно попало в неторопливое Северное Тихоокеанское течение, которое подхватило его и вынесло далеко в открытые воды; теперь бревно дрейфует у берегов Калифорнии. Один из молодых китов берет конец бревна в зубы и, фыркая, мотает головой из стороны в сторону. Он явно наслаждается во-

ображаемым сражением с ужасным „глубоководным чудовищем“. До чего весело! Как приятно сжать мягкую древесину вспухшими деснами, сквозь которые медленно пробиваются зубы (у кашалота они появляются лишь в возрасте девяти лет).¹

Друзья молодого кита заметили новую игрушку и ринулись к ней. Вот одному из них случайно достался удар по мягкому брюху. Его охватывает внезапный гнев. Мгновенно превратившись из игривого подростка в грозного самца, он, вспенивая воду, бросается в сторону и несется куда-то, точно торпеда, но тут же возвращается и наносит удар испуганному товарищу. Тональность подводного разговора — щелчков и тресков — резко меняется. Молодые самцы, обуреваемые малознакомыми ощущениями, выстраиваются в круг, как лепестки цветка, — головы к центру, хвосты наружу.

Но страсти утихают, и киты снова весело играют бревном, перебрасывая его в волнах.

Можно ли назвать поведение молодых китов игрой в прямом смысле слова? Но каково буквальное значение слова „игра“? Оно легко ложится на бумагу, однако я вовсе не уверен, что оно в точности отражает какое-либо из проявлений дикого животного. Зоологи спорят по этому вопросу. Одни решительно заявляют, что животные не работают, и, следовательно, нельзя говорить, будто они играют. Другие не противопоставляют игру работе, а определяют ее как действия, совершаемые ради самих действий, а не ради какой-то полезной цели. И все же общепринято говорить, что молодые животные играют и что игра для них — способ познания мира, тренировка, готовящая их к взрослой жизни.²

Я думаю, что только люди могут по-настоящему играть, любить, воевать, предаваться кровосмесительным страстям и совершать самоубийства. Строго говоря, все это — чисто человеческие действия, хотя биологи и пишут, что бобры „играют“ на илистом склоне или что черные муравьи „воюют“ с красными муравьями. Этими словами упрощенно обозначают сложные, не очень понятные нам действия животных; это условное употребление терминов, и не стоит придирается к нему. Когда известный орнитолог говорит о „разводах“ или „безработице“

---

¹ По данным советских исследователей китообразных, зубы у кашалотов прорезываются раньше — к четырем-пяти годам, что соответствует времени наступления половой зрелости. — *Прим. ред.*

² По представлениям подавляющего большинства биологов, игры молодых животных — борьба, взаимное преследование и прочее — служат хорошей тренировкой, вырабатывая индивидуальные приемы нападения и защиты. Такие игры характерны только для млекопитающих. — *Прим. ред.*

среди пингвинов, вполне понятно, что он имеет в виду. Когда я пишу о самцах морского котика, „бездельничающих“ на побережьях Аляски, я вовсе не осуждаю их за недостаток трудолюбия.

Но оставим в стороне определения. Мне вспоминаются игры кузины нашего кашалота — дельфина Опонони. Эту самку назвали так по имени прибрежной деревушки на острове Северном, в Новой Зеландии. Недолгая жизнь Опонони была ярка и восхитительна, и я не могу не рассказать здесь о ней. Началось с того, что владелец одного небольшого судна в этой деревне обратил внимание на молодую самку дельфина, которая не выказывала страха перед людьми. Затем ее стали замечать и другие. Она любила приближаться к купающимся и постепенно привыкла подплывать совсем близко к берегу, позволяя людям поглаживать ее и даже ездить на ней верхом. Во время рождественских каникул в Опонони приезжали по две тысячи туристов в день — так разлетелась слава о дельфине.

„У нее была поразительная способность определять, кто из ее молодых поклонников отличается мягким нравом, и она всегда держалась в стороне от тех, кто склонен к грубым развлечениям, — писал о дельфине Энтони Алперс. — Некоторые из приезжающих приходили в такой восторг при виде Опо, что бросались в воду в полном облачении, торопясь поскорее коснуться ее“. Правительство Новой Зеландии издало закон, охранявший Опонони, но в тот самый день, когда закон был обнародован, она исчезла, а позже ее тело обнаружили в коралловой заводии неподалеку от Опонони; обстоятельства смерти Опонони не удалось выяснить. Однако, по-видимому, люди не виноваты в ее гибели. „Когда в деревне узнали, что дельфиниха погибла, там воцарилось самое мрачное настроение. Вечером, уже в сумерках, тело Опонони отбуксировали к пляжу, где еще недавно она так весело играла... Позже ее похоронили со всеми почестями, какие маори воздают покойным; ее могилу возле Мемориального павильона завалили цветами“.*

Маленький кашалот, вслед за своей матерью и несколькими другими китами, отправляется пастись в зеленые воды поблизости от мексиканского побережья. Самец гарема не заметил, как уплыла китиха; впрочем, если бы и заметил, он не остановил бы ее: китиха привлекает его только в период течки. Мать и сын оказались буквально в „толпе“: здесь собрались сейчас, как в Ноевом ковчеге, самые разные живые существа — костистые рыбы и акулы, осьминоги и кальмары, морские птицы и тюлени, дельфины и киты. Тысячи птиц с воплями взлетают, пикируют и снова взлетают над волнами: „толпа“ растянулась на многие мили, будто массовое шествие живых существ.

Самые мельчайшие из них — крошечные растения, неви-

димые невооруженным глазом, однако скопившиеся здесь в таком количестве, что число их просто не укладывается в сознании человека. Две недели назад в юго-восточной части Тихого океана сложились идеальные условия для их размножения: стечение различных обстоятельств привело к настоящему демографическому взрыву популяции этих организмов — взрыву, какой бывает раз в несколько лет. Обстоятельства, ответственные за этот демографический взрыв, таковы: устойчивая солнечная погода, подъем нижних слоев воды, богатых питательными веществами, и падение температуры воды. А животных и рыб привела сюда возможность хорошо поохотиться: каждый вид охотится на более мелких обитателей моря — а в основании этой зоологической пирамиды находятся крошечные ракообразные, мириадами розовых точек снующие среди одноклеточных растений, которыми они питаются.

Несколько сот кашалотов задержались здесь на своем ежегодном миграционном пути, чтобы полакомиться на богатых пастбищах; другие кашалоты — например, наш герой и его мать — приплыли сюда со своих зимовок. Для одного старого самца этот пир — последний праздник долгой жизни. Ему сейчас семьдесят пять лет, он одряхлел и не переживет грядущую зиму. А вот другой самец, молодой, крупный, здоровый, ему сорок четыре года, он достиг полной физической зрелости и находится в расцвете сил. Аппетит этого кита неутолим. В середине дня он несколько часов подряд отдыхает на поверхности океана; охотится в основном по ночам, однако успевает проглотить тонны две пищи в сутки. Головоногие и рыбы самых разных видов регулярно попадают в его пасть; сомкнув челюсти, он тут же плывет дальше. Когда кусок тунца вываливается из его пасти, он не сбавляет хода, не подбирает свою потерю. Без всякой задержки проходит в его глотку обрывок рыболовной снасти с шестью крючками, намотавшийся на хвост трехметровой акулы. Складки позади нижней челюсти кашалота растягиваются, принимая проглоченный акулий хвост, и напрасно желудок (один из его отделов) пытается при помощи судорожной спазмы освободиться от колючей добычи. Вот на волнах дремлет юный морской лев, заплывший далеко от своего дома в пещере на острове Седрос; лев так объелся, что чуть не лопается. В тревоге он просыпается, почуяв приближение кашалота, но поздно! Перед смертью лев успевает лишь увидеть гигантскую разинутую пасть, окаймленную рядом белых зубов и украшенную воланом из морской пены.

Зубы кашалота достаточно массивны, каждый из них весит не меньше двухсот граммов. Это слегка изогнутые конусы цвета слоновой кости; они прелестны, как произведения искусства;

я очень люблю держать в ладони такой зуб. Пальцы сами собой поглаживают его, соскальзывая на отполированную верхушку зуба, сглаженную тысячей трапез. Длинные полосы на корне зуба — отпечатки гнезда, в котором он рос; так канавки на вылетевшей из ружья пуле хранят индивидуальные особенности винтовки, которая послала ее на черное дело. По окружности зуба пересекающимися линиями идут отметины периодов пиршеств и голода. Двухнедельная успешная охота на акул в районе острова Тибурон, например, оставит неизгладимый след на массивном корне зуба кашалота.

Включать ли Иону в рацион кашалота? Для ответа на этот вопрос приходится рассматривать самые разные обстоятельства. Те легковверные — а их тысячи, — кто не сомневается в том, что Иону действительно проглотил кит, позднее доставивший его живым на берег, найдут подтверждение своей вере в статье, напечатанной в журнале „Принстонское геологическое обозрение“; автор статьи, Амброуз Джон Вилсон из Оксфордского университета, доказывает, что проглотивший Иону кит был кашалотом.*

„Желудочный сок кашалота, — пишет он, — разумеется, должен был доставить проглоченному массу неприятностей, но действие его вовсе не смертельно. Кит не может переварить живое существо — иначе он переваривал бы стенки своего собственного желудка“.

В подтверждение своей идеи Вилсон приводит две малоаппетитные истории, которые рассказывают китобои.

В 1771 году китобой, охотившийся в южных морях, подверглись нападению кашалота, который перекусил пополам их вельбот, схватил в зубы одного из членов экипажа и нырнул с ним. „Вернувшись на поверхность, кашалот выплюнул китобоя на плававшие кругом обломки разбитого вельбота; моряк был весь в синяках и ссадинах, но не получил ни одного серьезного повреждения“.

Хуже пришлось другой жертве, на которую кашалот напал в 1891 году.

„Звезда Востока“ находилась в районе Фолклендских островов, когда дозорный на мачте заметил большого кашалота в трех милях от корабля: На воду спустили два вельбота, и через короткое время одному из гарпунеров удалось ранить кита. Второй вельбот также приблизился к киту, но был отброшен ударом хвоста, причем один из двух китобоев с этого вельбота утонул, а второй исчез. Исчезнувшего звали Джеймс Бартли. Кашалота убили, и через несколько часов он уже был привязан у борта судна. Китобой занялись срезанием с туши подкожного жира. Они работали весь день и часть ночи. На следующее утро они извлекли желудок кита и подняли его на палубу. Моряки с ужасом заметили, что желудок шевелится; вскрыв его, они обнаружили пропавшего товарища, который лежал скрючившись и уже не подавая признаков жизни. Его

положили на палубу, обмыли морской водой и привели в чувство... В течение двух недель пострадавший бредил... К концу третьей недели он полностью оправился от потрясения и вернулся к исполнению своих обязанностей“.

Мой друг и консультант в вопросах исследования кптообразных Френсис К. Фрейзер, сотрудник Британского музея, писал мне:

«Слава богу, что в новом переводе Ветхого завета Иону глотает „рыба“, а не „кит“; надеюсь, благодаря этому можно будет занести историю с Ионой в раздел рыб“. В 1907 году случаем с Джеймсом Бартли занялась „Экспозитори Таймс“. В архивах газеты до сих пор хранится письмо, полученное редакцией от жены капитана „Звезды Востока“. Письмо это, к моему удовольствию, заставляет усомниться в подлинности всей истории. А теологи,— заключает Фрейзер,— не должны сомневаться во всемогуществе Господа, им следует попросту признать, что история Ионы — чудо». *

Еще об одном „проглоченном“ сообщает Эгертон И. Дэвис, корабельный врач, который в 1893 году охотился на обыкновенных тюленей в районе Ньюфаундленда. В 1947 году, будучи уже весьма пожилым человеком, он писал:

„Одному парню с другого судна не повезло: его унесло на отколовшейся льдине, а после он, на глазах у своих товарищей, свалился в ледяную воду, рядом с огромным кашалотом. Кашалот был явно раздосадован и озадачен внезапным появлением флотилии; было очевидно также, что он случайно оказался в полярных водах в такое время года и чувствовал себя здесь неуютно. Кит проглотил несчастного пловца и тут же направился к одному из небольших судов. Удачный выстрел из небольшой пушки, установленной на корме этого судна, смертельно ранил огромное млекопитающее и заставил его изменить курс; кашалот проплыл еще мили три и забился в агонии. На следующий день его нашли плавающим кверху брюхом, и хотя разделать тушу не представлялось возможным, охотники много часов мужественно трудились, стараясь добраться до огромного, наполненного газами желудка кашалота, в котором они надеялись найти тело своего товарища. Отделив желудок от двенадцатиперстной кишки, они доставили его мне, думая, что я достану, осмотрю и сумею забальзамировать тело, чтобы его можно было доставить на родину погибшего — в Ардженшию, на остров Ньюфаундленд.

Сначала я попытался вскрыть желудок скальпелем, но очень скоро сменил его на тесак, принесенный с камбуза. Наконец желудок был вскрыт, отчего кругом распространилось ужасное зловоние, впрочем, не более ужасное, чем зрелище, представшее нашим взорам. Грудная клетка молодого человека была раздавлена, отчего, вероятно, и наступила смерть. (Вскрытие легких выявило полное спадение легочной ткани — ателектаз и кровоизлияние.) Однако самые поразительные изменения обнаружили на коже жертвы. Выделения желудочного сока

кашалота покрывали все тело погибшего, и его обнаженные части — лицо, руки и одна из ног, которая не была защищена брюками, — оказались изъязвлены и частично переварены... Я пришел к выводу, что он потерял сознание прежде, чем понял, что с ним происходит. Как ни странно, несколько вшей в его волосах остались живы". *

Что ж, спасибо за сообщение, доктор Дэвис; странно только, что вы ждали более чем полвека, чтобы поведать нам эту историю. Быть может, когда-нибудь ее подтвердит отыскавшийся корабельный журнал шхуны „Тулинге“ или вновь вошедшая в моду мрачная песенка, которую сложили как раз в те времена в тавернах Сент-Джонса? А до тех пор позвольте мне относиться к ней скептически.

В то время как наш китенок отдыхает в кругу своих друзей, другую группу кашалотов, пасущихся в районе острова Перкинс у берегов далекой Тасмании, постигла беда. (Среди биологов бытует мнение, что дикие животные не умирают от старости — с ними всегда происходит какое-нибудь несчастье.) Тридцать семь самцов перекочевали из тропиков на юг; их выгнали другие, более агрессивные самцы, и теперь по меньшей мере на один сезон они лишены радостей гаремной жизни. В южном полушарии сейчас лето, и более молодые самцы этой группы ведут соплеменников — отбившихся от гаремов холостяков и дряхлых, немощных патриархов — к богатым пастбищам. Киты огибают скалистый мыс острова Перкинс во время отлива, при резком ветре с моря. Внезапно среди них начинается паника. Ни один из них не бывал здесь прежде. Ощупывая локаторами рифы, мели и волны прибое, разбивающегося о берег, киты получают неясные, сбивающие с толку сигналы. Вслед за вожаком, стадо слепо бросается вперед — на каменистую мель.

Неделю спустя на берег является репортер из „Квинсленд Уитнес“; он ошарашенно оглядывает последствия величайшей катастрофы, когда-либо случившейся с кашалотами. Его взору предстают тысячи тонн гниющих останков. Киты застряли среди камней и погибли от собственной тяжести, когда вода перестала поддерживать их гигантские тела. Чернеют трагически разинутые пасти. Уходит в песок темный жир.

„Что вы на это скажете? — обращается наконец репортер к темнолицему, опаленному солнцем рыбаку, который пришел на этот берег из своей хижины, стоящей на другой стороне мыса, в двух милях отсюда. — Массовое самоубийство?“

„Что я скажу? Скажу, что прошлый вторник, в полдень, я вытаскивал свои ловушки на морских раков и вдруг слышу — стонут... или, может, лучше сказать — ревут. Я до смерти перепугался. Тридцать лет здесь прожил и никогда

такого не слышал. Весь день это продолжалось и всю ночь. А в среду утром — тихо. И вдруг приходит Джек, — рыбак указывает на приятеля, — приходит к нам в деревню и говорит: киты на берегу. К этому времени они уже все сдохли. По-моему, самцы гнались за самкой и в горячке не заметили, что начался отлив“.*

Придется, вероятно, принять такое объяснение. Однако специалисты нам укажут, что, во-первых, только зубатые киты целыми группами выбрасываются на мель, а во-вторых, только зубатые киты почти целиком полагаются при плавании на эхолокацию. В незнакомых, особенно в мелких водах эти стадные животные, возможно, теряют ориентацию из-за ложных сигналов и, поддавшись панике, погибают, ибо инстинкт велит им слепо следовать за вожакom.¹

---

¹ До сего времени не найдено сколь-нибудь удовлетворительного объяснения причин массового выбрасывания на берег или на отмели китов и дельфинов. Возможно, главное — „осечки“ эхолокационного аппарата, которым затруднительно пользоваться вблизи низменных берегов, подводных песчаных отмелей, илистых наносов. Все подобные места (а по имеющимся данным, именно в таких местах и происходит обсыхание китообразных) не дают нормального отражения сигнала, и поэтому животные не могут их обнаружить. — *Прим. ред.*

ЯНВАРЬ

Наш герой ежедневно подрастает и прибавляет в весе. Подплыв к матери, он тыкается носом в ее бок и находит сосок; насосавшись досыта жирного материнского молока, он отпускает мать; тонкий слой кости нарастает на корне каждого из его зубов, храня память об очередной трапезе.

Но о чем он думает? Знакомо ли ему чувство страха? Какие новые волнующие картины разворачиваются перед его воображением? Какие новые связи образуются между нейронами его мозга? Например: что он различает раньше — цвет или форму? Увы, как мало мы знаем! И как мало нам суждено узнать! Человеку никогда не удастся проникнуть в сознание существа, эволюция которого хотя и вела его по пути максимального развития всех способностей, однако не поспела за нашей эволюцией.

В начале января гарем начинает перемещаться к северо-западу — зигзагами, как будто без определенной цели, проделывая всего несколько миль в день. Киты оставляют архипелаг Ревилья-Хихедо до будущего года.

Когда четыре месяца тому назад родился наш китенок, в семье было шестнадцать самок; теперь их четырнадцать. Мать годовалой китихи, пойманной и увезенной в бассейн „Арены жизни“, искала свое дитя до тех пор, пока ее не перестали беспокоить молочные железы. Но к этому времени она была уже далеко от своей семейной группы. Целый месяц она одна путешествовала в субтропических водах и наконец присоединилась к проплывавшему мимо стаду китов, среди которых было много незнакомцев, но также и несколько китов, знакомых ей по прошлым встречам.

Еще одной самки уже нет в живых. Она оклела на седьмом месяце беременности, и ветер и волны отнесли ее раздувшуюся тушу к скалистому берегу возле Мансанильо, где вороны, чайки, одичавшие собаки и скунсы много недель лакомились разлагающимся китовым мясом, а когда мясо кончилось, еще неделю пожирали куколок мясной мухи, подбирая их в песке под скелетом китихи. Возможно, она погибла от внематочной беременности — чрезвычайно редкого случая беременности, при котором зародыш препятствует нормальному кровообращению матери и в конце концов убивает ее. Причина гибели этой самки точно неизвестна. Кости ее скоро выбелило безжалостное мексиканское солнце, и однажды бродячий охотник на черепах использовал ее длинные ребра, набросив на них пончо и устроившись на ночлег в этой импровизированной палатке.

Двенадцатого января семья нашего героя догнала большую группу кашалотов насчитывавшую более двухсот голов. Встреча не была неожиданной, ибо это стадо давно уже сообщало о себе многочисленными звуковыми сигналами — приглушенными ударами, низкими стонами, щелчками, скрипами и потрескиваниями, составляющими бесконечную фугу бродячего китового оркестра, — и вещественными следами — мочой, расплывающимися в воде желтоватыми облаками испражнений, плавающими по поверхности кусками амбры, чрезвычайно своеобразного вещества.

Иногда в кишечнике кашалота появляется серая воскообразная масса — амбра; ни у одного другого вида китообразных не обнаружено этого вещества. Сгустки амбры весом до четырехсот килограммов встречаются иногда на поверхности моря. Ее резкий гнилостный запах обманчив, ибо, будучи очищена в лаборатории, амбра превращается в ароматное вещество, применяемое в производстве духов и стоящее не меньше десяти долларов за унцию.¹ „Аромат амбры, —

¹ Неприятный запах амбры со временем превращается в приятный, напоминающий запах мускуса, жасмина, ладана; запах этот все усиливается по мере старения амбры. Основная же ценность амбры состоит в том, что она адсорбирует и даже в какой-то мере усиливает тонкие запахи духов, делая их необычайно стойкими, сохраняющими свой аромат буквально годами. — *Прим. ред.*

писал Кристофер Эш, — напоминает мне весенний запах английского леса, сорванного мха, прохладной, влажной земли“.*

Еще легче увидеть другой след прошедшего стада китов — стаи птиц, которые ныряют, подбирая недоеденные китами остатки пищи, и стаи акул, которые тоже не брезгают падалью. Когда одни мусорщики отстают, их место тут же занимают другие. Целую неделю следует за китами огромный кархародон — десятиметровая акула, которая надеется, что от стада отстанет какой-нибудь больной или искалеченный кит. Через неделю акуле надоедает преследование, и она сворачивает в сторону. Вот рядом со стадом плывет так называемая гигантская акула, самая крупная из всех рыб, какие водятся в морях умеренного пояса (длина ее достигает четырнадцати метров). Акула уверенно плывет вблизи поверхности. Охота для нее — процесс несложный: разинув пасть и глядя перед собой круглыми глазами, она попросту пропускает воду через жабры, на которые красными комьями налипает планктон; постепенно планктон проникает в глотку акулы и исчезает в ней.¹

Когда китенок голоден, он держится почти вплотную к матери, всего в нескольких сантиметрах от ее величественного тела. Мать и сын молча разрезают волны, двигаясь как одно существо. На поверхности вскипает водоворот, его тут же захлестывает другой водоворот, поменьше, потом оба исчезают в кружевной пене, и снова ничто не нарушает поверхности океана. Низкие ветвистые фонтаны пара ненадолго повисают в воздухе — и опять лишь небо и море кругом.

Пятнадцатого января маленький кашалот становится свидетелем страшной сцены — настоящего сражения между двумя самцами. В будущем ему не раз придется наблюдать такие сцены, а когда он вырастет, придется и самому участвовать в них, но сейчас он впервые видит, как гигантские самцы награждают друг друга могучими ударами. Остальные киты не участвуют в сражении, но тоже приходят в волнение, видя и слыша схватку самцов — первую битву этого года (до разгара сезона спаривания еще целых три месяца). Взрослые самки громогласно фыркают. Молодые самки и молодые самцы с началом схватки трусливо отступают и держатся у самой поверхности.

Один молодой самец, которому исполнилось уже пятнадцать лет, прежде путешествовал с группой робких молодых самцов, не решаясь приблизиться к большому стаду, но несколько месяцев назад отделился от своей группы и с тех пор держится рядом с нашими китами. В течение последней недели он охотился урывками, потому что все чаще поднимался

---

¹ Планктонные животные — единственная пища этой совершенно безопасной для человека акулы. Таким образом, у гигантской акулы тот же рацион, что и у усатых китов. — *Прим. ред.*

на поверхность, чтобы часами кружить среди самок гарема. Несколько раз он, после краткой схватки, отпугивал других молодых самцов группы, которых он превосходит энергией и решительностью. Вчера он оказался в первых рядах мигрирующего стада и, поддавшись внезапному порыву, ни с того ни с сего нанес удар в бок взрослому самцу. Как ни странно, самец отступил. Молодой кит не стал больше демонстрировать свою силу и спокойно поплыл дальше. Уступчивость противника предотвратила драку.

Теперь, в середине ясного зимнего дня, он направляется к отцу нашего китенка, плывущему в двухстах метрах от гарема, с подветренной стороны. Молодой кит чувствует раздражение, подступы прежде неведомой ему страсти; неутоленное чувство побуждает его к решительным действиям. Приблизившись к огромному самцу, он начинает вращать плавниками и изгибает вверх хвост. Затем поднимает голову над водой — так высоко, что даже глаза его оказываются в воздухе.

Старый самец уже знает, что дело идет к драке. Громкий, хриплый сигнал вызова оскорбляет его слух. Пока кит только раздосадован — но вот и он чувствует возбуждение. Его организм рефлекторно реагирует на ситуацию. Широкий хвост самца, достигающий четырех метров в размахе, блестит на солнце — кит уходит под воду. Он ныряет метров на семьдесят, затем разворачивается и стремительно направляется к поверхности. Точно громадная черная цистерна, вздымается в воздух его голова, все выше и выше, метров на пять поднимается над водой. Он не спешит возвращаться в родную стихию и, блестя глазами, медленно кружит, мощно поводя хвостом и грудными плавниками.

Молодой кит поворачивается на левый бок и бросается в атаку. Челюсти его крепко сжаты, зубы вдавлены в твердые белые гнезда на верхней челюсти. Старый самец ложится на спину, обращая брюхо к небу, и отвечает ударом, звук которого на много миль разносится над морем. Его огромная нижняя челюсть опускается на девяносто градусов. При столкновении гигантских тел, общая масса которых доходит до сотни тонн, в небо взлетает зеленая стена воды. Секунда, другая — и движения китов уже невозможно различить за сплошной завесой пены. Каждый из разъярившихся борцов старается ухватить другого за челюсть или за плавник; невозможно разобраться, кто из них берет верх.

Вот киты исчезают в гигантском водовороте, затем снова всплывают и стремительно расходятся в разные стороны. Море бушует, точно во время шторма в скалистом проливе.

Развернувшись, противники сталкиваются на полной скорости, обрушивая друг на друга всю свою мощь. Старший самец теснит младшего. Голова старшего на двадцать секунд повисает в воздухе — огромный черный цилиндр, расцвеченный кровью и белыми полосами обнажившегося жира. Из во-

ронки, в которой дерутся киты, поднимаются к небу рев и стоны.

Третий изнурительный раунд. Бросаясь из стороны в сторону, киты, забывшие обо всем на свете и целиком отдавшиеся драке, оказываются на пути стада. Стадо испуганно рассыпается. Теперь челюсть старого самца крепко сцеплена с челюстью молодого; дрожа от напряжения, оба погружаются в море в последней, решающей схватке.

И вдруг молодой кашалот сдается. Он молчит, он словно оцепенел и уже не сопротивляется, хотя старый самец рвет и треплет его обмякшее тело. Двигаясь неуверенно и неуклюже, побежденный кит покидает поле боя. Его нижняя челюсть сломана (со временем перелом зарастет). Сломаны и три ребра. Вода смывает кровь, на боках обоих китов проступают ряды белых полос подкожного жира, который светится в разрывах кожи.

Наконец побежденный кит собирается с силами: он вырывается и медленно погружается в глубину, не шевеля плавниками. Проплыв под водой мило, другую, он с трудом поднимается на поверхность и одиноко пристраивается в хвосте стада. Длинные тощие тени некоторое время кружат вокруг него, потом исчезают: синие акулы, которых привлек было запах крови, испугались могучих движений его плавников.

В смутении битвы маленький кашалот следовал за своей матерью — во всяком случае, так ему казалось. Теперь он обнаруживает, что ошибся, — это какой-то чужак. В панике он начинает рыскать среди плывущих китов, выискивая пропавшую мать. Но она охотится в глубине, и лишь когда мягкие краски вечера одинаково расцвечивают и небо, и море, китиха вновь появляется рядом со своим детенышем.

Хозяин гарема плывет со своей обычной скоростью, хотя это дается ему нелегко. Его беспокоит боль в основании нижней челюсти. У него начинается жар, который на неделю притупляет все его чувства. Кит не может зализывать раны — строение гигантского тела ограничивает его движения; эволюция словно надела на него кандалы. Кит ровно ничему не научился в этом сражении, он лишь послушно сыграл свою роль, ни в чем не отступив от программы, точно им все время командовал невидимый режиссер.

„Мой бог! Мистер Чейз, что случилось?“ — услышал я и ответил: „Наше судно протаранил кит!“

Оуэн Чейз *

Описав сражение, в котором самцы таранят друг друга своими массивными головами, я чувствую, что настала пора

обратиться к предмету, который возбуждает любопытство всякого, кто читает о кашалотах: нападают ли киты на лодки и корабли?

В 1807 году киты послали на дно славное судно „Юнион“, в 1820 — „Эссекс“, в 1851 — „Энн Александр“, затем, в 1902 году — „Кэтлин“... Не буду приводить здесь полный перечень прочных и надежных деревянных судов, разбитых и потопленных китами и потому вошедших в анналы истории китобойного промысла. Перечень этот все время удлинняется: сравнительно недавно, в 1963 году, кашалот, охотившийся неподалеку от Сиднея, разнес в щепы рыболовное судно; при этом погиб один из членов экипажа.

Огромный кашалот, который потопил „Энн Александр“, через пять месяцев после этого печального события был убит Уильямом Джерингоном, капитаном „Ребекки Симз“. Капитан отметил, что „кит казался дряхлым, усталым и больным, что было неудивительно, ибо здоровенные занозы от расщепленных им досок обшивки все еще украшали его голову, и несколько гарпунов все еще торчали из его ран“.*

Подобные истории, приукрашенные человеческой фантазией, складываются в миф о ките-разбойнике, ките-людоеде, ките-драчуне. Это всегда крупный самец — одинокий, угрюмый, агрессивный, не умеющий ужиться со своими собратьями. Многим из китов-героев присвоены имена — Пейта Том, Новозеландский Том, Тимор Джек, Моча Дик. Этот последний — огромный кит-альбинос, за подвигами которого китобой следили ровно тридцать девять лет, — стал прототипом героя романа „Моби Дик“, самого прекрасного из всех морских романов.

Считается, что иногда кит-агрессор набрасывается на корабль без всякого повода, а иногда — лишь после того, как его ранят. Даже разбив себе голову, он продолжает снова и снова таранить деревянный корпус корабля. А когда судно тонет в волнах, кит продолжает кружить на поверхности, перекусывая плавающие обломки и методично убивая тех членов экипажа, которые еще пытаются спастись.

Как зоолог я не могу не интересоваться причинами подобного поведения кита-негодяя. Что это — физиологическая или психическая патология?

Когда к недавно оценившейся суке приближается чужак, она незамедлительно нападает на него. Когда чужак приближается к голодному псу, только что раздобывшему кость, он реагирует точно так же. Необходимость подобной реакции очевидна: она помогает сохранению вида. Но для чего киту нападать на корабль?

Возможно, дело тут в сильном территориальном инстинкте, в основе которого лежит половой инстинкт. Из всех китов только кашалоты-самцы нападают на корабли. Известно также, что из всех крупных китов только кашалоты-самцы охраняют гарем и сражаются с соперниками за обладание самками. И, может быть, когда на территорию такого самца прони-

кает „самец-корабль“, кашалот воспринимает этот как угрозу своему положению и бросается в атаку.

Некоторые зоологи указывают, что среди наземных животных подобные сражения за территорию ведутся чаще, чем за обладание отдельными самками. Однако, когда речь идет об обитателях безграничного, трехмерного водного мира, возникает вопрос: чем определяется здесь „территория“?

Возможно, кашалот-хулиган атакует корабль только потому, что видит в нем соперника, а причина преувеличенной ревности — чрезмерно обостренный территориальный инстинкт.

Не исключено, конечно, что киты-агрессоры действительно „безумны“, то есть родились неполноценными или на свой китовый манер „лишились рассудка“ при каких-то необычных обстоятельствах. Можно предположить также, что это киты-параноики, которые под влиянием ощущения своей неполноценности или несостоятельности „слетают с катушек“, пытаются уйти от реальности на манер маньяков, способных в припадке безумия убить своего друга или брата и начать есть его труп, а потом начисто забыть об инциденте.

Терпеливые, внимательные птицы, будто подвешенные к небосводу на невидимых нитях, беспрестанно кружат над волнами. В волнах дремлет мать маленького кашалота. Она держится на поверхности, опустив голову под воду, — отдыхает после плотного обеда, состоявшего из мяса длинноперых тунцов. Над горизонтом поднимается солнце.

Предыдущей ночью, около полуночи, когда на море спустилась тьма, а в воде заплесали миллионы крошечных звездочек, китиха заметила вдали какое-то странное сияние. Направившись к нему, она скоро оказалась в круге света, который поднимался из воды и рассеивался в низком тумане. Казалось, что светится самый воздух.

Едва охотница заметила первую уплывающую от нее рыбину, как тотчас оказалось, что тут их сотни, а может быть, и тысячи — и каждая из них разрывала темную пелену моря фосфоресцирующими полосами. Это от их движения, точно под кистью художника-абстракциониста, возбуждались и светились зеленым и пурпурным какие-то крохотные частички. Рассекая эти красочные узоры, наша китиха пустилась в погоню за ближайшей рыбой... затем за следующей... и за следующей. Она поворачивала голову то влево, то вправо, нацеливаясь то на одну жертву, то на другую. Большинство рыб благополучно улизнули от нее. В ту секунду, когда над рыбой уже готовы были сомкнуться страшные челюсти, она вдруг уносилась в темноту, серебристо сверкнув, точно сабля, выхваченная из ножен. За три часа непрерывной и увлекательной погони китиха поймала и про-

глотила всего две дюжины рыб, самая крупная из которых весила около двенадцати килограммов.

Белое мясо тунцов питательно, содержит много жиров и имеет сладковатый вкус. Под утро мать маленького кашалота почувствовала, что разыгравшийся аппетит обманул ее: она уже наелась и устала. Теперь она отдыхает. Солнце медленно поднимается над туманным горизонтом.

Поблизости от китихи отдыхает еще одна самка гарема, тоже наевшаяся рыбы. В недрах ее усталого тела просыпается какое-то новое ощущение, нечто большее, чем усталость. Что-то тихо шевелится в ее чреве, не вызывая ни тревоги, ни беспокойства. Это плод начинает делать первые движения. Ночью, когда в возбуждении погони китиха до предела напрягла все свои силы, состав ее крови слегка изменился, и это подействовало на зародыш.

Плод живет уже девятый месяц. Ростом он вполне догнал взрослого мужчину, однако ему предстоит еще много времени провести во тьме материнского чрева. Уже можно определить, что это самка, которая в общем напоминает миниатюрного кашалота, хотя строение ее тела еще отражает влияние предков — родственных видов млекопитающих. Тело неродившейся самки недавно было розовым, но теперь сереет со стороны спины и понемногу белеет на брюхе. На ее передних конечностях все еще видны пять пальцев. Скоро они срастутся в одну широкую лопасть плавника. Вокруг ушного отверстия выступает круглый кольцевой бугор, который постепенно исчезнет, а пока напоминает о том, что ухо предков кита было гораздо больше в диаметре. Наружные половые органы постепенно прячутся в длинную складку, в узкую щель, по бокам которой позже появятся соски. Глаза зародыша почти закрыты; мягкая челюсть время от времени подергивается — это зародыш глотает соленую жидкость, которая около часа идет сквозь его организм и затем выводится через отверстие в нижней части туловища.

Зубы детеныша уже начали формироваться, но пока глубоко спрятаны в мягкие розовые десны. Зубы у китов не меняются и потому появляются поздно: после того, как эта самка перестанет получать материнское молоко, ей суждено целых семь лет ждать их появления.¹ Все эти годы она будет хватать пищу беззубыми челюстями и проталкивать ее в пищевод при помощи гибкого подвижного языка.

Да, у кита всего один комплект зубов, да и те полностью появляются только ко времени полового созревания. Почему? Такой темп появления зубов вполне удовлетворяет нуждам ныне живущих китов. Челюсти кашалота растут медленно, и соответственно медленно появляются зубы, кото-

---

¹ Имеются данные о том, что зубы у кашалота начинают прорезываться вскоре после окончания молочного кормления.—
Прим. ред.

рые перестают расти примерно к тому моменту, когда челюсти достигают своего предельного размера. Это вполне естественно для животного, которое в основном питается мягкой добычей и чаще всего проглатывает ее целиком.¹ Наземные млекопитающие — такие, например, как собаки, — параллельно с материнским молоком получают твердую пищу, которую нужно кусать и грызть; щенку зубы нужны в самом нежном возрасте, и природа снабдила его молочными зубами. Если бы молочные зубы щенка не менялись по мере того, как растут его челюсти, они скоро оказались бы слишком широко расставленными, а потому бесполезными. Но молочные зубы постепенно выпадают, и к тому времени, когда челюсти щенка достигают своего окончательного размера, у него вырастают постоянные зубы.

В семье маленького кашалота есть сейчас и взрослая самка, которая не кормит и не готовится рожать, — весьма редкое состояние для взрослой китихи. Предыдущая беременность этой самки окончилась неудачно. Так случается в среднем один раз на каждые двести родов. Она зачала близнецов, носила их четырнадцать месяцев, затем преждевременно родила — мертвыми. Даже если бы беременность и роды прошли благополучно, она не сумела бы вскормить двоих детенышей одновременно.

Как вы помните, одну треть длины кашалота составляет его голова; за этим фактом кроется одно весьма существенное обстоятельство.

„Но божественное высокомерие чела, присущее всем тварям земным, у великого Кашалота усиливается настолько, что, глядя на него прямо в лоб, вы с небывалой остротой ощущаете присутствие Божества и силу Зла“, — говорит герой Мелвилла, рассматривая с палубы „Пекода“ подвешенную на таях голову кашалота.

Помню, и я тоже стоял на скользкой платформе разделочной базы на Аляске, глядя, как рабочий, вооруженный флешерным ножом — острым и длинным, точно меч, — рассекал голову кашалота, открывая путь струе спермацета. Проходили минуты; бочонки один за другим наполнялись чистым, прозрачным, пузырящимся веществом. Потом на поверхности бочонков появилась матовая пленка: маслянистая жидкость начала остывать. В ней стали видны волокнистые линии — вереницы

¹ Большинство зоологов сходятся в мнении о том, что лую живую добычу кашалот ловит и отправляет в глотку всасывающими движениями языка. Значение же зубов у кашалота в добычании и удерживании кальмаров, рыб и прочих животных ничтожно мало. Вот почему у половины взрослых кашалотов зубы на верхней челюсти не прорезываются вообще, а на нижней их число колеблется от тридцати до шестидесяти. — *Прим. ред.*

кристаллов, сосульки, застывшие каскады. Остывающая жидкость была теперь пронизана белыми линиями, поверхность ее покрылась вмятинами и углублениями: казалось, передо мной застывшая глыба благородного воска. Я медленно отвернулся, осторожно ступая по самой скользкой поверхности в мире — жирной, мокрой, затянутой слизистой пленкой палубе китобойной разделочной базы.

Когда-то в далеком прошлом кашалота называли спермацевым китом, и это название сохранилось за ним — во всяком случае, в английском языке; люди, давшие кашалоту такое название, полагали, что его сперма находится в голове. Трудно без улыбки думать о невежестве этих людей — однако ведь и мы не сумели раскрыть секрет гигантского черепа кашалота и того огромного количества маслянистого, воскообразного, волокнистого, хрящеподобного вещества, которое наполняет сложные лабиринты каналов, клапанов, проходов и тупиков его черепной коробки. От десяти до пятнадцати тонн живой плоти носит кашалот в этом резервуаре; и если природа сочла нужным наделить кашалотов таким грузом, то, очевидно, значение спермацета в жизни животного должно быть чрезвычайно велико: природа ведь ничего не создает напрасну. Вероятно, спермацет необходим кашалоту, иначе он не мог бы позволить себе носить подобную тяжесть.

Я попросил рабочих китобойной базы поработать минут десять с другой стороны туши, а сам вооружился тесаком и принялся торопливо вскрывать участок головы, оставшийся нетронутым. Мне было интересно — что я сумею выяснить за десять минут? У кашалота лишь одна ноздря, или дыхало, расположенное на лбу, слева от центра. Однако, разрезая ткань вокруг этого отверстия, я нашел и вторую, правую ноздрию — вернее, то, что от нее осталось после миллионов лет эволюции. Этот второй канал тоже как будто представлял собой дыхательный путь и уводил вниз. Я продолжал вскрытие, пока не увидел, что правый дыхательный канал внезапно окончился тупиком, дойдя до какой-то кости верхней челюсти. Длина этого тупикового канала составляла три метра, и на первый взгляд казалось, что он совершенно бесполезен; но это, безусловно, не так. Какую-то функцию канал исполняет; для чего же природа лишила кашалота одного из двух дыхательных путей? Я снова вернулся к отверстию дыхала и продолжил вскрытие с другой стороны, рассекая все еще мягкую плоть, от которой в холодном полярном воздухе поднимался пар. На протяжении более трех метров я следил за ходом левого дыхательного канала, пока он не привел меня к отверстию в кости черепа.

„Ну, хватит!“ — крикнул мне бригадир, и я неохотно отошел от окровавленной головы кашалота. Рабочие срезали с нее мясо, а затем отделили голову от туши. Опутанный цепями череп с гулким грохотом рухнул на палубу. Мне удалось хорошо осмотреть его. Станный это был череп — выше челове-

ского роста! Сбоку он напоминал по форме огромный ковш или сани. Над верхней челюстью обнажилось длинное костное ложе, которое еще час назад поддерживало несколько тонн мяса.

Есть мнение, что масса спермацета и все сложные переплетения тканей, проходящих сквозь спермацет и окружающих его, представляют собой нечто вроде кислородного резервуара или дополнительных „легких“, размещенных в черепе и постепенно выделяющих кислород во время длительного ныряния. С другой стороны, специалисты, изучающие магнитофонные записи голосов китообразных, недавно сообщили, что по некоторым параметрам звуки, издаваемые кашалотами, не похожи на все прочие китовые голоса; может быть, черепная коробка помогает кашалоту порождать мощные звуковые сигналы для эхолокации в океанских глубинах? Может быть, странные каналы, часть которых я вскрыл своими руками, на самом деле представляют собой органичные трубы, клапаны и резонаторы? Ответы на эти вопросы мы получим в будущем, и я думаю — довольно скоро.¹

Еще в 1839 году Томас Биль с удивительной проникательностью писал: „Все кашалоты, и взрослые, и молодые, пользуются какой-то связью; они обмениваются сигналами на расстоянии, сообщают друг другу о приближающейся опасности и делают это вполне успешно, даже когда расстояние между ними превышает пять, а то и семь миль. Пока остается тайной, каким образом им это удается“.*

Может быть, человек наконец вплотную подошел к разгадке этой тайны?

Богатейший мир звуков окружает каждого кита, где бы он ни находился. С рождения и до последней минуты своей жизни, днем и ночью кит слышит неумолкающий оркестр океана. Тишина в море — вещь невозможная. Хлопки и пощелкивания крошечных креветок и ракообразных, хрюканье, скрежет, пыхтение и гудение сотен рыб, странное подвывание и трескотня дельфинов, печальное голоса морских птиц над волнами, мычание китов, шуршание вечно движущейся воды и свист ветра — множество звуков постоянно доносится до кита. Он не только слышит эту музыку — он

---

¹ Предположение многих ученых, в том числе и В. Шеффера, о наличии у кашалотов в передней части головы сложной звуковоспроизводящей системы нашло подтверждение при изучении в океанариумах поведения дельфинов. К настоящему времени достаточно выяснено строение и назначение многих частей сложной системы генерирования звуков. Все они располагаются на костном ложе черепа, впереди же находится жировая (у кашалота спермацетовая) подушка, которая, как своеобразная линза, направляет и усиливает акустический луч.— *Прим. ред.*

воспринимает ее всем своим телом, ведь кожа кита постоянно ощущает звуковые колебания, которые распространяются в воде.

Маленький кашалот не сразу начинает понимать значение разных звуков. Очевидно, всех звуков океана он так и не выучит, ограничив свое образование теми из них, что связаны с пищей, с матерью, с опасностью, с расстоянием — например, с определением расстояния до плавучего бревна или до плывущих где-то друзей; это обычные, часто повторяющиеся звуки. Как слепой человек, живущий в лесу, узнает птиц по голосам, так и кашалот умеет узнавать китов, встречающихся на его пути. Некоторые звуки смутно знакомы ему с самого рождения. Это голоса других зубатых китов, его ближайших родственников. Голоса всех усатых китов более грубы и резки — они, должно быть, непонятны маленькому кашалоту. Еще в младенчестве он часто слышит вдалеке какое-то странное, причудливое, ни с чем не сравнимое сочетание звуков, которое мы приняли бы за какофонию скотного двора: скрипы, хрюканье, мычание, вскрики, стоны, присвисты, лай. Источник этой какофонии так и останется ему неизвестен.

Сегодня наш герой услышал диковинный новый звук, раздавшийся внезапно, точно голос неожиданного гостя из космоса. Вначале он походил на стон — таинственный, бесформенный, неопределенный. Стон постепенно превратился в визг, а потом, дрожа и затихая, сопровождаемый чуть слышным эхом, исчез, оставив маленького кашалота в болезненном оцепенении. Откуда пришел этот стон? Никогда больше кашалот не услышит его. Быть может, это был голос обитателя глубин, неизвестного и человеку? А может быть, голос самого обычного животного, в жизни которого случилось что-то необычное? Или какое-то безголосое существо почувствовало вдруг мучительную боль, от которой у него прорезался голос?

Человеку трудно оценить всю важность звуковых сигналов для маленького кашалота. Киты постоянно заняты анализированием подводных звуков, большая часть которых не имеет для них никакого значения, но все же должна быть услышана и проверена.

Звук сообщает китенку почти все, что ему требуется знать. Обоняния у него нет. Задолго до того как кашалот родился, в передней части его крошечной головы начали развиваться две мягкие доли. Им следовало бы стать участками мозга, управляющими обонянием, однако по мере развития зародыша они исчезли, уступив место другим клеткам и тканям. Откуда-то из глубины времен зародыш получил команду хромосом — и мозг послушно исполнил ее.

В самом деле, для чего киту обоняние?

Зрение у китов тоже постепенно атрофируется. Глаза маленького кашалота, расположенные над уголками его пасти, поблескивают в щелях между пухлыми веками. Наш герой никогда не видел своего собственного хвоста — и никогда не увидит его. Его глазные яблоки заключены в прочную прозрачную оболочку и охвачены сильными мышцами; маслянистая слезная жидкость служит им смазкой. Когда кит поднимает голову над водой, он видит не лучше человека, страдающего близорукостью и астигматизмом. В воде, однако, он видит достаточно хорошо, чтобы разыскать материнское брюхо и источник материнского молока. Пока развиваются и совершенствуются его сложные органы слуха и „речи“, глаза подтверждают и корректируют звуковую информацию и помогают распознать ее источник.

Даже полностью потеряв зрение, китенок все же сумел бы, вероятно, нормально жить и развиваться. Много раз мне приходилось видеть слепых тюленей в естественных условиях — и они выглядели здоровыми, упитанными, в их поведении не было ничего необычного. И в воздухе, и в воде звуковые колебания заменяют им свет.

В 1839 году зоолог и судовой врач Томас Биль писал: „Был пойман совершенно слепой кит, потерявший оба глаза; в глазницах его густо разрослись грибоподобные растения, свидетельствовавшие о том, что кит уже давно лишился зрения... И все же при разделке его туши китобои добыли столько же жира, как при разделке туши любого зрячего кита такого размера“.

Январское море так прекрасно, что даже мысленно не хочется возвращаться на берег, — и мысли мои обращаются к океану, к этому огромному, удивительному водному миру, опоясывающему Землю и вполне способному поглотить и Эверест, и Мертвое море, если бы кому-то удалось выровнять поверхность нашей планеты.

Интересно было бы вычислить, какой цифрой определяется общая масса живых существ в Мировом океане — биомасса морских животных и растений. Намного ли она превышает потребности голодного человечества в пище? Какую часть биомассы составили бы кашалоты? Впрочем, кто пересчитывает по головам их стада?

Мы, люди, любим задавать себе разные вопросы, а потом искать ответы на них. Океан и его обитатели не поддаются точному измерению; следовательно, нам пока приходится довольствоваться приблизительными представлениями, основанными на известных фактах.

Специалисты начинают — по-моему, вполне логично — с количественной оценки самого основания пищевой пирамиды, подсчитав для начала массу простых элементов, которыми питаются растения. Углерод, азот и фосфор — лимитирующие

компоненты, дающие жизнь,— легко поддаются измерению. Моря нашей планеты достигли уже весьма почтенного возраста и так долго принимали участие в общем и повсеместном круговороте веществ, что все тона и оттенки их химического состава отлично перемешались и хорошо известны нам. Мы делаем анализ состава воды в сотне разных мест, умножаем результат на некую громадную цифру и прогнозируем длительность жизни на Земле — предполагая, разумеется, что энергия Солнца останется неизменной и будет и дальше питать разные формы жизни на нашей планете.

Советский океанолог В. Г. Богоров считает, что общая масса растений в Мировом океане составляет 1,7 миллиарда тонн, а масса животных — в двадцать раз больше.*

Возможно ли это? Как это животных может быть в океане больше, чем растений? Как может лошадь весить больше, чем трава, которую она ест? Напомним, что жизнь океанских растений коротка, а животным отпущен гораздо больший срок. Если подсчитать, сколько новых растений и сколько новых особей животных появляется в океане каждый год, то окажется, что растительный мир в десять раз плодотворнее животного. Следовательно, в наше рассуждение следует ввести фактор времени: ведь жизнь не стоит на месте. Океан — это постоянно изменяющаяся система, в которой равновесие между теми элементами, которые мы называем „живыми“, и теми, которые у нас именуется „мертвыми“ (разграничить их не всегда бывает легко), поддерживается одновременно на самых разных уровнях.

Американский специалист по рыболовству У. М. Чапман говорит, что, хотя общая добыча рыбы из Мирового океана составляет сейчас шестьдесят миллионов тонн в год, человечество могло бы увеличить эту цифру в тридцать раз, если бы сумело с максимальной эффективностью использовать суда и орудия лова.**

(Мы с Чапманом знакомы давно. Помню, однажды мы с ним перегоняли моторную шхуну „Черный Дуглас“ из Сан-Педро в Сиэтл; на шхуне были погашены огни, и на всем пути мы не видели ни одного огонька — это было в декабре 1941 года, через неделю после нападения на Пирл-Харбор. Были погашены также и навигационные огни. Прокладывая курс, мы всецело доверялись глубиномеру и воле божьей.)

Джон Д. Стрикланд из Института морских ресурсов при Калифорнийском университете в Ла-Хойе придерживается более осторожного мнения: он говорит, что добычу рыбы можно увеличить не больше чем в десять раз.***

Приведем противоположное мнение: Волф Вишняк из Рочестерского университета в штате Нью-Йорк, а также Ламонт К. Коул из Корнеллского университета считают, что мы уже сейчас слишком усердно опустошаем моря. „Значит ли это, что нас ждут мрачные перспективы?“ — спрашивают

они — и отвечают: „Нет, перспективы попросту безнадежные“.*

Чапман затрагивает и моральную сторону этого вопроса. Он говорит, что в наши дни серьезный ученый не может довольствоваться сочинением трактатов, сидя в своей башне из слововой кости; он должен взаимодействовать с реальным миром, использовать свои способности и знания для решения насущных и актуальных проблем человечества, пытающегося лучше приспособиться к окружающему миру. Ради кого, спрашивает Чапман, мы пытаемся увеличить добычу китов, рыбы, водорослей и прочих богатств Мирового океана? Кто от этого выиграет?.. Во-первых, выиграет сам океан, потому что мы будем следить за тем, чтобы его эксплуатация не была чрезмерной; мы должны сохранить источник этих богатств. А во-вторых, мы открываем доступ к ним для всех народов, для всех наций Земли, готовых искать и добывать морепродукты. Мы не ставим ни политических, ни национальных, ни географических, ни расовых, ни шовинистических преград; все могут черпать там, где черпается слишком мало.

Возьмем данные В. Г. Богорова о биомассе животного мира океана и сравним ее с массой всех кашалотов на планете. Сейчас ежегодно добывается двадцать пять тысяч кашалотов — это сокровище эксплуатируется слишком усердно. Ежегодная добыча составляет, вероятно, одну десятую общего запаса кашалотов — их в океане приблизительно двести пятьдесят тысяч. Считая, что средний возраст кашалота — десять лет, а средний вес — десять тонн, приходим к выводу, что общий вес всех кашалотов Мирового океана составляет примерно 2,5 миллиона тонн. Сравнивая эту цифру с общим весом всех животных океана, выясняем, что кашалоты составляют приблизительно $1/13600$ всех животных, то есть весьма значительную часть. Казалось бы, киты встречаются так редко, что едва ли можно было ожидать столь значительной цифры. Однако каждый гигантский кашалот весит столько же, сколько триллион планктонных животных.

Биолог, интересующийся статистическими данными о китах, должен очень осторожно пробираться по лесу цифр, среди которых прячутся нужные ему данные. Он должен опасаться предательских ям и ложных тропинок. Он старается сделать „случайную выборку“, которая бы верно отражала ситуацию, — но это нелегкая задача, как нелегка любая обработка информации о живом, непрерывно меняющемся мире. Ведь приходится иметь дело со сведениями о животных, которых уже не существует; приходится подсчитывать призрачные популяции, уже переместившиеся во времени и в пространстве.

Подсчет начинается с вполне определенной цифры — количества кашалотов, убиваемых каждый год. Имеются также данные подсчета китов, которых заметили с кораблей и самолетов. Известно количество китов, проходящих во время ежегодных миграций вдоль берега и замеченных в районах спари-

вания. Кроме того, специалист по статистике использует сведения, полученные при вскрытиях на палубах китобойных судов,— это чрезвычайно полезные сведения, которые говорят о том, как быстро киты растут, в каком возрасте они начинают спариваться, сколько раз самка рождает, в каком возрасте у нее начинается климакс, как часто киты болеют, какая среди них смертность, и о многих других важных аспектах, которые необходимо знать при подсчете китового населения планеты и оптимальной скорости его истребления.

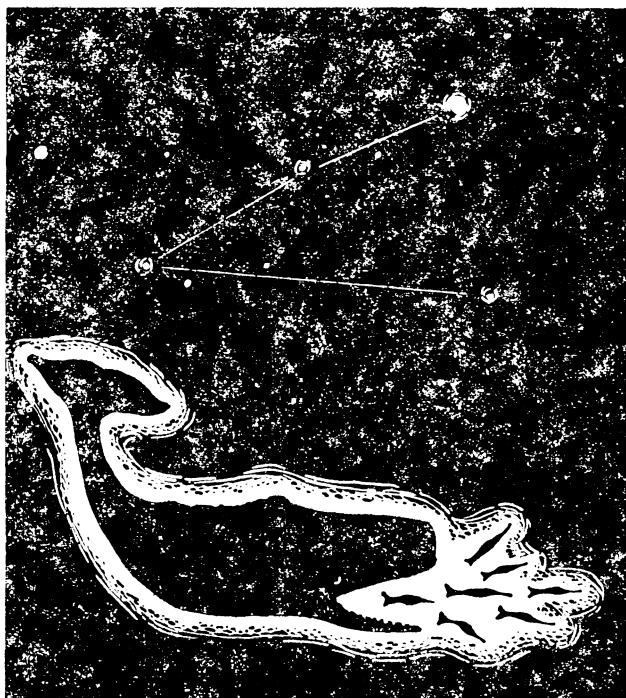
Полезно знать и количество помеченных китов, доставленных на разделочные базы,— биологи многих стран метят встреченных в море китов при помощи специальных стальных меток. Данные о сезонных миграциях, которые можно получить, подсчитывая убитых китов с такими метками, не особенно надежны, потому что помеченного кита обычно убивают лишь через несколько лет. Тем не менее метки помогают составить представление о путешествиях китов и примерно очертить их территории, а также сделать некоторые выводы о том, насколько разные виды китов уважают неприкосновенность чужих владений.

Наконец биолог, занимающийся статистическими данными о китах, предлагает руководителям китобойного промысла выбор: „Прирост поголовья китов,— говорит он,— колеблется между этими двумя цифрами. Вот верхний предел возможной добычи, а вот — нижний. Выбирайте“.

Здесь уместно привести слова Джеймса Тербера о пингвинах и о самой примитивной из жизненных форм океана — планктоне:

«Пингвин питается планктоном — сытным, хотя и безвкусным продуктом, который энциклопедический словарь с очаровательной простотой определяет как „совокупность животных и растений, населяющих водоемы и плавающих либо пассивно, либо при помощи слабых движений“. Человеку не свойственно уделять много внимания пассивным и покладистым животным; зато тем животным, мясо которых составляет основу его рациона, он любит задать жару и изобрел для этого множество орудий, убивающих и на суше, и в море, и в воздухе,— от рыболовного крючка и гарпуна до винтовки и дробовика. Когда пингвин и дельфин научатся говорить по-нашему, они воскликнут, глядя на человека, сидящего за своей устрашающей трапезой: „Подумать только, что едят эти смертные!“» *

ФЕВРАЛЬ

В то время как тысячи и десятки тысяч кашалотов пасутся в умеренных водах северной части Тихого океана, несколько сот самцов охотятся в ледяных водах более высоких широт, где течения Берингова моря встречаются с тихоокеанскими течениями. Это старые самцы, выходцы из разных морей (некоторые из них в прошлом путешествовали и с семьей маленького кашалота). Одни самцы родились под благоуханными ветрами Каролинских островов, другие — в районе островов Гилберта или Маршалловых, многие впервые увидели свет в открытом океане, далеко от каких-либо берегов. Охотничьи угодья этих китов растянулись дугой на две тысячи миль, от Кадьяка на востоке до Командорских островов на западе, а на севере они ограничены опасными течениями, приносящими плавучие льды из Северного Ледовитого океана.

Самцы плывут, поднимаясь и опускаясь в ритме никогда не успокаивающихся валов открытого океана. Зимние дни коротки и сумрачны, шум волн то и дело перекрывается

воем шквалов, которые рождаются в просторных долинах Алеутских островов и яростно проносятся над морем. Летящая пена и бушующие волны сливаются в одну сплошную пелену тумана и брызг, а через час шквал прекращается — так же внезапно, как начался. Сквозь снег и ледяной дождь, под огромными, густыми облаками тумана киты продолжают преследовать добычу — даже темными, непроницаемо черными ночами. Они никогда не останавливаются. Им не нужен отдых. Наоборот — постоянная работа мышц необходима, чтобы не мерзнуть в ледяных морях.

Широкими проливами меж Алеутских островов киты идут в воды Берингова моря. Они избегают заходить в узкие проливы с предательскими течениями, рождающимися от столкновения северных и южных океанских валов; единороство этих двух стихий порой вздымает море страшной пенистой зеленой стеной — а порой внезапно уносит всю воду из пролива, обнажая уродливые острые рифы.

Временами свежий ветер вдруг разрывает облака, и над северным горизонтом появляется лунная радуга, ненадолго расцветивающая синее небо. Лунная радуга похожа на солнечную, но цвета ее, разбавленные синевой ночи, мягки и прозрачны.

Двигаясь по своим регулярным маршрутам, киты иногда проплывают вблизи островов Алеутской гряды, самых чистых и прекрасных островов на свете. Это острова вулканического происхождения. Их белоснежные вершины поднимаются выше трех тысяч метров над уровнем моря, а в недрах их дремлет огонь, который иногда вырывается на поверхность, украшая вечные снега султанами дыма и пламени и пелериной вулканического пепла. Ландшафты этих островов графичны и чисты, здесь нет лесов, и ничто не мешает ветрам свободно разливать по земле; живут здесь лишь песцы и птицы.

Вот желтоглазый песец изящно ступает по зимнему берегу, переворачивает камни и слизывает языком с песка мелких насекомых или разрывает выброшенные на берег водоросли в поисках запутавшихся в них рыб и мертвых чаек. Зимой песец не побрезгует ни одним, даже самым крошечным и отвратительным кусочком и не прекратит поиски, пока желудок его не будет набит до отказа: в пищу годится все, что хотя бы отдаленно напоминает мясо. Если обитателям острова повезет, мощный зимний прибой вынесет на берег тушу кита. Тогда песцы будут неделями пировать, проедавая длинные норы в горе разлагающегося мяса. В песке появятся тропинки, ведущие к китовой туше. Серебристый мех песцов свалится и потемнеет от жира, вид их будет ужасен — до тех пор, пока осенью природа не снабдит песцов новыми шубами.

Издали острова кажутся совсем белыми, но когда приближаешься к ним, видны участки коричневого и серого —

это складываются в причудливый узор буйные заросли трав, и голые стебли борщевика, и шероховатые, обветренные валуны, и тонкие, гибкие ветви кустарников, которые приспособились к холодному, сырому климату севера.

Тяжело пикируют с утесов и садятся на воду краснолицые бакланы; они поводят головами из стороны в сторону, словно чему-то удивляясь. Появляются из тумана и опускаются на воду рядом с китами крошечные малые конюги. Во всем мире этих птиц осталось всего около двух тысяч (представьте биологический вид, биомасса которого во всем мире составляет сорок килограммов!) — вымирающее племя, последние остатки вида. На Алеутских островах пережидают зимние штормы топорики. Эти смешные морские попугаи с пучком перьев на голове (они встречаются в разных уголках земного шара) летом роют ямки в земле и, отложив яйца в потайных тоннелях, к зиме возвращаются в бурное море.

Есть птицы, которых киты видят по ночам, — это маленькие, как ласточки, качурки. Они стремительно проносятся в темноте, внезапно пикируют в воду, чтобы схватить комочек светящегося планктона, и снова порывисто взлетают над волнами.

В водах Алеутских островов суда появляются крайне редко, ибо большая часть этих островов совершенно безлюдна. В устьях рек, между мягких, округлых холмов здесь иногда находят следы древних становищ — груды полуистлевших костей, скелеты и зубы морских животных, указывающие на то, что когда-то здесь жили мужчины, женщины и дети. Однако провести лет назад на острова явились европейцы, которые и погубили туземцев. Краток и печален этот период истории Алеутских островов, ставших еще одним напоминанием о том, как жестоко обращается человек со своими собратьями.

На всей земле сейчас не осталось ни одного чистокровного алеута.

Этнологи установили, что алеуты пользовались весьма своеобразным методом охоты на китов. Особые шаманы — служители китобойного культа — по тайным рецептам готовили варено из корней ядовитых растений, таких, как борец волчий (аконит), лютик едкий, ветреница (анемон), и вымачивали в нем наконечники стрел и гарпунов. Охотники спускали на воду обтянутые шкурами лодки и, окружив кита, старались вонзить в него как можно больше отравленных стрел и гарпунов. Следовало длительное ожидание; наконец кит умирал от паралича и тонул. Много дней спустя, если тому благоприятствовали волны и ветер, всплывшую тушу выбрасывало на берег, и алеуты принимались пировать. Но если ветры и волны не благоприятствовали охотникам, китовую тушу уносило на юг или

на восток, за много сотен миль, и в конце концов ее выносило на какой-нибудь отдаленный берег,— к ужасу местных жителей.

Высоко над угодьями алеутских китов в темно-синем небе проходит трасса реактивных самолетов, летящих с Аляски на Восток и обратно. Некоторые из самолетов приземляются на аэродромах в районах Колд-Бей, острова Адак и других военно-воздушных баз, о которых мы мало что знаем; когда самолеты снова с воем взлетают в небо, испуганные киты в панике уходят на глубину.

Алеутская дуга — геологически молодой и беспокойный район нашей планеты. Океанское дно здесь подвержено частым сейсмическим колебаниям. Когда на острове Хоккайдо или в Анкоридже и Сизтле вздрагивают стрелки сейсмографов, кашалоты тоже ощущают эти подводные удары и замирают, вслушиваясь в гул океанских глубин.

Я был там однажды летом и видел берег, на котором стоял когда-то маяк Скотч-Кэп. Темной апрельской ночью, за год до моего визита, огромная волна высотой тридцать метров, возникшая в районе впадины возле острова Уникак, обрушилась на берег и уничтожила и маяк и всех находившихся на берегу людей.

Роковые случайности и катастрофы — вполне обычное явление в жизни обитателя северных морей. Иногда китов и тюленей, рыб и морских птиц Алеутских островов губят самые неожиданные происшествия. Случается, что в море находят животных — одиночек и целые группы, — погибших от ожогов. Быть может, это жертвы морских гейзеров — подводных извержений горячего пара и сернистых газов? А иногда на берегу находят тела тюленей и птиц, не имеющих никаких следов травм. Быть может, это жертвы отравления знаменитым „красным приливом?“

Четвертое февраля. Три кашалота из стада самцов охотятся на мойву в Кронцком заливе у берегов Камчатки. Здесь водится множество этих серебристых, похожих на корюшку рыбок. Они невелики (всего пятнадцать — двадцать сантиметров в длину), но мясо их нежно и вкусно. Блестящие серебристые рыбки сверкают в воде, точно тысячи внезапно рассыпавшихся лезвий.

На западе низко над горизонтом появляются бледные отсветы: это в темных облаках отражается лед. Присутствие льда, а также и некоторые другие приметы указывают кашалотам западные границы их охотничьих угодий. Киты медленно разворачиваются и уходят в сторону Америки.

Тишину зимнего дня нарушают негромкие вздохи десятка дельфинов, которые тоже ловят мойву. Это так называемые китовидные дельфины — у них, как и у настоящих

гладких китов, нет спинного плавника. Стайка черно-белых дельфинов держится неподалеку от кашалотов; они ленивы и медлительны — вероятно, уже наелись рыбой доотвала.

На поверхности появляется усатая морда морского котика. Это самец. Он крепко держит зубами рыбу и трясет головой, разламывая ее на куски, которые он мог бы проглотить. (У котика нет лап, чтобы держать добычу.) Во все стороны летят мелкие брызги, кольцом окружая голову котика. Пикирует чайка, привлеченная разлетающимися в воздухе серебристыми кусочками мяса. Как и кашалоты, этот котик решил перезимовать на севере, у кромки дрейфующих ледяных полей. Его летняя резиденция — скалистый остров, расположенный недалеко от Сахалина, в Охотском море.¹ Эту зиму он проведет в одиночестве, вдали от своих собратьев.

В глубине под темным утесом на южном берегу острова Амукта, лежащего у побережья Аляски, в зарослях скользкой алярии пасется треска. Глубина здесь около двадцати метров. Поедая крабов, улиток, морских звезд и морских ежей, треска пробирается между коричневыми растениями. Эти темно-серые, метровой длины рыбины отличаются огромными выпученными глазами, громадной пастью и постоянно трясущимся отростком, свисающим с нижней челюсти. В тусклом подводном свете треска замечает движущуюся тень, очерченную серебристыми пузырьками. Треска бросается вперед и хватает добычу своими тонкими, острыми зубами. Это баклан, морская птица, которая глубоко ныряет, хотя бы на рачков и мелких рыбешек (в том числе и на мальков трески). Рыба и птица сражаются среди подводных водорослей, но треска — в своей стихии, и она побеждает; голова баклана исчезает в пасти трески, еще мгновение — и птица проглочена целиком.

Вечером эта треска заплывает в пролив между островами Амукта и Юнаско. Позже, около одиннадцати часов, идущий проливом кашалот на ходу проглатывает треску. Таким образом, круг почти замкнулся: рыба сожрала птицу, которая охотилась на мальков, поедавших веслоногих рачков копепод, которые питаются диатомовыми водорослями. В желудке кашалота эта треска скоро будет переработана в питательные вещества, поддерживающие его жизнь, а ее кости и чешуя, вместе с костями и перьями баклана, будут извергнуты и сделаются добычей разнообразных гнилостных грибов и бактерий, которые превратят эти отходы в вещества, питающие новые поколения диатомей.

Повернув на восток, кашалоты слышат в воде слабые пульсирующие звуки, не похожие ни на один звук, слышанный ими прежде. Они инстинктивно уходят в глубину, ибо непонятное равнозначно опасному. Проходит всего несколь-

---

¹ Автор имеет в виду остров Тюлений.— Прим. ред.

ко минут — но непонятный шум уже приблизился почти вплотную. Один из кашалотов всплывает подышать. Над водой показывается черная мокрая воронка его дыхала — и кит вдруг слышит выстрел и чувствует, как что-то вонзается ему в спину. Воду и воздух сотрясает громкий рев моторов. На смену первому шоку приходит легкая колющая боль. Кит пускает торопливый фонтан (точно струя пара вырвалась из трубы паровоза) и ныряет, не успев полностью провентилировать легкие.

В десяти метрах над водой висит ярко-оранжевый вертолет, на борту которого чернеет русская надпись — „Третья звезда“.* Под брюхом вертолета — длинные цилиндрические поплавок. Вертолет взмывает вверх; винт обрушивается на воду мощную струю воздуха, которая создает на поверхности концентрические волны, пересекающиеся с волнами, поднятыми нырнувшим китом. В окне вертолета — бледное лицо. Кажется, женское?

„Третья звезда“ работает по заданию советской научно-исследовательской станции в Петропавловске¹, где круглый год занимаются изучением моря и разных аспектов рыболовства. Прошлым летом Людмила Грекова, двадцатидвухлетняя сотрудница станции, высказала мысль, что легче метить китов с вертолета, чем гоняться за ними на научно-исследовательском судне. Некоторое время ее предложение медленно двигалось по соответствующим административным каналам, но когда оно дошло до молодого начальника, на которого идея девушки и ее серые глаза произвели большое впечатление, станция получила разрешение на эксперимент.

И вот сегодня, четвертого февраля, из охотничьего ружья двенадцатого калибра, выставленного в окно вертолета, был пущен стальной цилиндр, который и вонзился в жировой слой на спине кита. Вертолет с пилотом и двумя пассажирами на борту полетел дальше в поисках других объектов эксперимента. Людмиле удалось обнаружить и пометить еще трех китов, причем из этих трех выстрелов только один, быть может, оказался не слишком успешным: в критический момент вертолет качнуло, и метка вонзилась в бок кита под слишком маленьким углом. (В пенистой воде не было видно, вошла ли она под кожу.)

К этому времени первый из помеченных китов удалился уже на пятьдесят миль к востоку: он развивает предельную скорость в надежде избавиться от причиняющего боль предмета. Через неделю рана у него на спине закроется, а еще через неделю пройдет и всякая боль. Следующим летом этого самца убьет гарпунер японского китобойного судна, и блестящий цилиндр будет обнаружен на дне жироваренного кот-

---

¹ Автор имеет в виду Камчатское отделение Тихоокеанского научно-исследовательского института рыболовства и океанографии. — *Прим. ред.*

ла, когда чумазый рабочий станет лопатой чистить котел. Биолог раздраженно пожмет плечами, а вечером снова пожалуется капитану: „Неужели разделщики не могли обнаружить метку вовремя?“ Биолог, конечно, регистрирует найденную метку, но теперь он не знает, какой из сегодняшних китов принес ее — может быть, огромный старый самец, доставивший китобоям девяносто бочонков жира, накопленного за пятьдесят лет жизни?

Второй помеченный самец будет четыре года и три месяца носить свою метку — номер пятьсот пятьдесят девять. Затем его убьет гарпунер с китобойца, направляющегося на промысел в Антарктику. Этот самец ненадолго прославился как первый кашалот, о котором наверняка известно, что он пересек экватор. Он найдет свой конец к северу от острова Гвадалканал (Соломоновы острова), в четырех тысячах миль от Кроноцкого залива. Ученые заключают, что в своей жизни этот кашалот проходил не меньше тысячи миль в год, — хотя ни один из них не узнает, каким путем шел кашалот, когда он отдыхал, когда снова отправлялся в дорогу.

Вечером вертолет возвращается к своей камчатской базе. Людмила быстро пишет в блокноте, фиксируя важные события дня, пока они еще свежи в ее памяти; солнце опускается к горизонту.

Второй пассажир вертолета, биолог Юрий Соколов, с увлечением участвовал в сегодняшней погоне, но не сумел испытать свое изобретение, с помощью которого он надеялся проследить за подробностями извилистого маршрута кашалота. До сих пор никому не удавалось успешно применить подобное устройство: это миниатюрный радиопередатчик, который заключен в заостренный стальной цилиндр и питается залитыми воском батареями.

Когда вертолет уже подходит к Кроноцкому заливу, Юрий замечает группу малых полосатиков — самых мелких из усатых китообразных, которые посещают заливы побережья. Юрий обращается к пилоту, жестом давая ему понять, что намерен все же выполнить программу, намеченную при вылете с базы. Вертолет снижается; белые поплавки нацеливаются на группу китов. Охваченный легкой нервной дрожью, Юрий пристраивается с гарпунным ружьем возле окна. Ветер срывает с биолога очки, глаза его слезятся. Но он прицеливается и нажимает на спусковой крючок. Трах! Взрывается заряд черного пороха; восьмисотграммовый снаряд вонзается в спину кита, позади спинного плавника. Снайперу не видно, что происходит дальше, — но красивый, блестящий цилиндр, нашпигованный печатными схемами, транзисторами и прочими миниатюрными деталями, как будто попал в цель. В полном соответствии с программой цилиндр выбрасывает наружу гибкий стержень антенны. Испуганный кит нырнул.

Юрий склоняется к приемнику, установленному на полу вертолета, и надевает наушники. Он напряженно вслушивается, надеясь уловить электронное мурлыканье, которому обучили снаряд его создатели. Но как ни вслушивался биолог, желанный сигнал обнаружить не удается: приемник молчит. Тщательно сконструированный снаряд, казалось бы, застрахованный от всех неполадок, опять подвел молодого ученого.

Животные формируются под влиянием природных сил, которых они не понимают. Для них не существует ни прошлого, ни будущего. Им введом лишь жизнь нынешнего поколения — его следы на земле, его невидимые пути в воде и в воздухе.

Лорен Эйсли *

Каким образом кашалот находит дорогу в море? Как он прокладывает свой курс? По каким невидимым приметам он каждый год снова находит дорогу к районам спаривания? Какие вехи и маяки помогают ему?

Я задаю эти вопросы, но не имею на них ответов. Человечество все еще ищет их. Биологи будущего расскажут людям, чем руководствуется кашалот в своих скитаниях. Будущее проверит новые теории, оценит их выводы и выяснит, что именно играет решающую роль в передвижении кита по океанам.

Биолог будущего учтет и магнитное поле Земли (которое указывает нам направления на север и на юг), и силу Кориолиса (которую порождает вращение Земли), и изменение высоты солнца над горизонтом (и соответствующую поляризацию света), и химизм воды и ее температуру, и направление и силу преобладающих ветров, и положение небесных тел — учтет все это и решит, воспринимает ли кит подобные морские, земные и внеземные параметры и что они говорят кашалоту, регулярно возвращающемуся на привычные места.

А может быть, миграция китов — это весьма несложный процесс, и молодые киты попросту следуют за вожаком и, постепенно запоминая приметы, выучивают дорогу.

В начале нашего века передвижениями китов заинтересовался один выдающийся зоолог; постепенно он многое узнал о местах, посещаемых китами, однако почти ничего не узнал о том, как киты находят эти места. Это был Чарлз Хаскинс Таунсенд **, в течение тридцати пяти лет руководивший Нью-Йоркским аквариумом. Однажды, работая в публичной библиотеке в Нью-Бедфорде, он, к своему величайшему удовольствию, обнаружил там сотни судовых журналов со старых американских

китобойцев. В эти журналы капитаны аккуратно заносили сведения о добытых китах: даты, координаты, виды китов.

Таунсенд понял, что, отмечая на картах те места, где удалось добыть большое количество китов, можно составить представление о распределении китов и об их миграциях. Он изготовил превосходные карты Мирового океана, на которых цветными точками обозначил места, где когда-либо был обнаружен и убит кит. Увлеченно трудясь над составлением этих карт, Таунсенд обработал записи за сто шестьдесят лет китобойного промысла, содержавшие сведения о добыче более тридцати тысяч китов.

Десятого февраля рыболовное судно „Халкон“ вышло в воды субтропической зоны Тихого океана.* „Халкон“ шел вдоль берегов Мексики, у южной границы района, который занимает семья маленького кашалота. Это был пробный выход: владельцы „Халкона“ решили испытать свой рыболовный сейнер для охоты на китов. „Халкон“ приписан к порту одного из государств Центральной Америки; оно не входит в Международную китобойную комиссию и поэтому не обязано соблюдать законы, регламентирующие китобойный промысел.

Между владельцами „Халкона“ состоялся примерно такой разговор:

„У нас прекрасное судно, которым мы пользуемся только восемь месяцев в году, когда идет лов сардин. Почему бы нам не использовать его и весной, для охоты на китов? Мы ведь часто видим китов, когда расставляем сети“.

„Но киты боятся шума дизельных двигателей. На китов могут охотиться только паровые или парусные суда“.

„В самом деле? Откуда вам это известно?“

Всем заправляет португалец по имени Беппо, работавший прежде в калифорнийской компании по добыче и разделке китов. Его темные глаза загораются, когда он описывает тревожения охоты и богатую добычу — горы красного мяса, которое доставляют в порт китобойные суда и из которого можно делать консервы для собак; это очень прибыльное дело.

И вот в конце рыболовного сезона „Халкон“ стали оснащать новым такелажом. Хозяева и моряки часто почесывали в затылках. Столько проблем! Как в него стрелять, в кита? Какой длины должен быть гарпунный линь?

Наконец на носу „Халкона“ установили гарпунную пушку, а для стрельбы из нее наняли норвежца по имени Аксел Свансон.

Свансона нашли в портовом кабаке. Его знают все местные рыбаки. Этот бывший китобой, плававший в южных морях, рассказывает удивительные истории. Его вежливо

выслушивают и угощают выпивкой — хотя бы ради того, чтобы он повторил свои поэтические повести. Он так настрадался от холодных ветров и ледяных волн Антарктики, что теперь до конца своих дней будет греться в тропиках. Норвежец не всю свою жизнь провел в кабаках и даже клянется, что в мире нет лучшего дозорного и лучшего гарпунера, чем он, Аксел Свансон. Ни для кого не секрет, что остроту своего зрения он поддерживает при помощи специальной процедуры: каждое утро, поднявшись с койки, выпивает огромную кружку морской воды. Воду он зачерпывает прямо у причала, и, очевидно, некоторые примеси, попадающие при этом в кружку, действительно поддерживают иммунитет китобоя против инфекции. Все же к полудню, когда острые глаза великого охотника на китов начинают слезиться от яркого солнечного света, целительный эффект океанской воды заметно ослабевает, и его приходится подкреплять стаканом красного вина.

„Халкон“ отваливает от причала. Вдогонку несутся советы и пожелания — насмешливые и грубоватые, но в общем дружеские. Судно берет курс на зюйд-вест. Ну, где тут киты?

Прошло три часа, пройдено тридцать миль. И вот Педро, стоящий в бочке, которую привязали к мачте, замечает кашалотов. Кашалоты спокойны, ибо в этих водах их никогда не тревожили. Педро машет рукой и кричит: „Кит-кит-кит-кит-кит!..“ От возбуждения он едва не вываливается из бочки.

Аксел бросает трос, который он срачивал, и бежит на бак. Там он срывает с пушки брезентовый чехол, снимает предохранитель, опускает со лба защитные очки и разворачивает пушку, проверяя ход хорошо смазанных механизмов. Глаза его слезятся, но ум ясен. Снова он — первоклассный охотник, лучший гарпунер Антарктики. Капитан покидает рубку и поднимается на мостик, откуда ему лучше видна жестикуляция Педро, возбужденно скачущего в своей бочке. Красный султан на черной вязаной шапочке Педро тоже скачет на фоне светлого неба, щеки Педро пылают загаром, борода черна — ни дать ни взять персонаж пиратского романа. Проходит двадцать минут, и „Халкон“ догоняет кашалотов; теперь уже и Аксел видит над волнами белые грибы пара — три, а может быть, и четыре. Аксел кричит капитану, что теперь он сам будет командовать, но внезапно забывает испанский: с языка его слетают выражения, понятные только норвежскому моряку. К счастью, капитан тоже видит китов. Киты уходят в глубину, но опыт рыбака помогает капитану угадать, где они всплывут.

Чу-уф! Это всплыл кит; он испуганно изгибается громадной черной дугой всего в двадцати метрах от „Халкона“. Гарпунер разворачивает пушку. Вот он начинает опускать дуло, прицеливаясь в спину кашалота, — но проклятое дуло

не опускается. Оно уперлось в тиковый фальшборт. Устанавливая пушку, моряки забыли, что ее придется нацеливать вниз, на кита, плывущего совсем рядом. Кашалот ныряет. Аксел раздражается проклятьями и, сунув в рот пораненные пальцы, опускается на крышку люка. Его сотрясает нервная дрожь. Кит ушел — целый и невредимый.

День тихий, на море штиль; „Халкон“ ложится в дрейф в двадцати милях от берега и мерно покачивается на волнах. Двое матросов, вооружившись пилами и топорами, отправляются на бак. Они выпиливают в фальшборте широкую дугу, чтобы дуло гарпунной пушки можно было опустить еще на десять градусов. Быстро сгущаются февральские сумерки. Матросы кончают работу уже при желтом свете фонарей.

Поднявшийся ночной бриз приносит с берега благоухание цветущих тропических деревьев. Экипаж спускается на камбуз и принимается за кофе с хлебом и жареными креветками. Беппо оказался прав и теперь радостно ухмыляется: значит, можно охотиться на китов с шумного дизельного судна! Завтра снова отправимся в погоню. Это еще веселее, чем казалось со стороны. Господи, помилуй! Ну и здоровые же твари, эти киты! Выдержит ли буксирный трос?

На палубе дремлет вахтенный матрос, которому поручено следить, чтобы судно не снесло к берегу. Матрос с удовольствием замечает, что на снасти возле ходового огня уселись буревестники. Буревестников он знает с детства; их называют здесь птицами святого Петра, потому что они ходят по воде.¹ Птицы жалобно попискивают. Их силуэты ритмично покачиваются на фоне неба. Ритм качки не всем приходится по вкусу — некоторые из новых пассажиров „Халкона“ срыгивают маслянистые куски лосося.

Аксел снял сапоги. Он лежит на койке, почти утонув в синем облаке густого табачного дыма. Ему очень хочется выпить, но он знает, что выпить нечего: ни одно уважающее себя рыболовное судно не берет в море алкогольные напитки.

Вскоре после восхода солнца „Халкон“ снова принимается искать китов. Все дальше и дальше идет судно по волнующемуся зеленому морю. Экипаж завтракает — плоды азиимины, маисовые лепешки, жареная рыба и черный кофе. В восемь часов снова раздается желанный крик с мачты: „Кит!“ Аксел сбрасывает рукавицы, сплевывает и с лихорадочным блеском в глазах хватается за пушку. Ноги его широко расставлены. Совсем близко прямо по носу блестит в волнах огромная голова кашалота — и громopodobный выстрел возвещает начало второй жизни старого гарпунера.

---

¹ Все буревестники редко садятся на землю и ходят по ней очень неуклюже. Зато на воде они держатся прекрасно. Однако перед взлетом они долго как бы „идут по воде“, пока их длинные крылья не наберут подъемную силу.— *Прим. ред.*

Облако едкого дыма обволакивает капитанский мостик. В воздухе на мгновение повисает массивный ливень — точно мост, возникший по мановению волшебной палочки.

Раздается второй взрыв, глухой и ужасный. Это в спине кашалота взорвался заряд гарпуна. Аксел оборачивается к мостику и традиционным победным жестом поднимает кверху два пальца. Остановись, мгновение! Аксел на вершине блаженства. Вся его последующая жизнь будет озарена блеском сегодняшнего триумфа.

К счастью для кашалота, заряд взорвался глубоко в мышечной ткани, в метре от сердца. Фонтан кита тотчас окрашивается кровью, а через пять минут голова его бессильно опускается. „Халкон“ приближается к туше. Матрос в выгоревших брюках и веревочных туфлях прыгает на скользкую спину убитого кашалота. В руке матроса шланг, соединенный с компрессором, на конце шланга — острый стальной наконечник, который теперь загоняется глубоко в тушу. Заработал компрессор. Капитан поворачивает вентиль, и черная туша кита начинает раздуваться. Когда она переворачивается брюхом кверху, шланг вытаскивают, а надутую, как подушка, тушу привязывают к борту и тащат к берегу, до которого пятьдесят миль.

Неудобный груз снижает скорость „Халкона“ до четырех узлов. Лишь в полночь судно наконец огибает мол. „Халкон“ входит в небольшую гавань, где он избавится от своей добычи — отбуксирует ее к причалу рыбоперерабатывающей базы. В рыболовный сезон здесь варятся в огромных котлах под давлением тысячи тонн сардин и кильки. Горячее месиво прогоняется сквозь канал, имеющий форму штопора. Из одного конца канала стекает жир, а из другого выходит пахучая коричневая рыбная мука, которая попадает прямо на бесконечную ленту транспортера и отправляется в упаковочный цех.

С окончанием сезона база закрылась — теперь на ней работает лишь один котел и один экстрактор, извлекающий из варева рыбий жир. Их обслуживает всего несколько человек. Они обрабатывают мясо добытых акул, скатов и других хищных рыб, а иногда и случайных дельфинов.

Управляющий базы выходит на причал посмотреть на кита. (На причале ждет также сотня мужчин и подростков и около сорока собак.) Управляющий говорил, что и пяти сентаво не поставит на экспедицию „Халкона“, но вот „Халкон“ гордо входит в гавань с темной тушей у борта. Сияют палубные огни. Судно причаливает и ждет рассвета.

Холодным утром начинается работа: на хвост туши наматывают стальную цепь, при помощи которой добычу втапливают по скользкой платформе прямо на разделочную палубу. Когда тушу вскрывают фленшерным ножом, из нее с такой силой вырываются гнилостные газы, что на белом борту „Халкона“ остаются коричневые пятна; придется эки-

пажу чистить борт. Хотя убитый кит пролежал в холодном море целые сутки, туша не успела остыть — от обнаженного мяса поднимается пар. Рабочий обвязывает стальным тросом нижнюю челюсть кита и поднимает рукавицу: „Давай!“ Челюсть медленно ползет вперед, с отвратительным скрипом и треском рвутся мышцы и сухожилия, трос натягивается до предела, лебедку останавливают, и рабочий взбирается на скользкую голову, чтобы отделить ее от туловища.

Дальнейшее — кровавое зрелище, которое заинтересует разве что мясника; упомянем, впрочем, об одном интересном факте. Когда брюхо китихи вспороли до конца и рабочий при помощи крюка и лебедки отделил кишечник от прочих внутренностей, управляющий был так поражен размерами кишечника, что решил кое-что выяснить. Этот человек наделен неутомимой любознательностью, он один из тех, кто всю жизнь продолжает исследовать мир; и вот он приказывает рабочему растянуть кишечник кита между двух вбитых в землю кольев, чтобы измерить его длину. Рабочий пожимает плечами и, найдя начало розовой кишки, отсекает ее и привязывает к колу. С удивлением следит он за движением бесконечной кишки; ее приходится много раз обернуть вокруг кольев, и когда все же появляется конец (по толщине он не уступает печной трубе), выясняется, что полная длина кишечника составляет четыреста метров. Рабочий докладывает об этом управляющему, но тот не верит — и проверяет сам. Оказывается — правда! Позже управляющему случилось прочесть книгу о китах, но он так и не выяснил, зачем кашалоту такой длинный кишечник. В книгах нет ответа на этот вопрос.

Об убитом ките прослышал американский торговый представитель в ближайшем городе. И вот он является на базу со странной просьбой: если в будущем удастся добыть других китов, нельзя ли заморозить их мясо и продать его американскому правительству? Сельскохозяйственное управление штата Флорида выращивает личинок падальных мух, которых кормят китовым мясом. Личинки падальной мухи представляют серьезную неприятность для скотоводов юго-востока США, так как они паразитируют на скоте и способны убить корову за каких-нибудь десять дней.¹ Когда из искусственно выведенных личинок развиваются мухи, их обрабатывают гамма-лучами, которые вызывают у мух бесплодие. Затем стерильных насекомых сбрасывают с самолетов на зараженные пастбища. Стерильные мухи спарива-

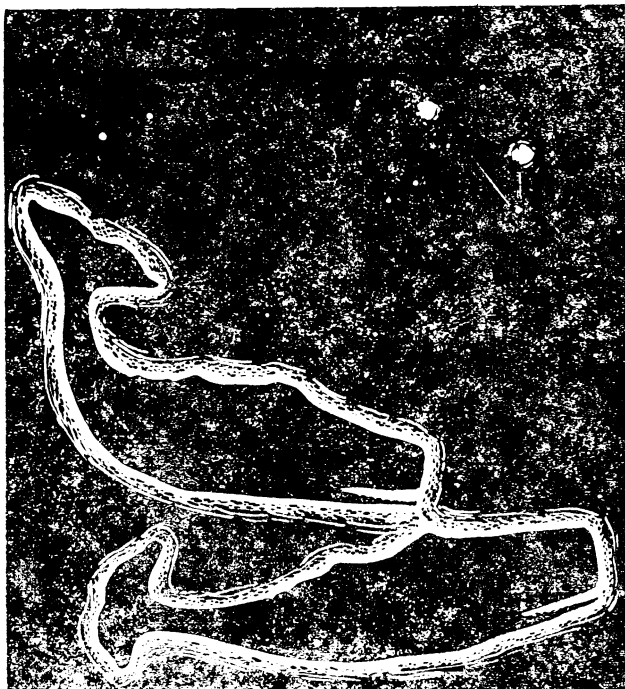
---

¹ Самки падальных мух обычно откладывают яйца на землю в местах скопления домашнего скота. Личинки, выдувливающиеся из яиц, активно внедряются под кожу животных. В тропических странах личинки некоторых видов этих мух нападают и на человека. — *Прим. ред.*

ваются со здоровыми насекомыми — но отложенные ими яйца остаются мертвы. Таким образом постепенно уменьшаются популяции этих вредителей, и со временем они будут полностью уничтожены — только тогда минует опасность, угрожающая скотоводству; но пока скотоводам требуются миллионы долларов для борьбы с насекомыми — и тонны китового мяса. *

Управляющий базы заинтригован. Он вызывает бригадира, и они обмениваются быстрыми репликами — точно строчат из пулеметов. Затем управляющий снова поворачивается к торговому представителю Соединенных Штатов. „К сожалению,— говорит управляющий,— наш китобойный промысел ненадежен. Да и климат здесь такой теплый, что мясо будет портиться, и ваши мухи не станут его есть. И морозильный цех тоже ненадежен — сегодня работает, а завтра встанет“. Торговому представителю все ясно; он благодарит своих собеседников и удаляется.

МАРТ

Какое-то беспокойство начинает овладевать китами — и самцами, и самками. Скоро оно охватывает все стадо, несколько сотен китов, среди которых и наш маленький кашалот и его мать. Меняется ритм жизни стада. Это не только реакция на изменившуюся погоду, на порывистые мартовские ветры, но и результат биологических процессов, протекающих в половых органах самцов и самок. Все взрослые киты ведут себя странно, совершают поступки, которые не были им свойственны в течение года. К маю семенники самцов настолько распухнут, что вес их достигнет двадцати пяти килограммов и больше, а объем — почти тридцати литров. Но и сейчас, в марте, семенники уже начали разбухать: в них размножаются и созревают сперматозоиды. Активируются и процессы в яичниках самок — зреют фолликулы, оформляется структура яйцеклеток.

Организм кита (как и всякого другого животного) функционирует по неким биологическим часам, и когда они пробивают положенный час, ткани тела кита определенным об-

разом перестраиваются; соответственно меняется и поведение животного. Удлиняется день, и ускоряются процессы, изменившие поведение спутников нашего героя. Солнце все раньше поднимается над горизонтом и все позже садится, и это вызывает определенную реакцию в мозге кита: железа размером всего с дикое яблоко начинает выделять в кровь некий химический компонент, который проникает во все ткани тела, в том числе и в половые органы. Киты готовятся к сложным величественным ритуалам сезона размножения. Китовое племя должно обеспечить прирост поголовья.

(Для эскимосов каменного века, рядом с которыми довелось жить бок о бок Вильялмуру Стефансону и Петеру Фрейхену, появление солнца после четырех месяцев полярной ночи служило сигналом к возобновлению активной половой жизни. Впрочем, у китов эта жизнь протекает иначе, чем у людей: половые „излишества“ среди китов не наблюдаются.)

И вот стадо начинает распадаться на группы. Самцы-подростки, которым около десяти лет, а также взрослые самцы отделяются от стада и, прибавив ходу, движутся на север. Ведут эту группу молодые самцы; старшие отстают, занятые постоянными сражениями. Маленький кашалот постепенно привыкает к подводным звукам ссор и стычек, к бурному, хриплому дыханию сражающихся самцов. Чаще всего эти сражения — не более чем демонстрация храбрости и решительности: кровь редко окрашивает воду, и кости почти всегда остаются целы.

Самки тоже ощущают перемены, которые принес с собой март; они замечают, что подводные разговоры самцов становятся все громче и резче, а движения — все мощнее и энергичнее. Некоторые самки чувствуют также и растущее беспокойство. Они тоже идут к северу, в воды, омывающие берега южной Калифорнии. Каким-то таинственным образом самки узнают, когда и куда им следует прибыть.

Наш кашалот часто играл с другим детенышем, его ровесником — маленькой китихой. Но теперь ее странное поведение озадачивает его. Что случилось? Начав играть с ним, она вдруг подплывает к его матери и сердито толкает ее в брюхо, ищет сосок. Она даже успевает сделать несколько глотков молока, прежде чем мать нашего героя отгоняет ее ударом плавника.

Эта худая и печальная маленькая китиха осиротела — три недели назад ее мать погибла в море. Теперь сирота умирает от обезвоживания, хотя кругом нее вода. Природное чувство законности и справедливости, обратное тому, что мы, люди, называем состраданием, говорит матери нашего героя, что выживание вида — вещь более важная, чем выживание отдельного животного. Китиха знает своего детеныша и кормит его положенный срок; чужого китенка она кормить не станет. Таков закон. Сирота обречена.

На Вашингтонской конференции по китообразным одно из заседаний было посвящено охране этих животных.* Делегаты обсуждали примерно следующие вопросы. Для чего пытаться понять жизнь китов — их странные привычки и обычаи, строение их диковинных, одетых жиром тел? Для чего изучать животных, которые скоро исчезнут с лица земли? С какой стати ломать голову над проблемами, которые сами собой будут решены в ходе неумолимого прогресса? Стоит ли оплакивать современников нашего технического века, которые не сумели к нему приспособиться? Самое главное, чтобы развивался человек, — какое нам дело до китов, до тюленей, до крошечных птиц, которых уже почти не осталось на земле?

Открывая дискуссию, Нозль Саймон, представитель Международного союза охраны природы, сказал: «В последние годы все больше ощущается необходимость создания очагов дикой природы. Занявшись проблемами, связанными с судьбой рода человеческого, мы стали несколько более внимательны к судьбе животных, с которыми делим планету. Кроме того, мы, кажется, начали понимать, что нельзя только брать „проценты“ пользы, красоты и удовольствий с доставшегося нам в наследство „капитала“ природы; надо позаботиться и о том, чтобы „капитал“, обеспечивающий эти проценты, был в целости и сохранности передан будущим поколениям».

Советский биолог М. Н. Тарасевич обратила внимание коллег на некоторые последствия современного китобойного промысла и, в частности, сказала, что „вследствие уменьшения поголовья китов... северные промысловые районы теряют всякую практическую ценность“.

Джон Уолш, сотрудник журнала „Сайенс“, сказал: „Трофеи охоты на китов настолько малочисленны, что продолжать пелагический китобойный промысел уже убыточно. Существует мнение, что самого крупного из китообразных — синего кита уже попросту поздно спасать“.¹ (Когда поголовье какой-то популяции уменьшается до определенного уровня, число самцов и самок, которым удается найти друг друга для спаривания, оказывается таким низким, что смертность превышает рождаемость — и вид обречен.) „И охрана природы, и экономические соображения дальнего прицела требуют, чтобы мы уменьшили добычу, ибо только так можно обеспечить устойчивый промысел в будущем. Однако простой логики и сочувствия к животным тут недостаточно: необходим закон, который можно было бы применять на практике“.

¹ В настоящее время промысел на многие виды китов, в том числе и на синего кита, запрещен Международной комиссией по китобойному промыслу. Синий кит, а также другие виды китов, которые находятся под угрозой исчезновения, включен в международную „Красную книгу“. — *Прим. ред.*

Голландский анатом И. Дж. Слийпер напомнил собравшимся, что название китобойного судна, на котором сто лет назад отправился в море изобретатель Свенд Фойн, означало в переводе „Надежда и уверенность“. Тогда это название звучало символически, однако изобретение Фойна — гарпун, начиненный взрывчаткой, — оказалось настолько эффективным, что теперь „надежда“ — единственное, что осталось нам, наследникам Свенда Фойна.

Мак Лейнг, сотрудник ООН, заявил: „Для того чтобы спасти от уничтожения громадные ресурсы животного мира планеты — и в частности сохранить китобойный промысел, имеющий такую богатую историю, — необходимы совместные усилия многих стран, объединенных общими задачами“.

Я закрываю отчеты конференции и поднимаю глаза на картину, висящую на стене. Это гравюра, сделанная во времена Шекспира. На ней изображен кашалот — выброшенный на берег и умирающий невдалеке от английского замка.

Искусство примитивного толка всегда стремилось запечатлеть странные, необъяснимые, чудесные и зловещие события. Я представляю себе, как в 1612 году художника вызвали из города на берег, чтобы он увековечил чудовище, явившееся ночью с приливом и теперь подыхающее на берегу.

Я вижу на гравюре человека, который стоит рядом со своей женой и указывает на кита палкой. Какие-то люди подходят к киту с ножами и корытами, радуясь своему счастью — ведь господь послал им настоящее сокровище, гору жира и годной для поделок кости. Вокруг туши носятся собаки, некоторые из них кувыркаются в воздухе — вот в какой восторг привел их запах крови, жира и отбросов.

Три с половиной столетия спустя на низменный берег Северного моря вынесло штормом другого злосчастного кашалота*; дамба помешала ему вернуться в море, и, никем не замеченный, кашалот умер на польдере. Тушу его обнаружил мальчик, потом на берег пришел какой-то мужчина, за ним явились еще люди; наконец, прибыл ученый из музея. Кита оттащили к причалу и подняли на стальных тросах, чтобы выяснить, сколько он весит. Тяжело покачивался подвешенный мертвый кашалот. Пасть его застыла в ухмылке. Двухметровый половой член, странно изогнутый и неприятно серый, в последний раз показался из складки на брюхе. Собравшаяся толпа поражалась размерам кашалота. Люди разговаривали вполголоса, подавленные непостижимыми размерами туши.

Пятьдесят семь тонн! Под стенания стальных тросов и скрежет паровых лебедок туша медленно опустилась на причал. „Поберегись! Как бы не сорвался!“ Последним на бревна причала опустился широкий черный хвост. Толпа облегченно вздохнула, гордая успешно проведенной операцией.

Следуя за ветрами, морскими течениями и стаями рыб, кашалоты пришли сегодня к западному побережью бесплодного, каменистого острова Гуадалупа, который находится в ста пятидесяти милях от Байя Калифорнии — унылого, но поразительно красивого района Мексики.

Мне снова видится этот крошечный остров, на котором я высадился однажды, чтобы посмотреть на последнего из гуадалупских морских котиков.¹ На сухом, раскаленном берегу, мрачном, как ад, еще сохранились каменные кладки — стены квадратных и круглых хижин, которые строили здесь китобои в девятнадцатом веке (крыши, очевидно, делали из парусины, натягивая ее над каменными стенами и оставляя открытыми дыры-отдушины). На серых вулканических скалах выбиты названия судов и имена; иные из надписей демонстрируют изящество старинной каллиграфии. Самый старый автограф, который мне удалось найти, гласил: „Судно Эссекс... Хенри Уолдбон... Бристоль... 1835“.

Почти полтора века прошло с тех пор... Меня окружают призрачные фигуры бородатых мужчин в грубой, пропитанной потом и солью одежде. Я слышу их разговор; без всякого уважения отзываются они о капитане: „Этот сукин сын готов уложить нас спать прямо на камни!“ Моряки во все времена были народом непочтительным и грубым.

Похвастать острову нечем — кроме истории и тюленей, конечно. Родился он в огне вулкана, поднявшего со дна острые скалы и залившего их языками раскаленной лавы; на тысячу триста метров возвышается остров над уровнем моря. Самые высокие скалы Гуадалупы расположены в северной части острова; вершины их часто скрываются в облаках, и тогда по каменистому склону течет в океан ручеек пресной воды.

Живут на острове козы, кошки и мыши — вот и весь перечень его обитателей. Предков этих домашних животных привезли сюда люди; животные одичали и ведут непрерывную борьбу за существование на острых, почти лишенных растительности скалах. Голодная коза медленно, чуть не ползком продвигается по истрескавшемуся уступу к последнему зеленому стеблю — и, внезапно сорвавшись, разбива-

---

¹ Упоминание автором острова Гуадалупа интересно тем, что этот остров — северная граница обитания южных морских котиков, распространенных в южном полушарии от тропиков до Антарктики. Более ста лет назад гуадалупский котик занимал обширный ареал от Калифорнии до берегов Чили; был почти полностью истреблен. Более двадцати лет назад на острове была вновь обнаружена небольшая колония, которую взяли под охрану как вид, находящийся на грани полного исчезновения. Гуадалупский котик включен в международную „Красную книгу“. — *Прим. ред.*

ется о камни. Кости этой козы лежат на берегу среди прочих костей (некоторые из них принесло сюда море). Расположение костей и скелетов кажется мне любопытным, и я их фотографирую. В эту минуту я не думаю о том, какую глупость и жестокость совершили люди, оставившие непригодных животных на этом бесплодном острове.

Крошечная мумия домового мыши темнеет на колючке кактуса: несчастное животное пыталось добраться до сочной зелени. (В книге Питера Кроукрофта, директора Брукфилдского зоопарка в Чикаго, сказано: „Мне кажется до ужаса понятным униженное положение мыши в нашем мире“.) Вокруг расщелин, в которых буревестники часто пытаются вить гнезда, я вижу высохшие, выбеленные солнцем и ветром катышки — помет охотившихся здесь кошек.

Если бы не тюлени и не пресный ручей, „Эссекс“ никогда не бросил бы якорь у берега сухого, раскаленного, зловонного острова Гуадалупа.

К вечеру маленького кашалота, плавающего в двух милях от острова, окружает многоголосый гвалт дельфинов. Здесь случайно встретились восемь разных видов китообразных — сотни и сотни животных. Одни дельфины собрались в крупные стада, потому что у них сейчас сезон спаривания, другие попросту проплывали мимо острова небольшими группами и задержались здесь, чтобы поохотиться. На площади всего в одну милю кружатся, встречаясь и расходясь, тысячи две черно-белых тел животных. Они прочесывают верхние слои воды; с наступлением сумерек к поверхности поднялись целые тучи розового планктона, а вместе с планктоном и многочисленные стаи рыб. В марте редко выпадает такой тихий, спокойный вечер. Море сверкает и искрится от плывущих у самой поверхности животных и рыб.

Сезонное, запланированное природой половое возбуждение дельфинов усиливается оттого, что животных собралось здесь так много; оно заставит некоторых самцов спариться с самками других, хотя и близких, видов, и на будущий год на свет появятся маленькие дельфины-гибриды, которые когда-нибудь озадачат японского биолога, обнаружившего их странные туши в своих сетях.

Среди гвалта, поднятого дельфинами, наш маленький герой с трудом различает голоса других кашалотов. Дельфины не перестают издавать звуки — даже в движении, даже на большой скорости, даже во время погони за рыбой они непрерывно „разговаривают“. Их голоса известны маленькому кашалоту, но никогда прежде он не слышал такого гомона. Внезапно китенок различает щелчок выстрела и грохот взрыва, которому вторит эхо, отраженное облаками планктона.

По берегу с востока на запад проносятся ревущие мотоциклы. Потом неумолчный подводный шум перекрывают

какие-то печальные подвывания, стоны, мычание — такое можно услышать, когда подходишь к встревоженному стаду коров.

У кашалотов свой собственный маршрут, и к полуночи, оставив шум и гвалт дельфинов далеко позади, они перемещаются в более тихие воды. Киты поедают попадающуюся им на пути хамсу, сардин, светящихся анчоусов; все эти рыбы входят в основной рацион дельфинов, но для китов представляют лишь второстепенный интерес.

К рассвету тридцать первого марта густая пелена над морем начинает светлеть и рассеиваться. Мир разделяется на три слоя: черные волны, белый туман и серое небо. Изящные кулики взлетают и опускаются на океанских волнах, негромким пением приветствуя новый день.

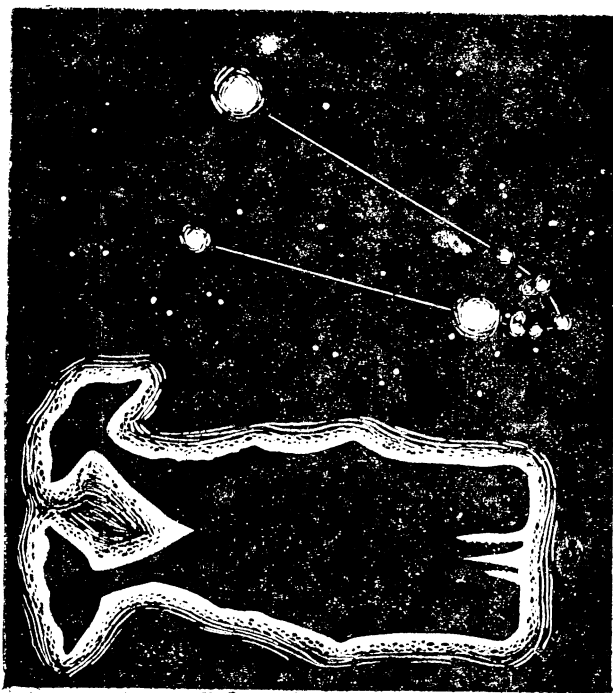
Один из кашалотов замечает багровый отсвет на горизонте — но не в восточной его части, не там, где должно взойти солнце. Полагая, что свет означает присутствие пищи, он меняет курс и успевает проплыть около мили, прежде чем ветер доносит до него запах зловонного дыма. Кашалот испуганно фыркает и поворачивает назад.

Четырехметровые валы играют горящим „Шоку Мару“. * Это рефрижераторное судно; на борту его нет ни одного человека. Еще накануне, убедившись, что справиться с пожаром невозможно, моряки спустили на воду спасательные плоты и, помолвившись, доверились волнам и ветру, которые понесли плоты на запад. Есть надежда, что американский береговой патруль подберет их. Моряки открывают деревянные ящики с соленой рыбой, сушеными водорослями и рисом. Они рассчитывают, что помощь подоспеет скоро, — ведь прежде чем капитан отдал приказ покинуть судно, радист „Шоку Мару“ на весь мир объявил об их несчастье. Не прошло и десятой доли секунды, как радиостанции в самых дальних уголках земного шара приняли сигнал бедствия.

Касуо Фуджима разворачивает кусок полотна и достает лесу с тройными крючками для ловли трески. Он насаживает на крючки кусочки соленой рыбы и забрасывает лесу. Наживка повисает в семидесяти метрах под поверхностью моря. Через час Фуджима-сан поднимает крючки; они пусты. Моряки молчат. Гибель корабля так же трагична, как гибель любимой женщины.

Временами серая пенная волна обрушивается на палубу горящего судна и проникает в его огненную сердцевину; тогда над „Шоку Мару“ взлетает красный фонтан воды и пара. Приглушенный взрыв — и снова высоко в умирающую ночь вздымается водяной столб. Пройдет час, с громким треском разойдутся металлические швы, корабль уйдет в эдский водоворот огня и грохота — и его черные останки найдут успокоение на океанском дне.

АПРЕЛЬ

Семья маленького кашалота пасется в районе тридцатой параллели, к северо-западу от острова Гуадалупа и к югу от калифорнийских островов Чаннел. Девятьсот миль отделяют китов от того района, где в начале января сражались самцы; в действительности киты — и старые, и молодые — прошли гораздо больший путь, так как двигались они не по прямой. Теперь они присоединились к такому большому стаду, что с корабля кажется, будто белые фонтаны пара покрывают весь горизонт на западе.

Небо на севере темнеет. День клонится к вечеру. С минуты два самца плывут рядом, затем тот, у которого на спине белеет круглое пятно размером с тарелку (шрам от старой раны), замечает самку и сворачивает за ней. Несколько часов самец и самка плывут бок о бок, иногда он касается плавником ее плавника, или задевает ее хвостом, или прижимается к ней боком. Оба молчат. Ни самец, ни самка не охотятся. Они не ныряют, но подолгу остаются под водой. Наконец самец поднимается чуть выше самки и осто-

рожно прижимается к ее спине. Потом отстает и минут пять идет следом за ней. Нет сомнений в том, что именно самец является активной стороной. Вот он набирает скорость и на ходу прижимается к брюху самки, затем обгоняет ее и переворачивается, показывая ей брюхо, затем опять спину. Потом пронесится перед китихой, расставив плавники в стороны,— принимает необычные позы, стараясь привлечь внимание самки. Темп его танца убыстряется. Самка отзывается на ухаживания самца: она переворачивается вверх брюхом, и самец проплывает над ней, прижимаясь к ее возбужденному телу. Затем киты вновь плывут бок о бок; самец хватается самку за челюсть. Они трутся головами, щелкают челюстями, сталкиваются лбами. Это продолжается в течение получаса.

В северной части небосклона растет черная туча, и на горизонте небо уже сливается с морем в пелене дождя.

Наконец киты вертикально всплывают к поверхности. Их черные головы заслоняют потемневшее небо. Прижавшись брюхом к брюху, киты касаются друг друга плавниками; с их теплых чистых боков стекает вода. Несколько секунд продолжается соитие, затем оба с оглушительным плеском погружаются в воду.

Стадо не стоит на месте — оно перемещается то к северу, то к северо-западу, его средняя скорость составляет около трех узлов; примерно с такой скоростью идет пешеход. Еще несколько дней — и в движениях каждого кита будет отчетливо заметно сезонное возбуждение. Всплывает самец — дыхало его расширяется и конвульсивно сжимается, глаз словно подмигивает, мышцы под слоем жира вдруг собирают кожу в неожиданные складки. А наш маленький кашалот спокойно сосет молоко, и его мать настороженно держится в стороне от возбужденных самцов.

Среди ветра и дождя совокупляется еще одна пара китов, на этот раз — в горизонтальном положении.

Налетает шторм, и стадо скрывается в сплошной пелене воды.

Возникает вопрос, быть может, Левиафану... долго не выстоять против такой широкой облавы и такого беспощадного уничтожения; быть может, он будет в конце концов полностью истреблен по всем морям и океанам, и последний кит, как и последний человек, выкурит последнюю трубку и сам испарится с ее последним дымком?

Герман Мелвилл

У китобойного промысла обширная и сложная история. В ней то и дело натыкаешься на споры о проблеме собственности. Кому принадлежат киты? Что означает „свободная охо-

та“ в океане? Речь ведь идет о промысле, который приносит сто пятьдесят миллионов долларов в год.

Пионерами китобойного промысла были первобытные охотники, вооруженные весьма примитивным оружием; а последними охотниками на китов станут, вероятно, наши современники, вооруженные такой жестокой и такой сложной техникой, что для работы с ней потребуются специальное образование. Первые китобойи преследовали китов, вооружившись копьями с костяными или каменными наконечниками. Эти примитивные гарпуны прикрепляли к поплавкам, изготовленным из дерева или шкур. Лишь после многодневной борьбы, которая вконец изматывала кита, охотники отваживались приблизиться к нему, чтобы нанести последний, смертельный удар. Однажды какой-то охотник, не удосужившийся привести в порядок свой гарпун после очередной охоты, случайно заметил, что кусок гнилого мяса, приставший к наконечнику, служит чем-то вроде талисмана — ускоряет смерть очередной жертвы. Нам с вами известно, что такое заражение крови, но охотник, который впервые обнаружил магическое действие отравленного гарпуна, не знал о сепсисе и лишь по чистой случайности сделался первым шаманом китобойного промысла.

Некоторые из китобоев северных племен, вероятно, умели убивать китов при помощи ядов, приготовленных из ядовитых растений. Первым экспериментом такого рода были, очевидно, попытки отравления мелких рыб в прибрежных заводях. Начало применения яда для целей охоты уходит в седую древность.

Японцы, всегда державшие первенство по части использования морских богатств, умели плести особые сети, столь прочные, что с их помощью ловили даже крупных китов.

Нетрудно представить себе, как наши нецивилизованные предки распоряжались свежей — или не очень свежей — тушей убитого кита. Мясо они ели. Жир разливали в чаны и котлы — он шел для освещения и обогрева стойбищ и жилищ. Кости шли на изготовление инструментов и орудий, а также посуды. Сухожилия заменяли нитки.

Каждое новое усовершенствование китобойного судна и китобойного гарпуна позволяло охотникам уходить все дальше от берегов. В шестидесятых годах девятнадцатого века придумали наконец начинать гарпун взрывчаткой. Это изобретение Свенда Фойна возвестило начало нового, последнего века китобойного промысла. Фойн получил патент на свой разрывной снаряд накануне рождества; в тот день он записал в своем дневнике: „Благодарю тебя, Господи. Ты и только Ты совершил это“.

Надеюсь, что памятника Фойну не поставят, но вполне понимаю людей, которые с чистой совестью воздавали почести человеку, обогатившему Норвегию — пусть даже и ценой величайшей катастрофы для китов.

Американцы убили первого кашалота в 1712 году, когда китобойное судно из Новой Англии, охотившееся в прибреж-

ных водах на настоящего гладкого кита, унесло штормом в открытое море. Своего расцвета американский китобойный флот достиг в 1846 году: в него входило тогда семьсот тридцать пять судов — шлюпов, шхун, бригов, барков и прочих. Некогда Соединенные Штаты Америки гордились своим китобойным флотом — теперь у них осталась только одна база по переработке китов в Калифорнии.

В начале девятнадцатого века важнейшими продуктами китобойного промысла были жир и китовый ус. Когда в 1859 году из первой нефтяной скважины в Пенсильвании забила нефть, это был сокрушительный удар по торговле китовым жиром: жир перестали считать лучшим средством для освещения жилищ. Китовый ус (который в 1897 году шел по пять тысяч долларов за тонну, потому что из него делали корсеты) в двадцатом веке заменили пластиком. Однако и сегодня кости, внутренности и прочие продукты охоты на китов находят широкое применение, а мясо по-прежнему идет в пищу; в Японии его ежегодное потребление составляет более ста тысяч тонн.

В 1904 году Кристиан Ларсен основал китобойную станцию на острове Южная Георгия — и началось великое опустошение Антарктики: промысел, развернувшийся в южных полярных водах, унес больше миллиона китов. В 1923 году китобойный промысел окончательно избавился от необходимости опираться на береговые базы: теперь китобои в основном охотятся с плавучих заводов, которым приданы различные вспомогательные суда. Такие китобойные флотилии месяцами бороздят международные воды, не заходя в порты. Весь охотничий сезон днем и ночью китобойцы убивают китов и доставляют их туши на плавучие заводы для переработки. По последним доступным мне сведениям, в настоящее время насчитывается более двухсот пятидесяти таких специальных судов.

Человек не устает искать более легких и дешевых способов убийства китов: он пытался травить их стрихнином, цианистыми препаратами и кураре, пробовал убивать их электрическим током; он ищет их в океане со специальных самолетов и вертолетов, связанных по радио с китобойцами. Китобойцы оснащены теперь специальной системой локаторов, которые позволяют обнаруживать китов даже ночью, в полной темноте. Специальная установка, так называемый „китопугач“, изматывает китов, обращая их в паническое бегство с помощью ультразвуковых излучений, — а с утомленными китами легче расправиться. Как будет дальше развиваться подобная человеческая техника? Может быть, для поисков последнего кита нам придется использовать космическую технику? Или мы попытаемся привлечь его, прокручивая под водой пленку, на которой записан зов кита, ищущего свою подругу, или плач китенка, зовущего мать?

Надеюсь, меня не поймут превратно. Я приветствую всякое изобретение, позволяющее убивать дешевле, гигиеничнее и гуманнее. Но если мы станем применять новые изобретения без-

ответственно и бесконтрольно, будущие поколения с полным правом осудят нас за то, что мы уничтожили величайшее из существ, когда-либо живших на Земле.

Последняя на Земле стеллерова корова погибла всего через двадцать семь лет после открытия Командорских островов. Ее забил дубинками в мелководном заливе Берингова моря. Это животное, весившее более четырех тонн, было последним представителем одного из трех видов единственного отряда морских млекопитающих, который питается морскими водорослями. Мы никогда не узнаем многих тайн устройства организма этого животного. Что помогало морской корове переносить чрезвычайно холодные зимы? Какие механизмы помогали ей справляться с высокой концентрацией солей в пище? Как она оборонялась от своих врагов? Мы не узнаем и о многих других особенностях строения и поведения этого животного, — а ведь лишившись возможности исследовать организм стеллеровой коровы, мы закрыли себе еще один путь к пониманию процессов, протекающих и в организме человека.

Все виды животных, а в особенности высокоспециализированные животные, являют собой сокровищницу знаний, из которой человек черпает разгадки различных тайн. Сама по себе сложность организма животного есть залог его величайшей ценности для человечества. Ни одна научная лаборатория, какими бы средствами она ни располагала, не сумеет сконструировать и изготовить даже волоска с морды морской коровы.

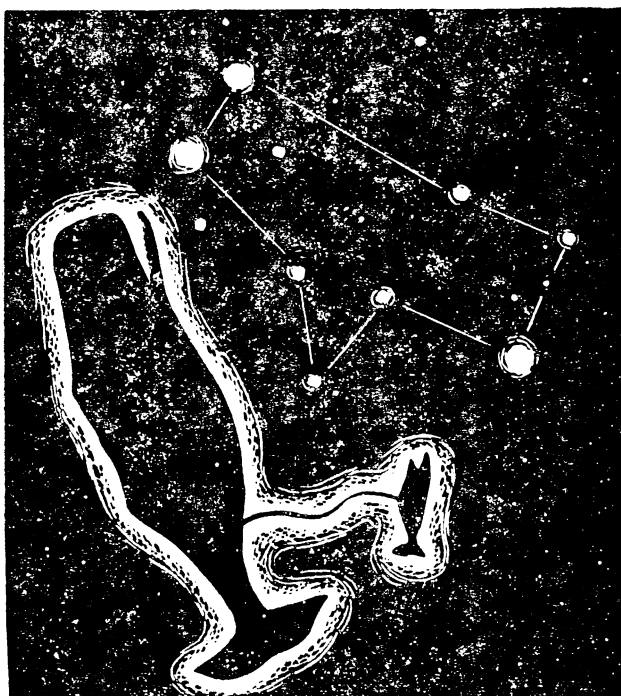
Если же относиться к китам не как к уникальным живым организмам, а просто как к резервуарам жира и запасам белков, то, разумеется, можно обойтись и без китов. Перебьем всех китов и будем есть планктон, который составляет основу пищевой пирамиды океана. Вместо каждого килограмма китового мяса будем добывать в море тонну микроскопических растений; пускай морское сено станет нашей пищей! Только учтите, что вкус у нее будет соответствующий, да и собирать ее из моря будет недешево: сено не вытащишь на палубу в виде компактной, прекрасно упакованной, готовой к употреблению пятидесятитонной китовой туши.

За тридцать лет мировая популяция синих китов уменьшилась *в сто раз* — до одной тысячи голов. С точки зрения китобойного промысла, этого вида кита уже не существует на Земле. Не только полосатики, но и многие другие виды китов подвергались хищнической добыче в начале шестидесятых годов нашего века — и в северном, и в южном полушариях. Сейчас в северных водах Мирового океана четыре вида китов образных вымирают быстрее, чем размножаются: синий кит, горбач, финвал и кашалот. В наши дни только три страны все еще занимаются пелагическим китобойным промыслом, причем прибыльность этого промысла вызывает большое сомнение. Средний размер добываемых китов все время идет на убыль; поэтому приходится убивать все больше китов. Количество китов, добываемых в среднем за один день промысла, так-

же неуклонно уменьшается, и этот факт еще раз подтверждает то, что нам прекрасно известно: киты исчезают из Мирового океана. Ежегодная добыча китов в Антарктике до сих пор составляла около пятнадцати тысяч голов. Для того чтобы предотвратить полное истребление китов, эту добычу на много лет придется ограничить двумя тысячами голов в год.

Только международные соглашения и международный контроль могут спасти китов от трагической гибели. Однако мы слишком ревнивы и подозрительны, а крупные страны к тому же руководствуются прежде всего военными и экономическими соображениями. Еще в 1963 году было решено установить международный контроль над китобойным промыслом, однако правительства, подписавшие соответствующее соглашение, чрезвычайно неохотно его исполняют.

Надежду — правда, довольно слабую — обещает предложение, сделанное в 1966 году Джоном Галландом из Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО). По плану Галланда, судьбой китов должна заняться Организация Объединенных Наций, точнее, Международная китобойная комиссия. Деятельность этой комиссии будет проводиться по трем линиям — лимиты и квота добычи китов каждого вида; ограничение годовой добычи для каждой страны; и проверка соблюдения этих ограничений. Размеры предельно допустимой квоты будут зависеть от результатов биологических исследований, а успех этого плана — от нашей доброй воли, нашего здравого смысла и уважения к Жизни*... Готовы ли мы следовать плану Галланда?

Маленькому кашалоту исполнилось восемь месяцев. Человеческое дитя в этом возрасте уже начинает подниматься на ноги и стоит, держась за стул или ухватившись за материнский подол. По сравнению с человеческим детенышем наш герой — уже почти самостоятельное существо: если его мать сейчас внезапно исчезнет, он, вероятно, все же выживет.

Китенок и его мать охотятся в четырехстах милях от Сан-Франциско. Дальше на север они в этом году не поплывут; их спутники и спутницы направились в сторону Берингова моря и уже исчезли за горизонтом, но самки, у которых сейчас период течки, тоже остались здесь. Стадо теперь совсем не то, каким его застал китенок при своем рождении, и оно продолжает распадаться. Киты, которые по возрасту и детородному циклу готовы к спариванию, заняты любовными делами; распад стада объясняется тем, что разные группы китов плывут с разной скоростью.

День тих и спокоен. В голубом небе висит легкая дымка, море залито мягким светом. Нежный бриз поглаживает вол-

ны. Кое-где поверхность воды вдруг рассыпается серебристыми иглами — это взлетают стаи сайр, миллионы рыбок длиной двадцать — двадцать пять сантиметров. Бока сайры сияют радужным блеском, спинки отливают металлической синевой. Маленький кашалот, его мать, семь других самок и два самца (хозяин гарема и молодой кит) лениво следуют за рыбой, на ходу глотая сотни и тысячи сайр. Днем, когда стаи по неизвестным нам причинам опускаются на глубину, взрослые киты уходят за ними; ночью рыбки снова всплывают, и молодые киты преследуют их серебристые стаи. Даже маленький кашалот, все еще питающийся материнским молоком, глотает жирных, вкусных рыбок.

Утром, в девять часов сорок три минуты, на востоке появляется самолет, летящий низко над морем. Это „Утренний клипер“*, совершающий рейс из Сан-Франциско в Гонолулу; по синему небосводу тянется за самолетом белая, как мел, линия.

В ту же минуту, в девять сорок три, одна из спутниц нашего героя внезапно издает тревожный сигнал.

В течение последних недель маленький кашалот не раз замечал, что две взрослые самки, давние члены семьи, держатся немного в стороне от других. У обеих самок — у одной сильнее, чем у другой, — чрезвычайно округлились тела. Одна из них, более крупная, уже упоминалась в нашей истории; это молодая самка с обломком меча в мышечной ткани. Она впервые в жизни собирается рожать, но с ней что-то неладно. По обе стороны нижней части ее брюха ясно вырисовываются распухшие молочные железы — точно овальные подушки полутораметровой длины. Пупок китихи раздулся и напоминает белый шар размером с кулак. Китиха беспокойна, раздражительна, неуклюжа. Она резко изгибает хвост под прямым углом к туловищу, затем так же резко распрямляет его. Временами мелькает розовой полосой ее половая щель. Видно, как колыхнется брюхо китихи, — это китенок ворочается в ее чреве.

Когда китиха сбавляет скорость и, поднявшись к поверхности, принимается сгибать и выпрямлять туловище, к ней приближаются четыре кита, которые тоже чувствуют беспокойство, древнее, как жизнь. Молодой самец, удивленный, а может быть, и раздраженный странным поведением этой самки, грубо бьет ее головой в левый бок, и она наносит ему в ответ сокрушительный удар хвостом. Киты кружат вокруг самки, посылая в воду ультразвуковые сигналы. Звучит также и пронзительный гул — киты весьма редко издают этот звук; источником его служит дыхало, из которого вырывается струя воздушных пузырьков, а частота этого звука такова, что его слышит и человеческое ухо. Молодая роженица тяжело дышит.

В девять часов пятьдесят три минуты из половой щели роженицы на мгновение появляются серые сложенные ло-

пасти хвоста китенка — и снова исчезают. Затем они опять медленно вылезают наружу. Роженица извивается, насколько ей позволит форма тела, и конвульсивно дергается. Вот уже появилась и вся задняя часть туловища белесо-серого младенца — до грудных плавников (именно в этом месте китенок толще всего — взрослый мужчина с трудом мог бы охватить его обеими руками). Плавники новорожденного застряли; роды приостановились. Уже видно, что младенец — самец.

Проходят минуты. Мать дергается и извивается, китенок тоже извивается, однако с каждой минутой все слабее. Оба поднимаются и опускаются на невысоких волнах. В десять часов сорок шесть минут мать, оставаясь под самой поверхностью моря, содрогается от мощной родовой схватки и делает резкий выдох. Торчащий хвост младенца скрывается в розовом облаке, еще мгновение — и китенок на свободе; он энергично плывет. Мать разворачивается. Натягивается и рвется пуповина — возле живота матери. Не прошло и минуты — а китенок уже на поверхности. Он пытается дышать. Снова сокращаются брюшные мышцы китихи; извергнута плацента. Китиха не обращает на нее внимания. (Наземные млекопитающие часто поедают плаценту. Считается, что они делают это для того, чтобы уничтожить источник сильного запаха, который может привлечь к гнезду или берлоге хищников, а также для того, чтобы питательными веществами плаценты в какой-то мере возместить затраты энергии за время беременности.) В течение часа у роженицы продолжается кровотечение.

Волнуется поверхность океана, кружат по ней черные тени китов. Роды в волнах привлекли десятка два буревестников; это передовой отряд миллионов буревестников, летящих теперь на север после гнездового сезона в Бассовом проливе и на Магеллановых островах.¹ Тугие черные крылья лихо рассекают воздух всего в нескольких сантиметрах над водой; птицы кружат над китами, но не найдя поживы, снова поворачивают к северу, к местам своих рандеву на морских пастбищах Аляски. Скоро маленький кашалот будет ежедневно видеть тысячи буревестников, пролетающих над его охотничьими угодьями.

Роды китихи продолжались час и три минуты. Хотя ее детеныш родился в самом начале сезона и роды были довольно затяжными, он производит впечатление нормально здорового китенка. Сейчас он плывет под хвостом мате-

¹ Эти тонкоклювые буревестники гнездятся в южном полушарии на пустынных островах между Австралией и Тасманией. Зимуют же — в противоположность подавляющему большинству птиц — на нашем севере, где в это время стоит лето, в районах Чукоцкого и Берингова морей. Пролетный путь тонкоклювых буревестников составляет восемь — девять тысяч километров. На такой перелет они тратят около месяца. — *Прим. ред.*

ри и слепо ищет сосок. Мать то и дело осторожно трогает сына своим чувствительным грудным плавником, но не делает никаких попыток помочь ему найти источник теплого молока. Его правый грудной плавник все еще не вполне расправился после долгого плена; китенок плывет неровно. Когда его относит в сторону, в голубые сумерки океана, мать быстро приближается к сыну и осторожно подталкивает его. Китиха преобразилась, она легка, подвижна — еще бы, ведь она похудела на целую тонну! Только вечером, когда очертания плывущей рядом матери уже начинают расплываться в темноте, китенок находит на ее брюхе то место, на котором в течение двух лет будет почти постоянно сосредоточено его внимание.

Однажды во время посещения китобойного судна я приобрел редкий образец — зародыш кашалота длиной всего десять сантиметров. Я поместил его в ящик со льдом и отвез на берег в свою гостиницу. Купив водки и лосьона для бритья, я смешал их в раковине, выпотрошил зародыш и оставил его на ночь в благоухающем растворе. Забальзамированный таким образом образец я позднее исследовал в своей лаборатории.

Формой тела зародыш мало походил на взрослого кита. Он казался комком глины, которой едва коснулась рука скульптора. Голова взрослого кашалота составляет одну треть длины его тела; голова зародыша составляла лишь четверть его длины. Тело зародыша сужалось к хвосту, как тело дельфина; вероятно, уместнее было бы сравнить его с неизвестным нам общим предком кита и дельфина. В профиль голова неродившегося китенка походила на голову крошечного поросенка: глаза были закрыты, нижняя челюсть выступала вперед, ноздри находились в передней части рыла.

Да, у этого зародыша явственно различались две ноздри. На более поздней стадии развития правая ноздря закрывается и исчезает, а левая перемещается на верхнюю часть головы. Сама голова увеличивается в размерах и в конце концов сливается с туловищем, полностью скрывая то сужение, которое можно было бы назвать шейей кашалота. По бокам тела заспиртованного мною зародыша располагались закругленные грудные плавники с отчетливо видными пятью стебельками-пальцами; кости плеча и предплечья были совсем короткими; в целом передняя конечность напоминала жесткий, упругий флюгер на одном шарнире — плечевом суставе. Такой плавник не помогает плыть: это лишь жесткое подводное крыло, служащее для изменения направления движения.

На теле зародыша еще можно было различить органы, которые у взрослого кита скрываются под жировым и кожным покровами, придающими телу животного обтекаемую форму. Половой член выступал наружу; были видны зачаточные сос-

ки и даже уши — крошечные складки кожи, чрезвычайно странно выглядевшие на голове кашалота. Видны были даже следы усиков — задержавшийся след какого-то предка, вымершего около сорока миллионов лет тому назад.

В то время как маленький кашалот и его мать охотятся в восточной части Тихого океана, шестьсот взрослых мужчин вышли в море на сороковой параллели в районе японского острова Гонсил, чтобы решить судьбу старших родичей нашего героя. Три недели тому назад плавучая китобойная флотилия отправилась из Осимы на перехват кашалотов, мигрирующих на север из тропиков. Флотилия уже в открытом море. Центром ее является громадное судно „Сонан Мару“ * — это база по переработке китов, заводы которой будут работать и днем, и ночью — предстоит большая операция по уничтожению тысячи пятисот кашалотов и девятистот китов других видов. Лишь в ноябре, выполнив свою задачу, плавучий завод вернется в родной порт. Водоизмещение „Сонан Мару“ — двадцать тысяч тонн; ее борта и палубы покрыты копотью и жиром. Четырнадцать китобойцев постоянно доставляют на базу китовые туши. Плавучий завод-база насчитывает шесть палуб выше ватерлинии и три палубы под ватерлинией. Базу обслуживает целая флотилия небольших вспомогательных судов, которые доставляют свежее китовое мясо к судну-рефрижератору; оно все время держится неподалеку от базы. Каждое грузовое судно за один рейс перевозит пятнадцать тонн мяса. Когда холодильные камеры рефрижератора заполняются, он уходит в порт на разгрузку, и до его возвращения заводу приходится самому хранить добываемое китовое мясо.

На борту китобойной базы — Тошио Накаджима, двадцатидвухлетний биолог из Японского института по изучению китов. Накаджима на практике познает будни пелагического китобойного промысла. Он с интересом следит за снующими туда-сюда вспомогательными судами, за рабочими и моряками, карабкающимися на скользкие туши в специальных сапогах со стальными шипами; он видит, как над головами рабочих проносятся стальные блоки и тросы, как из странных металлических кубов, цилиндров и труб вырываются струи белого пара. Днем и ночью он вдыхает резкий запах китового мяса и внутренностей, кипящего жира, испарений китового варева. Днем и ночью он слышит симфонию заводских шумов: шипение компрессоров, рев форсунок, изрыгающих пламя под котлами, недовольный скрежет лебедек, чистый звон металла о металл, крики рабочих и ни на секунду не прекращающийся гул двигателей судна, самый малым ходом идущего против ветра.

Накаджима — совсем новичок, самый молодой в группе специалистов, приписанных к „Сонан Мару“ на этот сезон;

кроме него, в группу входят еще один биолог, ветеринар и три инспектора. На судне есть и так называемый „американский наблюдатель“; он следит за происходящим на палубе, укрывшись в стальной кабинке, где он защищен от случайного удара тросом или крюком, но все же рискует оказаться на пути летящего над палубой куска китового жира.

Это майское утро словно специально создано для наблюдений. Работа идет вяло; море спокойно; небо застилает легкая дымка — идеальное освещение для фотосъемок.

„Если сейчас не появится еще один китобоец с тушей, — говорит Накаджима, — бригадир позволит нам взвесить этого кита. До сих пор он говорил, что у рабочих нет времени“.

Сквозь громадный шлюз на корме ползет хвостом вперед туша самца кашалота. Так называемая „китовая лапа“, закрепленная на конце стального троса, извлекает черную тушу из морских волн и тащит ее вверх по наклонному слипу, который постоянно поливают из шлангов, чтобы туша лучше скользила. Громкоговоритель объявляет по-японски: „Кит номер шесть ноль два на слипе!“ Туша вползает на разделочную палубу и останавливается. Накаджима и его партнер растягивают рулетку, измеряя длину туши. Пятнадцать метров двенадцать сантиметров. Рабочие лениво наблюдают за биологами. Беспокоиться не о чем: всякому видно, что кит крупнее установленного законом минимума. На этот раз инспекторам не к чему придаться.

На разделочной палубе сразу закипает работа; Накаджима принимается делать запись в специальном блокноте из водоупорной бумаги. Он отмечает присутствие обычных наружных паразитов — „китовых вшей“ (мелких ракообразных) на брюхе туши, конходерм и коронул (усоногих рачков) на спине кита. Бледные толстенькие рачки извиваются, точно волосы Медузы Горгоны. За несколько секунд до того, как стальные тросы начинают рвать тушу на части, Накаджима успевает соскрести с нее пленку водорослей для анализа и вскочить на шпигаты — теперь он в безопасности. С громогласным шипением вспарывается брюхо кита, и на палубу серой дымящейся массой вываливаются внутренности. Партнер Накаджимы замечает выпавшего из китового желудка кальмара, который кажется ему необычным; он подбирает кальмара и бросает в ведро, чтобы позже заспиртовать его. Биологи совершают быстрый налет на малоаппетитный кишечник убитого кашалота: они ищут паразитических червей. Затем, орудуя фленшерными ножами, Накаджима и его партнер вырезают семенники кита и упаковывают их в мешок. (Зимой, в Токио, они будут рассматривать под микроскопом срезы половых желез, отмечая признаки их деятельности.) Наконец, вооружившись молотком и долотом, биологи переходят к громадной ухмыляющейся пасти кита и вырывают из верхней челюсти два зуба вместе

с кусками кости и десны. (Зимой они распилят зубы и будут считать на них годовые кольца.)

Раздается проклятие — один из рабочих, разрубавших внутренности выпотрошенного кашалота, с досадой смотрит на острие своего фленшерного ножа, затем со злостью поддает ногой твердый предмет, оказавшийся в желудке кита. Это неровный сланцевый камень размером с кирпич. Возможно, камень был проглочен на дне палтусом или другой рыбой, съеденной впоследствии кашалотом. А может быть, кит и сам случайно подобрал его, срывая осьминога с выступа подводной скалы.

Бригадир приостанавливает работу и объясняет рабочим, что тушу надо разрубить на куски и каждый кусок взвесить на весах. Рабочие смеются и принимаются за дело — процедура взвешивания внесет хоть какое-то разнообразие в скучную работу разделщика. Вот на свет появляется сердце кашалота, затем легкие, затем язык, бесформенные куски мяса, костей, жира. Тушу разрезали на тридцать три куска, затем их по одному протащили по скользкой палубе, подняли на весы, снова сбросили на палубу.

Накаджима подходит к кровоточащему сердцу кашалота, наполняет лабораторную пробирку кровью и относит ее в холодильник. (Зимой специалисты определяют тип плазмы в пробирке и выяснят „генетический код“ этого кашалота. Впоследствии другие специалисты, изучающие миграцию кашалотов, учтут эти данные при составлении карты перемещения кашалотов разных популяций — а по этим картам будут определены предельные нормы добычи кашалотов каждой популяции.)

Час спустя на весы ложатся лопасти хвоста; взвешиванию конец. К этому времени прибыл новый улов — два сейвала и еще один кашалот. Рабочие возвращаются к своим обычным делам. Биологи подсчитывают общий вес и получают сорок тонн — не считая крови и других жидкостей, потерянных во время разделки туши.

После обеденного перерыва разделяют второго кашалота. Рабочие, вооруженные широкими тесаками на длинных рукоятках — так называемыми фленшерными ножами, ловко срубаят мясо с головы кита. Затем с обеих сторон в жировой слой всаживают по стальному крюку. Оператор лебедки видит, что крюки закреплены, и, не ожидая сигнала, начинает обдирать тушу, срывая с нее длинные полосы белого жира, — так оголяется банан, когда с него снимают кожуру. С кожи кита слетают рачки, со стуком падающие на палубу. Раздельщики нарезают красное мясо на куски и сбрасывают их в воронку транспортера, который перегружает мясо на вспомогательное судно, пришвартованное к борту базы. Десять минут спустя оно отправляется к судну-рефрижератору, идущему в полумиле от плавучего завода, а к борту завода швартуется другое вспомогательное

судно. На нижнюю палубу непрерывно валятся куски китового жира. Они тут же попадают во вращающиеся жироваренные котлы.

Самая настоящая гигантская бойня.

Бригада рабочих с механическими пилами принимает за скелет кашалота — и несколько минут спустя пятнадцатиметровый скелет уже распилен на части и отправлен в котлы. На палубе площадью две десятых гектара осталась лишь бесформенная, мягкая, дымящаяся печень кашалота; она весит около четырехсот килограммов. Печень исчезает в воронке транспортера, который доставляет ее в специальный котел, где ее переработают таким образом, чтобы сохранились содержащиеся в ней витамины. Рабочие начинают мыть палубу, обдавая ее струями воды из шлангов.

Внизу, в пятнадцати метрах ниже палубы, вопят белые чайки, кружась над китовыми кишками, которые причудливо извиваются в волнах. Оттененные черным обрезаем кормы, чайки кажутся нежным розово-лиловым живым узором.

За всю операцию ни один из множества людей, работающих на скользкой палубе с метровыми ножами и с механическими пилами, не получил травмы. А между тем даже кусок мяса, неожиданно сорвавшийся с крюка, может насмерть поразить человека, неосторожно ступившего на опасное место.

Водоизмещение китобойцев, этих современных судовохотников, которые обслуживают „Сонан Мару“, девятьсот тонн, их максимальная скорость — семнадцать узлов. В полночь один из них — „Секи Мару № 15“ — берет на борт американского наблюдателя и, отвалив от плавучей базы, сквозь ночной туман идет к северо-западу, за срок пять миль, где пилот вертолета, тоже обслуживающего плавучую базу, заметил стадо каких-то китов; пилоту не удалось установить вид этих китов. Через несколько часов „Секи Мару“ сбавляет ход и ждет рассвета.

Охота на китов — занятие отнюдь не романтическое. Это скучная, однообразная работа, даже для гарпунера, всегда озабоченного тем, чтобы избежать случайной травмы. Чтобы убить разрешенное количество китов, каждый китобоец должен в разгар сезона доставлять на базу по крайней мере двух кашалотов в день. Впрочем, иногда все же происходят неожиданные события. Например, гарпун ранит кита навзлет и взрывается в теле другого кита, случайно оказавшегося рядом; или гарпунер по ошибке убивает кормящую китиху, не заметив рядом с ней детеныша. (Это считается минусом в его работе, и за убитую кормящую самку он не получает никаких денег.) Каждый гарпунер постоянно совершенствуется в своем искусстве — то есть учится убивать кита с первого выстрела. Раздельщики предпочли бы, чтобы китов убивали вообще без помощи гарпуна: даже один гарпун, разорвавшийся в теле кита, настигит

ываает тушу множеством стальных осколков, которые порят лезвия фленшерных ножей и перемешивают внутренности с мясом, отчего мясо быстрее портится.

В двенадцати метрах над поверхностью моря три дозорных несут вахту в так называемых вороньих гнездах; гарпунер стоит на носу. Он снял чехол с девяностомиллиметровой пушки и проверяет заряд, но пока не трогает предохранитель, фиксирующий дуло в определенном положении. Затем гарпунер говорит что-то в микрофон, висящий у него на груди под непромокаемой курткой, и в ответ слышит с мостика подтверждение готовности всех систем к началу охоты. Впереди по курсу китобойца над водой повисли полосы утреннего тумана.

Скоро из репродукторов, соединенных с микрофоном в одном из вороньих гнезд, раздается крик: „Кужира! Кужира“ („Кит! Кит!“). Дозорные заметили группу из шести кашалотов, и судно бросилось в погоню. Первые пять минут „Секи Мару“ не только не догоняет китов, но даже отстает от них. Животные почти мгновенно развили скорость около двадцати узлов. Но скоро расстояние между охотниками и преследуемыми животными начинает сокращаться. Судно уменьшает ход вдвое, затем совсем выключает двигатели. Оно быстро и тихо скользит по воде, разрезая бушпритом зеленую волну. Гарпунер выбирает мишень — самого крупного кита в группе. Сбросив предохранитель, он наводит пушку на тень в волнах, которая появляется за пять минут до того, как кит поднимается на поверхность. Всплыв, кит пускает фонтан воздуха и пара и уже собирается вновь погрузиться — но тут гремит выстрел, и восьмидесятикилограммовый гарпун вонзается в спину животного. Нейлоновый линь быстро стравливается с бухты, уложенной перед гарпунной пушкой. Обезумевший от боли кит уходит в глубину.

Вслед за нейлоновым линем начинает разматываться более массивный трос; стравливание троса притормаживает мощный амортизатор из стальных пружин, расположенный под платформой, на которой стоит гарпунер. Этого гарпунера не постигнет судьба капитана Ахава¹ — случайная петля линя не унесет его в океанскую пучину.

В покрасневшей воде кит совершает последний мощный рывок — и из раны на его спине вырывается фонтан крови. Между тем пятеро моряков уже спешат к пушке с новым снарядом, начиненным черным порохом. С величайшей осторожностью они заряжают пушку — на случай, если потребуется второй выстрел.

Но второй выстрел не нужен, и скоро гарпунер приказывает выбирать трос. Лебедка мощностью сто лошадиных сил

---

¹ Капитан Ахав — герой романа Г. Мелвилла „Моби Дик“. — *Прим. перев.*

выбирает и сматывает трос, и через несколько минут кит — у борта. Он пускает последний фонтан и в агонии бьет плавниками. Появляется шланг воздушного компрессора, петля троса надежно охватывает хвост кита; за борт летит буй с флажком и радиомаяком.

К плавающей в волнах туше уже спустились чайки — они подбирают из воды комья свернувшейся крови. „Секи Мару“ возобновляет охоту: убитого кита подберут позже. Всего двадцать семь минут прошло с того момента, когда кит был впервые замечен дозорными.

„Секи Мару“ направляется вслед за встревоженными кашалотами, но вот на горизонте появляется облако пара: оказывается, что курс надо изменить на девяносто градусов.

„В прошлый сезон,— говорит капитан американскому наблюдателю,— на каждого убитого кита у нас приходилось в среднем пять часов охоты“.

„Можно экономить время, используя самолет для обнаружения китов“,— говорит наблюдатель.

„На плавучей базе есть только вертолет, и его радиус действия не слишком велик. А вот наша береговая база в Абасири уже десять лет пользуется самолетом для обнаружения китов. Самолет обычно летит на высоте около ста пятидесяти метров, при хорошей погоде он может налетать тысячу миль в день. Это помогает экономить большие средства“.

„Я слышал, что успех охоты каким-то образом зависит от луны“,— говорит наблюдатель.

Капитан бросает на него острый взгляд.

„Добыча кашалотов действительно зависит от фаз луны. При молодой луне и при полной луне мы чаще обнаруживаем большие группы кашалотов. Но почему это так — никому неизвестно“.

На следующий день „Секи Мару“ возвращается на плавучую базу с тушами трех убитых китов — двух кашалотов и финвала. Наблюдатель, выспавшись и приняв душ, заходит к ветеринару Намкунгу, корейцу средних лет, который пять лет прожил в пресвитерианской миссии, а позже учился в Токийском университете. Намкунг немного говорит по-английски; оба собеседника владеют и международной научной терминологией; они обсуждают охоту на китов и санитарные аспекты обработки китового мяса.

„Очень трудно доказать потребителям, что наша пищевая продукция не ухудшается от наличия в ней китовых червей-паразитов,— говорит Намкунг.— Черви-паразиты есть у каждого кита. У кашалота двадцать разных видов червей. Большая часть паразитов живет в пищеварительном тракте, в сердце и в легких. Однажды я обнаружил в первом желудке кашалота больше сорока килограммов круглых червей, которые совершенно не мешали киту, просто жили себе у него в желудке и угощались его добычей“.

„Здесь, в северных водах, мы редко убиваем беременных самок кашалота, — продолжает Намкунг. — Но у каждой беременной самки, которую мне пришлось вскрывать, я находил вот такого червя, — он разводит руки, — который живет только в плаценте.¹ Прежде чем поступить в продажу, все продовольственные изделия, изготовляемые из продуктов китобойного промысла, подвергаются либо термической обработке, либо глубокому охлаждению, либо засолке. Черви при этом, разумеется, погибают — а мясо червей не хуже мяса самого кита“.

Американский наблюдатель соглашается с собеседником и в свою очередь рассказывает о спорах, недавно разгоревшихся в Америке в связи с появлением в магазинах так называемого „рыбного белкового концентрата“. Это чистое и дешевое питательное вещество белого цвета, производство которого разработала одна рыболовная компания. Какой-то союз фермеров, побуждаемый завистью и конъюнктурными соображениями, попытался помешать продаже концентрата. Представитель этого союза заявил, что концентрат „вреден“, так как содержит переработанные рыбы внутренности. Во время расследования, когда этого представителя заставили публично отвечать на вопросы, он признал, что не раз с удовольствием ел консервированные сардины, — а ведь эти консервы тоже содержат переработанные внутренности.

„Даже если бы люди ели сырое китовое мясо, — говорит Намкунг, — они почти ничем не рисковали бы. Паразиты, живущие в организме диких животных, как правило, торопятся покинуть организм проглотившего их человека. Черви-паразиты очень капризны; им нужен определенный объект. За свою жизнь я осмотрел тысячи китовых туш, но только пять или шесть из них нельзя было пустить в переработку. Во всех случаях причиной непригодности туши была застарелая гарпунная рана, из-за которой кит долго болел. Киты — очень здоровые животные, иначе они не жили бы так долго“.

„Откуда вам известно, что они долго живут?“ — спрашивает американский наблюдатель.

„Наши японские китобои встречали в Антарктике кашалотов, помеченных тридцать лет назад учеными с „Дискавери“. Осматривая зубы китов, возраст которых нам известен, мы научились определять возраст любого кашалота. Кроме того, всем известный дельфин Пелорус Джек в течение тридцати двух лет сопровождал суда у берегов Новой Зеландии. А сколько он прожил до того, как начал этим заниматься?“

„А что вы думаете о возможности накопления радиоактивных веществ в организме морских животных? — интере-

---

¹ Советский паразитолог Н. Губанов в 1951 году впервые обнаружил в плаценте кашалота самую крупную из известных нематод. О ней и идет здесь речь. Длина самцов этих нематод достигает 2—4 метров, а самок — 7—8 метров. — *Прим. ред.*

суется наблюдатель.— Вам встречались какие-нибудь свидетельства того, что радиоактивные отходы концентрируются в организмах китов и позже усваиваются людьми, которые питаются китовым мясом?”

„Японцы,— тихо говорит Намкунг,— очень осторожны в этом отношении, возможно, более осторожны, чем любая другая нация на земле. Но что делать? Стронций-90 сейчас проникает в кости каждого человека, где бы он ни жил, и в костях наших детей и внуков он тоже наверняка будет присутствовать“.

В научных отчетах, издаваемых Институтом по изучению китов, я прочел в числе прочих и статью о китовом мясе на японских рынках*; в статье этой содержится несколько чрезвычайно любопытных рецептов. Сырое китовое мясо можно мариновать в винном уксусе, приготовленном из риса. Большой, сочный кусок мяса можно отварить с горьким соком цитрусовых, или с имбирной соей, или с соей, смешанной с тертым редисом. Многие части кита консервируются и продаются в банках с добавлением специального вкусового вещества — называется это „ямами“. Из китового мяса можно приготовить и бифштекс.

В статье говорится: «Кишечник животных обычно отличается большой длиной, на что указывает даже его название на японском языке — „хиакухино“. Особенной длины достигает кишечник кита, и он часто служит символом долголетия. Вот почему в Нагасаки кишки кита едят, празднуя Новый год».

В ходе эксперимента по изучению вкусов населения восемь тысяч японских школьников получали на ленч изделия из мяса кита. В рацион входили: китовый „бекон“ с капустой, булочки с молотой китовой печенью и многое другое. Исследователи выяснили, что мальчики охотнее едят незнакомую пищу, чем девочки, старшие дети — охотнее, чем младшие; дети из районов, где экономят на еде,— охотнее, чем дети из богатых районов.

„Районы, где экономят на еде“, — это районы, где дети голодают.

Меня беспокоит проблема „антигуманности“ преследования и убийства китов. Доктор Х. Р. Лилли**, судовой врач, работавший на британских китобойных судах в Южном океане, сообщил: „Методы, которыми все еще пользуются для умерщвления китов, можно назвать только варварскими и жестокими... Приведу самый ужасный случай из тех, что я видел своими глазами: самку кита-полосатика в довольно поздней стадии беременности убивали в течение пяти часов; девять раз в нее стреляли из гарпунной пушки“.

Так называемые спортсмены-охотники тоже обагрят руки кровью — кровью оленей, кроликов, белок и других сухопутных животных. Как биолог я признаю, что размножение этих животных должно быть поставлено под контроль. Но какой?

Не приходится сомневаться в антигуманности вивисекции; однако вивисекция породила медицину, а медицина спасает жизни миллионов взрослых и детей. Зачислим ли мы в гуманисты тех людей, которые крали кошек и собак и затем продавали их вивисекторам? Или тех, по чьей вине совершались ритуальные убийства животных, мясо которых можно было бы употребить в пищу? Или тех, по чьей вине тысячи птиц бесмысленно гибнут от пролитой в море нефти? Или держателей грязных придорожных зверинцев? Или изобретателей инкубаторов, поставляющих нам кур и яйца? Или исследователей, которые отправляют животных в космос — на смерть ради науки?

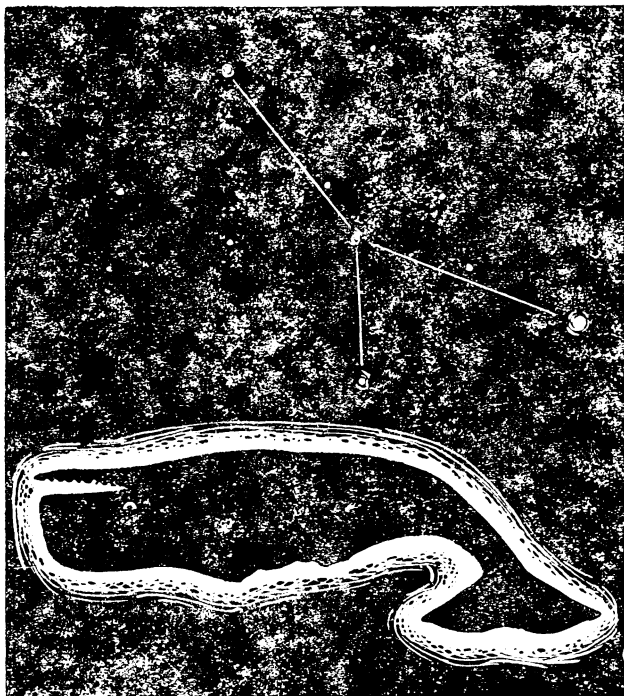
Размышляя о подобных вещах, я вспоминаю отрывок из автобиографии Альберта Швейцера¹:

„Желая спасти птенца орлана от издевательств жестоких туземцев, я покупаю его у них... Но теперь мне надо решить — позволить ли орленку умереть с голоду или ежедневно убивать некоторое количество рыбок, чтобы кормить его? Я решаю спасти жизнь орленка, но каждый день страдаю, принося ему в жертву другие жизни. В нашем мире судьба множества разных существ постоянно зависит от решения подобной дилеммы... и мы снова и снова убеждаемся в том, что сохранить свою жизнь и жизнь вообще можно лишь за счет потери других жизней. Человек, которому знакомо чувство благоговения и преклонения перед Жизнью, убивает и уничтожает только в тех случаях, когда этого нельзя избежать, — но никак не по небрежности и легкомыслию. И всякий раз, когда представляется возможность облегчить страдания и отвратить гибель, он вкушает блаженство“.*

---

¹ Швейцер Альберт (1875—1965) — крупный немецкий мыслитель; богослов, врач, музыковед и органист. Всемирно известен своими антивоенными выступлениями. — *Прим. перев.*

ИЮНЬ

В начале июня семья нашего маленького героя пересекает западную окраину тихоокеанских просторов. В один прекрасный день он обнаруживает в волнах какой-то плавающий предмет; локатор утверждает, что это кит, но форма тела этого кита кажется малышу странной, и он медленно и осторожно приближается к незнакомцу. Тот тих и неподвижен. Лишь волны поднимают и опускают его на поверхности моря. Китенок поводит головой из стороны в сторону, пускает в ход все свои органы чувств, пытаясь определить, что это такое. Китиха ушла вперед метров на сто. А перед китенком покачивается в волнах серая, усеянная белыми пятнами туша кита. Один длинный плавник этого кита обращен в глубину, второй неуклюже торчит в воздух, словно кит все еще призывает кого-то на помощь. Из распоротого брюха вываливаются внутренности; между ними, отрывая куски, снуют взад и вперед три пряморотые акулы далатии с тусклыми глазами. Перед нашим героем — мертвый кит-горбач. Длина его — восемнадцать метров, зубов у него нет — как и у всех

усатых китов, — нет также и глаз, потому что их съели крабы-плавунцы — портуниды. Огромная туша едва возвышается над поверхностью моря. Скоро какая-нибудь акула прокусит согнутую дугой спину, и тогда туша постепенно опустится на дно. Там сотни слепых любителей падали — животных и рыб разных размеров — растащат ее на куски, оставив лишь скелет. Твердые белые слуховые кости, прочные, как камень (каждая размером с кулак), пролежат на дне несколько десятилетий. Возможно, какое-нибудь научно-исследовательское судно зацепит эти любопытные кости глубоководным тралом и вытащит их на поверхность — впрочем, вероятность этого весьма невелика.

Два дельфина, одетые в черно-белые костюмы арлекинов, приближаются к маленькому кашалоту. Они на пять метров выскакивают в синеву неба, рассыпая над волнами фонтаны радужных брызг и поражая своей идеальной формой и легкостью движений. Для маленького кашалота это ничем не примечательные обитатели океана. Увлеченные веселым бегом по волнам, дельфины быстро удаляются.

Китенок тихо опускается в глубину. Ничто не ограничивает свободу его перемещения в океане. Он живет в гармонии со временем и пространством. Бесконечность и космос для него не существуют. Он сонно смотрит вниз, туда, где голубые тона постепенно темнеют, растворяясь в фиолетовой бездне. Растет давление. Китенок прекращает погружение и, лениво шевельнув хвостом, неторопливо поднимается на поверхность. Несколько раз вдыхает и выдыхает воздух.

Проходит час. Китенок лениво лежит у самой поверхности моря, освещенного яркими лучами солнца. Брюхо его полно теплого материнского молока; теперь он тихо держит за хвост крупную рыбину, торчащую из пасти матери. Может быть, она сознательно учит его хватать и проглатывать твердую пищу? Едва ли. Китенок наконец отрывает восхитительный кусок белого мяса и проглатывает его.

Солнце опустилось за горизонт; прошел еще час, и мать маленького кашалота, изогнув спину, впервые за день отправляется на охоту в глубину. Сегодня ей везет — не прошло и минуты, как она обнаружила целую тучу светящихся кальмаров. Кальмары невелики, но зато их тут великое множество, тысячи и тысячи голубоватых теней, быстро мелькающих в темноте. Китиха поворачивается налево, направо, хватая пастью десяток пытающихся улизнуть кальмаров и разом превращает их в бесформенную массу. Проглотив добычу, она отдыхает. Фосфоресцирующая слизь, покрывавшая кожу кальмаров, некоторое время остается у нее в пасти, светится на зубах и языке. Китиха неторопливо скользит в темной толще воды. Кальмары и охотящиеся на них хищные рыбы замечают бледное свечение ее пасти и приближаются к ней; китиха легко ловит и поедает их. Когда она наконец поднимается на поверхность, чтобы подышать и отдохнуть,

ее встречает маленький кашалот. Заметив призрачный свет, который исходит из пасти матери, китенок приходит в возбуждение — он уже видел такой свет и связывает его с пищей. Когда мать ныряет в следующий раз, сын неуверенно следует за ней.

Между тем кальмары поднялись выше и держатся теперь в тридцати метрах от поверхности — в тех слоях воды, где плавает сейчас планктон, которым питаются эти кальмары. Держась почти вплотную к материнскому боку, маленький кашалот наблюдает ночной подводный мир; светящуюся тьму то и дело пронзают бесформенные движущиеся огоньки. Китенок хватает тускло светящийся кусок, торчащий из пасти матери, и убеждается, что это вкусно. Возбуждение его растет. Сильный удар хвоста — и китенок бросается вперед и беззубой пастью крепко хватает двух кальмаров. Однако его легкие уже начали ощущать недостаток свежего воздуха — пора возвращаться на поверхность. Так он охотится, часто поднимаясь, чтобы подышать, — в четыре раза чаще, чем его мать.

Но вот китенок чувствует, что наелся. Теперь он лениво плавает на поверхности, под горящими в небе звездами: засыпает, просыпается, поводит плавниками, поднимает дыхало, ощущая холодный морской воздух. Перед рассветом появляется мать; она издает тихое призывное гудение, пытается разбудить детеныша. Но напрасно старается китиха. Впервые за свою короткую жизнь маленький кашалот не желает просыпаться к утреннему кормлению.

„Калан“ принадлежит американскому правительству.* Это небольшое судно, круглый год совершающее регулярные рейсы на Алеутские острова, доставляя туда инспекторов, уполномоченных, биологов и их оборудование. Однажды в июне „Калан“ бросает якорь у южного берега острова Амчитка; пожилой старпом стоит на корме и, опираясь на леер, следит за желтым бумом. Внизу, в холодной воде этого северного района Тихого океана, работает биолог по имени Хансен и по прозвищу Калан. Хансен, сотрудник Бюро рыболовства, опустился с аквалангом на дно, чтобы обследовать фауну придонных вод. Двадцать лет он занимается охраной природных богатств заповедника, созданного на острове Амчитка, ради своей любимой работы отказываясь от удовольствий и удобств жизни на материке.

Обходя зимой берег, шагая по хрустящей гальке или карабаясь по кручам скалистого мыса, Хансен часто находил мертвых и умирающих каланов; особенно часто мокрые тушки попадались ему после штормов. Свежие туши биолог взвешивал и вскрывал, всякий раз обнаруживая, что погибшие каланы страдали от истощения и паразитов. Было ясно, что на подвод-

ных пастбищах Амчитки что-то неладно. Быть может, каланов развелось так много, что им не хватает пищи? Усилия правительства по охране животных заповедника явно не шли каланам на пользу. Не оттого ли умирают обитатели заповедника, что их слишком усердно оберегают? Не вредит ли им излишняя забота?

Еще зимой Хансен решил, что надо обследовать морское дно вокруг острова. Теперь он ходит в акваланге на глубине десяти метров, пригибаясь против течения и постепенно наполняя специальную сеть образцами донной фауны. Ему нужно проверить свою гипотезу о том, что каланов не устраивает пища, ее качество и количество. Биолог подбирает зеленого морского ежа — колючий шар размером с кулак. В сеть отправляется и хитон, кожистый моллюск, по форме напоминающий лодку; хитон упрямо не желает отпустить подводную скалу, к которой он прилепился. Оранжевые, коричневые и красные морские звезды не интересуют биолога: только умирающий от голода калан станет охотиться на этих жесткотелых животных. Сложены в сеть черные морские мидии и устрицы, крошечные литорины, разные другие моллюски, крабы, морские черви. Пальцы биолога синеют от холода; пора прекращать охоту и возвращаться на судно. Позже, в теплой лаборатории, он осматривает добытые образцы; впрочем, и сейчас ему ясно, что эти животные слишком мелки и малочисленны для нормального рациона каланов, этих морских выдр. Большинство собранных им видов не успевает вырасти и начать размножаться — они слишком рано становятся добычей голодных каланов.

Внезапно набегаёт тень. „Акула!“ — пугается биолог, но тут же успокаивается: в здешних приполярных водах акулы-людоеды не встречаются. Косатка? Биологом снова овладевает страх. Он хватается за стебель подводного растения и, задрав голову, смотрит вверх. Всего в каких-нибудь трех метрах над его головой безмолвно движется огромная серая тень, заслоняющая синеватое свечение неба. Кит! Но, конечно, не косатка — он слишком большой для косатки. Целая минута проходит прежде, чем над биологом наконец появляется хвост кита; вода светлеет так же внезапно, как потемнела. Хансен с облегчением переводит дыхание; струйка веселых пузырей поднимается к желтому бую.

Взобравшись по веревочному трапу на палубу, Хансен сбрасывает маску, акваланг и кричит старпому: „Привет! Видел кита?“

„Видел. Не стал сигналить — знал, что он тебя не тронет. Это был серый кит. Видно, первый из мигрантов“.

Старпом не ошибся. Калифорнийские серые киты начали миграцию — по крайней мере, десять тысяч китов уже в пути. Их авангард направляется на северо-запад по алеутским проливам; позади авангарда на много миль растянулись самки с детенышами, родившимися в конце декабря.

В авангарде идет и старый самец, который уже пятьдесят

лет ходит этим маршрутом — от Мексики до Чукотского моря, четыре тысячи пятьсот миль. Уверенно скользит кит по бескрайним водным просторам, проходя сотню миль в день. Неумоимо его длинное тело, облепленное рачками баланусами. К началу августа кит доплывет до северных границ судоходных трасс, где экипажи проходящих мимо судов будут наблюдать за тем, как он лавирует и кружит среди плавучих льдов Северного Ледовитого океана, всего в тысяче миль от полюса, как он показывает хвост, уходя в глубину, как он выпрыгивает в воздух, процеживает из воды оранжевый планктон, поднимая голову из волн и „ухмыляясь“ от удовольствия.

Эти странные серые киты никогда не пересекают экватор. Сейчас они встречаются лишь в северной части Тихого океана, но кости серых китов находили и в песках европейских побережий в геологических слоях, относящихся к далекому прошлому, — к тому неопределенному периоду, когда первобытный человек переселился из Африки в Европу. Серые киты размножаются в заливах. Не эта ли их особенность оказалась роковой для европейской популяции серых китов? Быть может, первобытные охотники обнаружили тайные убежища кити-роженниц и уничтожили их всех до одной?

Сводная сестра маленького кашалота, которую в ноябре поймали для океанариума „Арена жизни“, благополучно перенесла опасности путешествия и первых дней неволи. Вот уже шесть месяцев она с удовольствием ест искусственную питательную смесь, напоминающую молоко ее матери. Эта юная самка — первый кашалот, который выжил в неволе.

В ожидании очередного кормления она плавает кругами в своем зеленом бассейне. Работники океанариума назвали ее Сузи — в честь черноволосой школьницы, которая несколько лет подряд дважды в неделю приходит в „Арену жизни“: она влюблена в животных и бесплатно работает с ними — кормит дельфинов, чистит стеклянные стенки аквариумов, ухаживает за „сиротами“-тюленями, которых добросердечные люди приносят летом в „Арену жизни“, думая, что матери-тюленихи покинули их. Девочка часто сидит в мечтательной позе, наблюдая за животными, или делает с них зарисовки.

Как только Сузи увидела в новом бассейне молодую китиху, между ними возникла странная связь; если назвать ее дружбой, то можно сказать, что китиха выказывала к девочке более дружеские чувства, чем к служителям, которые ее кормят.

В июне, когда пленнице исполнилось около года (работники „Арены жизни“ лишь приблизительно определили возраст Сузи), ее начали отучать от жидкой пищи. Возможно, она была еще слишком молода для этого. Сейчас она весит

только две тонны и, пожалуй, немного худа, хотя ежедневно поглощает сорок килограммов весьма калорийной пищи и по размерам быстро догоняет своих сверстников, живущих в океане.

Новую, „взрослую“ пищу китихи в основном составляют переливчатые, голубовато-белые кальмары — мягкие, лишенные панциря, свободно плавающие моллюски, которыми изобилует залив Монтерей. Средняя длина этих кальмаров — двадцать сантиметров, тела у них белые, полупрозрачные, с голубоватым отливом и яркими сине-зелеными пятнами, которые вспыхивают и гаснут — точно радужные волны бегут по бледной коже. В начале лета кальмары собираются вместе; они спариваются, затем откладывают яйца на песчаных „склонах“ подводных каньонов залива. По ночам в каньоны являются рыбаки со специальными сетями и с кошельковыми неводами. Освещая воду яркими прожекторами, они вылавливают тысячи тонн кальмаров. Часть улова замораживают и везут в „Арену жизни“ для китихи Сузи.

Долгое время китиха упрямо отказывалась есть кальмаров. Неделю за неделей терпеливые служители приходили к Сузи в обычные часы кормления и пытались накормить ее твердой пищей, но она разгадала их тактику и стала уплывать в дальний конец бассейна. Отчаявшись добиться успеха, они нашли цистерну-холодильник и привезли из залива живых кальмаров. Бассейн Сузи наполнился сотнями сверкающих моллюсков, и сначала она испугалась, но скоро начала играть с ними, щелкая челюстями, точно собака, пытающаяся поймать мух на стекле. Пойманных кальмаров китиха раскусывала и выплевывала. Через неделю молочный рацион Сузи вдвое уменьшили. Китиха забеспокоилась. Какое-то время она встревоженно и возбужденно плавала по бассейну — а потом начала пожирать кальмаров.

Когда Сузи научилась наконец есть, ею заинтересовалась телестудия, и китиха ненадолго стала знаменитостью. Оператор, потеющий от страха и усердия в своем гидрокостюме, плавал за ней по бассейну, снимая на пленку белых кальмаров, летящих, точно снег, в черную пасть китихи. После того как Сузи вполне научилась есть живых моллюсков, ее перевели на свежемороженых кальмаров, которых служитель сыпал в бассейн из ведра, предварительно разморозив их.

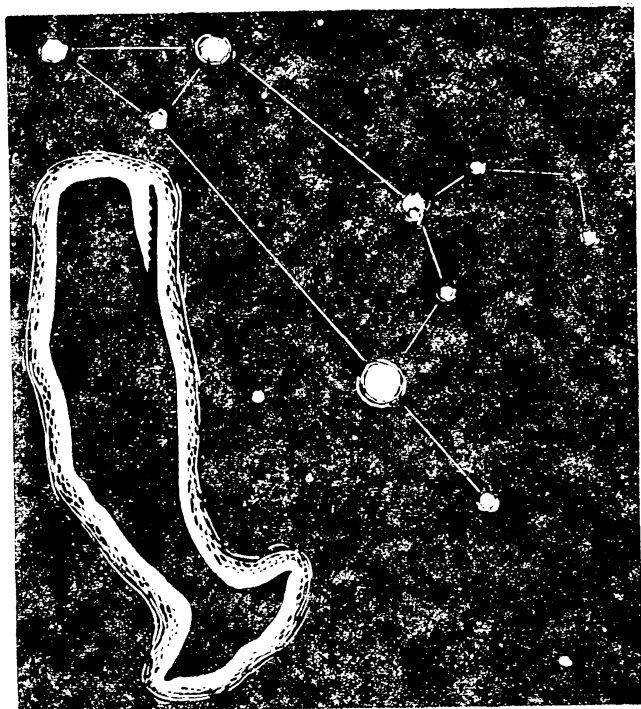
Девочку Сузи невозможно было разлучить с ее тезкой китихой. Только после того как из школы пришло письмо, из которого следовало, что Сузи пренебрегает занятиями, она неохотно вернулась в скучный мир, навязанный ей взрослыми, и провела в нем последние две недели учебного года.

К этому времени Сузи уже добилась значительного успеха в своих попытках войти в контакт с юной китихой и укрепить возникшую между ними дружескую связь. Девочка научилась чесать щеткой нежное рыло китихи. Одевшись в футболку и линялые джинсы, она лезла в воду и протягива-

ла китихе старую автомобильную покрывку; китиха хватала покрывку беззубыми челюстями и тащила ее к себе. Эти состязания всегда были непродолжительны и кончались победой китихи. У девочки возникла смелая идея — и после долгих колебаний управляющий „Ареной жизни“ согласился позволить ей прокатиться на китихе верхом.

Оказалось, что это не так уж трудно. В открытом море, на воле, молодые кашалоты часто борются друг с другом (если можно назвать этим словом игры в воде, когда молодые киты таранят друг друга, перекатываются друг через друга, скользят, прижимаясь друг к другу боками). Телесный контакт в воде с другим живым существом не вызвал инстинктивной отрицательной реакции китихи. На берегу бассейна стоял на всякий случай служитель с багром; но девочке вовсе не было страшно — наоборот, она была в восторге. Когда она принялась толкать ладонями черный хвост китихи, та полуобернулась, словно от удивления, затем замерла и пустила фонтан. Девочка переждала ливень и вскарабкалась на спину китихи в том месте, где ее корпус суживается, переходя в хвост. Она сжала коленями скользкие бока своей тезки и победно вскинула руки. Девочка с поднятыми руками и распущенными черными волосами, сидевшая верхом на китихе, напоминала фигуру на критской вазе — замкнулся круг времени в двадцать пять столетий длиной!

ИЮЛЬ

В жизни кита, конечно, бывают дни, когда не происходит ничего нового. Сегодня один из таких дней в июле. Воздух полон шума дождевых шквалов, которые проносятся над пестро освещенными волнами. Наш герой держится в тени, отбрасываемой сверху телом его матери; края этой тени очерчены серо-голубым дневным светом, пронизывающим воду. Китенок бессознательно пытается подражать ритмическим движениям материнского тела. Колебания воды, создаваемые плывущей китихой, составляют постоянный фон повседневного существования китенка. Иногда ему удается держаться рядом с матерью, а иногда он отстает и потом прибавляет ходу, возвращаясь в желанную тень. Когда китиха сбавляет скорость и неподвижно зависает у самой поверхности, детеныш трется уголком пасти о ее сосок, прося молока. В полусне мать несколько минут кормит его, потом просыпается и плывет дальше. Вечером она оставляет детеныша на попечение других взрослых китов и несколько раз ныряет, чтобы поохотиться в глубине.

Год кита напоминает год доисторического человека, существование которого было простым и грубым, а успехи измерялись попросту длительностью жизни. Теперь человек старается вместить как можно больше в каждую минуту своей жизни, до предела наполняя ее переживаниями, а иногда и переходя этот предел. Если бы при помощи электронной волшебной палочки современный обыватель получил возможность непрерывно наблюдать за личной жизнью какого-нибудь кита, то уже через неделю ему надоело бы это занятие.

Солнце снова встает над морем; маленький кашалот сегодня в игривом настроении. Семья кашалотов обгоняет плот — несколько толстых досок, скрепленных скобами. Это крышка люка, сорванная штормом с палубы какого-то парохода в далеком море. Размер плота — метр на метр; он тяжело взлетает и падает в волнах. В зеленой тени под плотом висят рачки „морские уточки“ на длинных стебельках; рачки неустанно прочесывают воду своими бахромчатыми конечностями. Морские черви и стебли десятка разных видов водорослей — зеленых, коричневых, красных — стелются в воде под плотом. Растения усеяны какими-то существами размером не больше спичечной головки — они похожи на крошечных коз, пасущихся среди кустов.

Китенок подплывает под медленно дрейфующий плот и трется спиной о его неровную поверхность. Потом он подкидывает плот в воздух и слышит, как доски с громким плеском падают в воду. Китенок разворачивается и снова, сильнее ударяет плот, повторяя этот маневр до тех пор, пока ему не удастся перевернуть плот. Два других молодых кита присоединяются к нему и играют с плотом, пока не начинают чувствовать, что слишком устали — не столько от физических усилий, сколько от перегрева. У китов нет потовых желез. От долгой игры поверхность туловищ, плавников и хвостов юных кашалотов перегревается; внутри их тел, под теплой шубой жира, тоже поднимается температура; и вот китята чувствуют, что им надоело играть с плотом. Только наш маленький герой не унимается. (Ему сейчас одиннадцать месяцев.) В последнем приступе буйного веселья, уже услышав отдаленный зов матери, он вдруг развивает максимальную скорость, неожиданно взлетает в воздух и не меньше трех секунд летит над волнами, сверкая мокрой кожей в лучах солнца, — летит впервые в жизни.

Потом китенок отдыхает подле матери. В воде вдруг появляются тени, и он поворачивается набок, чтобы поглядеть вверх. Птицы, бросившие тени на воду, уже скрылись из поля его зрения. Это ярко-белые полярные, или длиннохвостые, крачки, семь птиц, размеренно и неумоимо машущих крыльями. У них сильно вытянутые хвосты, как у чаек, с которыми они состоят в близком родстве. Крачки спешат сейчас в район гнездовья в тундре, на границе таяния снегов. Когда на севере наступит лето, они летят из Антарктиды в

Арктику, покрывая путь длиной в десять тысяч миль, а осенью возвращаются назад — снова десять тысяч миль полета. Все это невероятное путешествие они совершают, затратив ничтожное количество „горючего“ — всего каких-нибудь сто граммов.

Ветер терзает хрупкие тела птиц, но они неустанно движутся на север, отдыхая приблизительно через каждую тысячу миль. Для отдыха они садятся на какой-нибудь плывущий предмет — бревно или большой клубок водорослей. (На воду они садятся очень неохотно — их оперение тут же намокает.) Скоро крачки долетят до необитаемых галечных берегов чистой реки на Аляске, где они откладывают яйца.

Маленькому кашалоту известны и другие крачки — например, темная крачка. Сейчас, в июле, эти красивые черно-белые птицы, родственницы полярных крачек, свивают миллионы гнезд на островах Тихого океана. Поразительна способность этих птиц месяцами, без отдыха, без перерыва, бороздить воздушный океан. Никто не видел, чтобы они когда-нибудь опускались на воду или на землю — разве что в сезон спаривания. Больше того — лапы и перья этих птиц не очень хорошо приспособлены для жизни на море. Я чувствую неимоверную усталость, даже когда пытаюсь представить себе подобное существование — месяц за месяцем в воздухе!

Спит ли маленький кашалот, когда он отдыхает? Тут снова задумываешься о значении слов, ибо „сон“ — слово из человеческого лексикона. Если рассматривать периоды пассивности кашалота в течение суток, будут ли они напоминать те часы, которые человек проводит в постели, предоставив своему сознанию полную свободу дремать или развлекаться сновидениями и отдельными случайными мыслями? Конечно, нет. Во всяком случае, о дельфинах можно уверенно сказать, что они никогда не спят в нашем смысле этого слова. Они отдыхают в воде, погрузившись в полубессознательное состояние, но при этом редко закрывают оба глаза.

Я часто встречаю в печати сообщения о том, что суда натываются в море на спящих кашалотов. В судовом журнале обычно так и пишут: „столкновение со спящим китом“. Но я не думаю, что киты спят в том смысле, какой мы вкладываем в это слово, — ведь кит должен либо регулярно подниматься на поверхность, чтобы дышать, либо во время длительного сна так уравнивать вес своего тела изменением объема воздуха в легких, чтобы постоянно оставаться на поверхности.

Основной закон жизни китообразного гласит: всплывай вовремя — или ты обречен на смерть. Между тем смерть у китов наступает быстро: как только кит теряет сознание, он начинает тонуть и тотчас лишается главного источника жизни —

воздуха. Это создает особые трудности для биологов-экспериментаторов, которые пытаются усыплять китообразных. Усыпить кита или дельфина в естественных условиях удается — но, к сожалению, засыпая, он перестает дышать. Пока не найдено способа восстанавливать дыхание китообразных.

При помощи особой техники удавалось погружать китообразных в непродолжительный сон в лабораторных условиях. Дельфина привязывали к операционному столу и вводили ему транквилизатор, чтобы он перестал биться. Затем анестезиолог осторожно вводил через рот резиновый шланг в дыхательный тракт дельфина. После этого особый прибор начинал ритмично подавать в легкие спящего животного анестезирующее средство одновременно с воздухом. Проснувшись после такой процедуры, пациент оказывался способен снова плавать в своем бассейне.*

Вагн Флайгер, сотрудник Института природных ресурсов при Мэринлендском университете, и его помощники эскимосы однажды попытались обездвигнуть белуху в Северном Ледовитом океане, выстрелив в нее специальной ампулой с иглой. Сначала все шло прекрасно: игла вонзилась в спину белухи, и содержащиеся в ампуле препараты поступили в мышечную ткань животного. Испуганная белуха тотчас нырнула, но тридцать секунд спустя снова появилась на поверхности и замерла, лишь слегка подергивая хвостом. Флайгер был в восторге.

Но в этот момент произошла одна из тех катастроф, которые в одно мгновение губят эксперимент и приводят в отчаяние экспериментатора: присутствовавший при опыте охотник-эскимос, для которого неподвижная белуха представляла собой всего лишь желанную и легкую добычу, обрадованно схватил винтовку и выстрелил; кит был убит, а с ним погибла и работа исследователя.**

Восточная граница морского пастбища, на котором пасутся сегодня наш герой и его семья, проходит в прибрежных водах центральной Калифорнии. На теплом и влажном берегу этого штата водится особая порода людей — в любом событии, в любом изменении обстановки они видят лишь потенциальный источник наживы. „Легкие деньги“ — выражение из их лексикона; впрочем, они употребляют его лишь в разговорах между собой. Обращаясь к посторонним, они говорят о „содействии“, о „благоприятном стечении обстоятельств“, о „новаторстве“ и об „инициативе“. Каждый из членов этого клана имеет свой собственный „подход“ ко всякой ситуации. Он счастлив, когда ему удается угадать сегодняшний „подход“ конкурента и не раскрыть при этом собственные карты.

Вот на этом берегу, среди таких людей, случилась однажды в июле следующая история.

К северу от Сан-Франциско ночной прилив выбросил на пляж мертвого кашалота; кашалот был невелик — всего шести с половиной метров длиной. Когда тушу вынесло на берег, плотный туман окутывал весь пляж, и лишь около четырех часов утра один из местных жителей, собирающий на пляже выброшенные морем предметы, заметил огромную черную тень на границе прибоя. Он протер глаза, взглянул еще раз и бросился в ближайшее кафе, где на рассвете завтракают рыбаки. Из кафе он позвонил своему приятелю Мак-Гилу.* Мак-Гил — представитель той самой породы калифорнийских дельцов. Он извлекает деньги из ловушки для туристов в Сосалито. Это придорожная лавчонка, на крыше которой мигает красный фонарь; к сожалению, фонарь не отпугивает туристов, едущих по дороге, а, напротив, привлекает их. В лавчонке Мак-Гиля они покупают сувениры американского Запада (сделанные в Японии и Чехословакии). Здесь можно купить и барельеф из „настоящего“ моржового клыка, изображающий эскимоса, который погоняет своих собак (эти барельефы изготавливаются по десять штук за раз из пластмассы при помощи пресса, установленного в подвале недалеко от местного рынка).

Мак-Гил поднимается с постели, берет трубку — и сон мгновенно слетает с него. Глаза дельца блестят и нервно перебегают с предмета на предмет; губы растягиваются в улыбку. „Сейчас приеду, — говорит он, поспешно надевая штаны. — Беги назад к киту и никого к нему не подпускай!“

За свою находку собиратель морских даров получает пять долларов и акцию „Компания Мак-Гиля“ (цена которой, скажем, полтора доллара). Между тем Мак-Гил уже погрузил кита на грузовик и везет его в Санта-Кларисиму. Немного поторговавшись, он заключает сделку с хозяином морга — поручает ему забальзамировать кита. Этот хозяин — тоже специалист по легким деньгам. Он тут же звонит своему поставщику и, немного поторговавшись, заказывает формалин и ртуть — в количестве, которое смутило бы и самое крупное похоронное бюро в разгар массовой эпидемии.

Всю ночь идет работа, и к утру туша кашалота отвердевает, глаза его покрываются синеватой пленкой, а язык странным треугольником повисает в пасти; но публика, конечно, не обратит на это внимания. Мак-Гил окатывает мумию водой из шланга, закрывает ее парусиной и отправляется в ближайшую мастерскую, изготавливающую вывески. Прошло ровно тридцать шесть часов с тех пор, как тушу прибило к берегам предприимчивых калифорнийцев, а кит уже лежит в кузове открытого грузовика под плакатом, на котором значится:

„Крупнейшее животное на Земле! Доступно наконец вашему зрению и осязанию! Смотрите, трогайте, убеждайтесь! Взрослый кит, явившийся из океанских глубин! Левиафан,

герой Священного писания! Выставляется только один день — доллар с человека“.

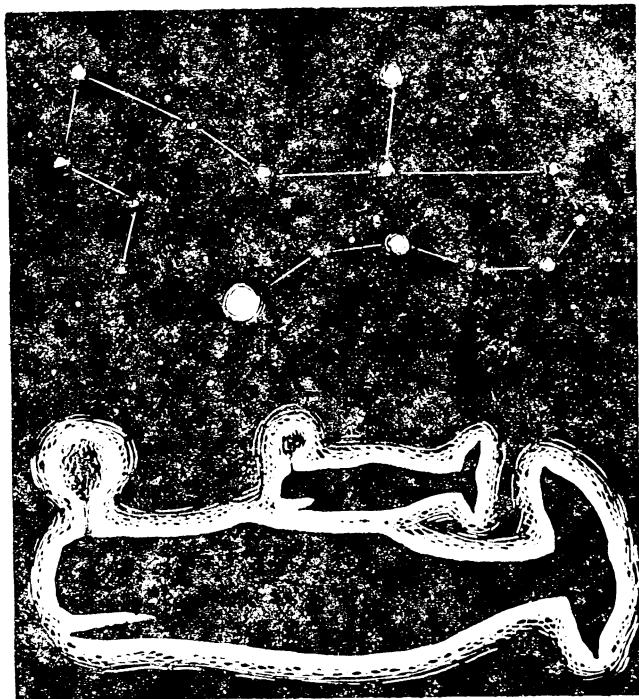
Мак-Гил путешествует: каждый вечер его грузовик подъезжает в темноте к окраине очередного городка и застывает у дороги. А утром к грузовику стекаются посетители. Кашалот оказался настоящей золотой жилой.

Но вот июль кончается, августовское солнце гонит вверх ртуть термометра. Многострадальная мумия, лежащая в кузове грузовика, испускает явное зловоние. Когда Мак-Гил подносит ко рту булочку с котлетой, ему чудится, что котлета сделана из тухлого китового мяса; когда он разбивает яйцо, оно тоже отдает тухлятиной. Весь день Мак-Гил страдает от ненависти к разлагающемуся кашалоту, а по ночам ему снится, что его преследует стадо китов и дельфинов. Вид у гигантской мумии весьма потертый. Посеревшие бока испещрены инициалами, названиями банд лихих мотоциклистов, именами любовников и кандидатов на выборные должности. Глаза кашалота давно исчезли, недостает и многих зубов, украдкой выломанных любителями сувениров.

Когда и виски начинает пахнуть тухлым китовым мясом, Мак-Гил понимает, что дело — труба. Он снимает плакат и вешает объявление: „Продается кит, цена по договоренности“. Но желающих купить чучело не находится. Шеф городской полиции намекает Мак-Гилу, что, мол, пора и честь знать — хотя, конечно, полиция только приветствует красивые, чистые и полезные экспонаты, имеющие воспитательное значение. Мак-Гил уже нашел решение проблемы: такие люди всегда заранее готовят себе несколько путей к отступлению, рассчитанных на неблагоприятный поворот событий.

Ночью он уезжает и, проехав сто миль, останавливается на нависшей над обрывом площадке обзора на шоссе Палисад-Драйв. Он отвязывает тушу, откидывает задний борт, быстро подводит грузовик задним ходом к бетонной ограде площадки и резко жмет на тормоза. Грузовик вскидывается, точно испуганный мустанг; груз соскальзывает и летит в бездну. Проходит секунда, другая — и наконец далеко внизу слышен мощный всплеск. Затем снова наступает тишина, нарушаемая лишь шумом прибоя. Кит вернулся в родную стихию.

АВГУСТ

Год кита подходит к концу. Китенок вырос почти на два метра и прибавил в весе почти полтонны. Еще год он будет питаться материнским молоком, но последние несколько месяцев все чаще будет охотиться сам. Постепенно мать перестанет его кормить — да он и сам потеряет интерес к матери, поскольку его растущий аппетит уже нельзя утолить струйкой молока. К тому же китиху начнет раздражать приставание четырехтонного младенца. Мать и сын проведут осень в водах к северу от Гавайских островов. В этом году у китихи не будет течки, и она не вернется в шумный гарем у тропика Рака, где год назад, в сентябре, родила своего нынешнего детеныша.

В августе кашалотов северного полушария можно встретить в Тихом океане повсюду — от экватора до Берингова моря. Половина кашалотов пасется к югу от большого миграционного пути, пролегающего между южной Калифорнией и южной Японией, другая половина — севернее этого пути. Воображаемая линия, которая делит пополам популя-

цию кашалотов, сейчас перемещается к югу, а в марте она вновь поползет на север.

В Северном Ледовитом океане с каждым днем увеличиваются длинные извилистые полосы чистой воды между дрейфующими льдами. Граница льдов отодвигается к полюсу. Их кромка в течение всего сентября будет крошиться и таять. Сейчас к северу от берегов Старого и Нового света самый разгар навигации. В сентябре планета „свернет за угол“ на своем пути вокруг Солнца, и дни начнут укорачиваться. По ночам вода между льдинами станет покрываться тонкой пленкой молодого льда, и постепенно сплошная белая пелена льда снова распространится на юг и покроет Чукотское и Берингово моря.

Но сейчас август, и какой-то кашалот-холостяк обходит северную границу своих владений. Он охотится возле мыса Наварин на шестьдесят второй параллели. Его высокие фонтаны белой дымкой повисают в морозном воздухе. Кит приближается к одинокому айсбергу, тихо дрейфующему по волнам; айсберг, ушедший уже далеко от границы паковых льдов, достиг последней стадии распада: вся его поверхность изъедена солнцем и дождями. На льду видны большие коричневые пятна — тут месяц назад, когда айсберг был еще далеко от здешних вод, жила семья моржей. Кашалот всплывает, зажав добычу в пасти; за ним тянутся облака ила: Берингово море здесь мелководно. (Тридцать тысяч лет назад, когда из Азии в Америку переселялись первые „эмигранты“, они шли пешком — нынешнее дно было тогда сушей.) Кашалот приплыл сюда, к ледяным границам своих угодий, не потому, что ему нравится холодная вода, а потому, что она изобилует пищей. Здесь множество кальмаров и таких животных, которыми кашалоту редко приходится лакомиться в северной части Тихого океана, — крабы, осьминоги и колючие акулы катраны.

В „Арене жизни“ девочка Сузи впервые работает за деньги — нанялась гидом на время летних каникул. Из местного университета в океанариум прибыли два физиолога с самым разнообразным оборудованием: с пробирками, колбами, трубками, металлическими рамами, клейкими лентами и присосками, с приборами, которые топорчатся переключателями и ручками, с батареями аккумуляторов и десятками других устройств. Физиологи намерены поставить ряд экспериментов над китихой — они собирают материал по проблемам теплообмена у китов. Почему киты не мерзнут в холодной воде? Перегреваются ли они от физических усилий? Вопросов множество.

Эти специалисты — Питер Скансен и Джон Кантвелл* — много лет изучают особенности терморегуляции у животных. Друзья страдали от жары в пустыне Мохаве, наблюдая за змеями и ящерицами, дрожали от холода на мысе Крозе,

следа за пингвинами и тюленями. До сих пор они добывали сведения о теплообмене у китообразных самыми грубыми методами: втыкали термометры в тела только что убитых китов, изучали вскрытые туши. Недалеко от летнего коттеджа Джона однажды застряла на берегу самка финвала; она прожила в мелкой воде полтора дня. Друзья вставляли термометры в естественные отверстия ее тела, а когда китиха умерла, исследовали образцы тканей, взятые из туши. Они также ставили эксперименты с дельфином: бросали в бассейн куски льда и наблюдали за тем, как первые несколько минут животное дрожит от холода, а потом, словно включив какой-то термостат, перестраивается и продолжает плавать как ни в чем не бывало.

Услышав, что китиху Сузи удалось отчасти приручить, друзья решили „расспросить“ ее (на языке приборов) о том, как происходит у нее теплообмен. Они объясняют свои задачи управляющему и ветеринару „Арены жизни“; девочка Сузи тоже слушает их.

Управляющий готов помогать ученым. „Зоопарк, господа, соединяет в себе черты зрелищного аттракциона и исследовательской лаборатории,— говорит он.— Нам приходится постоянно думать о бюджете, но мы также живо интересуемся новинками науки. Зоопарк не приносит больших доходов; наша прибыль — это удовольствие, которое мы получаем, помогая людям увидеть и понять животных. Ведь животных на земле в миллион раз больше, чем людей!.. Чем вы могли бы быть нам полезны?“

„Прежде всего, у нас вопрос: сколько, по-вашему, весит китиха?“

„Около двух тонн. А пищи она съедает сорок килограммов в день“.

Скансен что-то пишет на оборотной стороне конверта. „Значит, в день ей требуется около пятнадцати тысяч калорий, то есть примерно в шесть раз больше, чем человеку. Следовательно, она ест слишком много. Хмм... Пища смешивается с водой... Часть пищи, наверное, тонет в бассейне...“

Вопросам нет конца. Управляющий объясняет, что китиха наиболее спокойна по понедельникам, и приходит к ней лучше утром, когда в „Арене жизни“ меньше всего посетителей. Исследователей интересует, каких успехов достигла девочка в своих попытках установить контакт с китихой. Насколько близко китиха подпускает к себе девочку? Выясняется, что китиха позволяет ей прикасаться даже к таким чувствительным местам, как дыхало и брюхо.

Наконец Питер с улыбкой достает из сумки радиоприемник и прижимает его к животу. Отчетливо слышен прерывистый сигнал: „бип-бип-бип“... „Сегодня утром я для проверки проглотил после завтрака датчик температуры — термистор в капсуле размером с мой большой палец,— гово-

рит он. — Теперь при помощи этого приемника можно, не задевая мне в живот, следить за тем, что там происходит...”

И вот в понедельник утром Питер, Джон, Сузи и слушатель кормят китиху. Датчик прячут в брюхе рыбины. Китиха как ни в чем не бывало проглатывает эту рыбину — она ничего не заметила. Затем Сузи засовывает длинные металлические термометры в ее влагалище и в прямую кишку, накрывает ее дыхало мягкой резиновой чашкой; тут уж китиха начинает нервничать. Дыхало — орган чувствительный и важный. Поглаживая китиху и ласково уговаривая ее, Сузи умудряется тридцать секунд продержать термометр у нее под языком; физиологи довольны — тридцати секунд вполне достаточно. Резиновая чашка, которой закрывали ноздрю китихи, похожа на „сифон“ водопроводчика; в нее собираются для анализа выдыхаемые китихой газы.

„Поосторожнее с мелкими предметами! — предупреждает управляющий. — Не дай бог, китиха проглотит что-нибудь“. Он много лет проработал с животными и знает, что питомцы зоопарков частенько глотают бутылки, бутылочные пробки, монеты, расчески, пластмассовые игрушки и прочие мелочи, которые посетители легкомысленно бросают в клетки и аквариумы.

Китиха все больше беспокоится. Наконец она резко бьет хвостом по воде и не больно, но крепко сжимает челюстями руку своей подруги Сузи. Девочка гладит китиху, а Питер тем временем пытается взять кровь для анализа.

Нет! Китиха слишком встревожена; она бросается прочь, разбрасывая провода и резиновые трубки, описывает полукруг и, подняв голову в воздух, обрушивает на своих гостей фонтан брызг. Гости смеются. Собрано уже немало сведений; если каких-то данных не хватит, можно прийти опять, можно продолжить эксперименты следующим летом, когда девочка Сузи снова вернется в „Арену жизни“.

Термистор перемещается с пищей в желудке китихи, непрерывно посылая свой монотонный сигнал: „бип-бип-бип“...

Большинство исследований по физиологии кашалотов подогрето интересом к двум удивительным особенностям этих животных: кашалоты умеют нырять на большую глубину и оставаться под водой в течение длительного времени. Ученые постоянно ищут объяснение этим способностям, присматриваясь к особенностям организма кашалота. Органы и ткани кашалотов подвергают различным анализам и экспериментам, сравнивают с подобными органами человека и других животных — например, собак и кошек.

В крови кашалота до сих пор не обнаружено особенностей, которые были бы характерны только для этого вида животных. Соотношение общего объема крови и веса тела кашалота при-

мерно соответствует этому соотношению для наземных млекопитающих. Отношение размера сердца к размерам тела тоже обычно для млекопитающих; сердце взрослого кашалота весит от ста двадцати до ста шестидесяти килограммов и совершает двадцать сокращений в минуту, что вполне естественно для столь крупного животного. Аорта кашалота огромна (она толще печной трубы), но и это тоже естественно для кита.

Кровеносная система кашалота отличается одной особенностью, которая, вероятно, имеет значение для теплообмена: венозная и артериальная сети кровеносных сосудов располагаются параллельно. Иногда артерия и вена проходят вплотную друг к другу; а в некоторых частях тела мелкие вены окружают артерию, как металлическая оплетка окружает жилу телевизионного кабеля. В обоих случаях теплая кровь, текущая к кожному покрову, отдает часть своего тепла возвращающейся венозной крови; таким образом в организме животного сохраняется часть тепловой энергии. Подобные системы противонаправленных „трубопроводов“ можно обнаружить во всем теле кита, и работают они согласованно, словно ими управляет какой-то невидимый регулировщик.

Есть и другие факторы, имеющие значение для теплообмена кита. (Надо помнить, что у кита, отдыхающего в холодной воде северного моря, теплообмен протекает в тысячу раз интенсивнее, чем у кита, идущего на большой скорости в районе экватора.) Во-первых, сама форма тела китообразного помогает ему сохранять энергию: гладкое, округлое туловище с короткими конечностями, которое и по форме подобно термосу, лучше хранит тепло. Помогает сохранять тепло и слой жира, служащего хорошей изоляцией; впрочем, теплоизоляция — не единственная функция этого слоя. Для теплоизоляции не нужен столь толстый жировой слой — но жир служит также аккумулятором энергии, который позволяет (по крайней мере, теоретически) крупному киту обходиться без пищи четыре — шесть месяцев. И наконец, последний фактор, помогающий киту сохранять тепловую энергию, — это высокая интенсивность обмена веществ у китообразных по сравнению с наземными животными. Киты быстро усваивают пищу — и при этом тоже происходит выделение большого количества тепла.

Когда мы найдем способ содержать усатых китов в неволе, их тоже можно будет изучать в океанариумах. Перед второй мировой войной японцам удалось поместить небольшого усатого кита — малого полосатика — в залив к югу от Токио. Киту доставляли живую рыбу, однако так и не удалось выяснить, ел ли он ее; через месяц кит околел. Возможно, когда-нибудь удастся изобрести „сухой планктон“ — нечто вроде сухого корма, который изготавливают для аквариумных рыбок.

Дельфины в этом смысле куда удобнее китов — дельфинов успешно содержат в неволе с 1913 года, когда Чарлз Х. Таунсенд впервые показал восхищенной публике живого дельфина в старом Нью-Йоркском аквариуме в Батри.*

Кашалоты живут вдали от берегов, но вовсе не чувствуют себя одиноко — мир вокруг полон голосов их собратьев.

Кончается год кита * — обычный год жизни, в котором загадочное перемежается с обыденным, периоды тревоги и напряжения сменяются периодами покоя, а пиршества чередуются с голодом.

Сегодня на рассвете мать и сын снова слышали вдали знакомые голоса своих родичей — дельфинов. Но вот к ним присоединились новые звуки — равномерный пульсирующий гул рыболовного сейнера, который ловит тунцов; локаторы китов нащупывают в воде тысячи жирных, упитанных тунцов — желтоперых и полосатых. Охота на них ведется самыми новейшими методами — это достижение последнего десятилетия. Изобретение легкой нейлоновой сети и мощных гидравлических лебедок привело к тому, что рыбаки все чаще отказываются от ручной постановки ярусов с наживкой и, промышляя в открытом море, постепенно переходят на лов исключительно кошельковым неводом. Едва ли китиха и ее детеныш понимают, что происходит у них на глазах; а происходит массовое уничтожение — сотни тонн рыбы навсегда покидают океан при каждом подъеме огромного невода.

В круге диаметром триста метров мечутся, вспенивая воду, тунцы и дельфины. Серо-голубой сейнер быстро обходит круг; ему помогают два быстроходных катера, которые сгоняют рыбу, как ковбой сгоняют скот. Забрасывая с кормы невод (длина его — полмили), сейнер слегка меняет курс, чтобы дельфины (но не тунцы) успели уйти в сторону. Однако семь дельфинов остаются в круге; они перепуганы и сбиты с толку; в конце концов, запутавшись в неводе, дельфины тонут. Рыбаки, орудуя тесаками, разрубаят на куски их гладкие тела и бросают куски в волны по другую сторону невода. Затем невод стягивают снизу и вытаскивают из воды; огромные, сверкающие рыбины скачут по палубе. Проходит совсем немного времени, и все они умирают; тускнеют их выпученные глаза. Охота окончена — и заняла она всего два часа.

Нашему герою исполняется год; вот он плывет по бескрайнему океану, оставляя на воде недолговечный след — кружащиеся точки и запятые истории своей жизни. Налетает порыв холодного ветра. Волна перед кашалотом вспыхивает красным закатным отсветом. Еще минута, и солнце опускается за горизонт; исчезает и маленький кашалот.

Примечания

- Стр. 11.** Стюарт Л. Удалл «Надежда на лучшее будущее гибнущей дикой природы Земли» (Международный союз по охране природы и природных ресурсов, JUCN «Bulletin», т. 2, стр. 2, Свазиленд, 1966).
- *** Фредерик Д. Беннет — английский врач, в 1833 году отправился в плавание на китобойном судне. Цитата заимствована из его «Повести о кругосветном путешествии на китобойном судне в 1833—1836 годах» (Лондон, 1840).
- Стр. 17.** Этот эпизод основан на данных из статьи Дж. Ф. Г. Уилера «Заметки о молодом кашалоте с Бермудских островов» (Proceedings of the Zoological Society of London, часть 2, стр. 407—410, 1933).
- Стр. 22.** Генри Ли «Морские чудовища без масок» (Лондон, 1883).
- *** Альфред Теннисон (1809—1892) «Кракен» (из сборника «The Poems and Plays of Alfred Lord Tennyson». Нью-Йорк, 1938).
- Стр. 26.** Артур Ф. «Свидетельство в пользу существования эхолокации у китообразных» (ж. «Deep Sea Research», том 3, стр. 153—154. Лондон, 1956. Рукописные заметки о явлениях эхолокации у дельфинов подготовлены к печати Уильямом Э. Шевиллом после смерти автора).
- Стр. 27.** Уильям Э. Шевилл и Барбара Лоуренс «Подводные прослушивания белухи» (ж. «Science», том 109, стр. 143—144, 1949).
- *** Уильям Э. Шевилл и Барбара Лоуренс. «Поиск пищи дельфином в неволе» (Breviora, Museum of Comparative Zoology, № 53, стр. 1—15. Гарвард, 1956).
- **** У. Н. Келлог «Эхолокация у дельфина» (ж. «Science», том 128, стр. 982—988, 1958).
- Стр. 29.** «Меч-рыба пробивает корпус подводного исследовательского судна» («New Scientist», стр. 63, от 11 января 1968 года).
- Стр. 30.** «Алеут» — вымышленное название.
- *** «Орхидея» — вымышленное название.
- Стр. 32.** «Спасенная дельфином» (ж. «Natural History», т. 58, стр. 385—386, Нью-Йорк, 1949).
- *** «Фея» — вымышленное название.
- Стр. 34.** Рассказ об этой вымышленной «конференции» составлен отчасти по материалам Первой международной конференции по исследованию китообразных, состоявшейся в Вашингтоне в 1963 году. Ее результаты были опубликованы в сборнике «Киты, дельфины и морские свиньи» под ред. Кеннета С. Норриса (изд-во Калифорнийского университета, 1966). В моем описании «конференции» я привожу данные из следующих источников: Келлер Бреланд «Заметки из зала» (сб. «Киты, дельфины и морские свиньи»); Дэвид К. Колдуэлл, Мелба К. Колдуэлл и Дель У. Райс

- «Поведение кашалота» (сб. «Киты, дельфины и морские свиньи»);
 Артур Ф. Мак-Брайд, Д. О. Хебб «Поведение бутылконосого дельфина в неволе» («Journal of Comparative and Physiological Psychology», том 41, стр. 111—123, 1948);
 А. Бразн Хауэл «Водные млекопитающие и их приспособленность к жизни в воде» (Балтимор, 1930);
 Токузо Коджима «О мозге кашалота» («Scientific Reports of the Whales Research Institute», № 6, стр. 49—72. Токио, 1951);
 Сэм Г. Риджуэй, Н. Дж. Фланиган и Джеймс Дж. Мак-Кормик «Соотношение спинного и головного мозга у дельфинов и возможная связь этого соотношения с интеллектом и экологией» (ж. «Psychonomic Science», т. 6, стр. 491—492, 1966);
 Джон Каннингем Лилли «Ум дельфина» (Нью-Йорк, 1967).
- Стр. 37.** Л. Харрисон Мэтьюз «Вступительное слово организатора конференции» (сб. «Киты, дельфины и морские свиньи», изд-во Калифорнийского университета, 1966).
- Стр. 38.** «Naval Aviation News» (стр. 19, декабрь, 1956).
- Стр. 39.** Д. Ф. Эшрихт «О видах рода косатка, обитающего в северных морях» (1862). Перевод этого труда на английский язык опубликован У. Г. Флауэром в книге «Современные заметки о китообразных» (стр. 151—188. Лондон, 1866). История о косатке была пересказана И. Дж. Слийпером в книге «Киты» (стр. 274. Лондон, 1962).
- Стр. 41.** «Арена жизни» — вымышленное название.
- Стр. 47.** Рассуждение об эволюции китов основано отчасти на работе Ремингтона Келлога «История китов, их адаптация к жизни в воде» («Quarterly Review of Biology», том 3, стр. 29—76, 174—208, 1928).
- Стр. 51.** Погружение Ханса Келлера и Питера Смолла на глубину трехсот метров, состоявшееся 3 декабря 1962 года, широко освещалось в печати. С тех пор люди испытывали на себе и значительно большие давления в ходе так называемых имитированных «сухих» погружений в декомпрессионных камерах, установленных на суше, в которые подавался сжатый воздух. В 1968 году Ралф У. Брауэр из Дьюкского университета «погрузился» в таком контейнере на глубину около трехсот шестидесяти метров («New Scientist», стр. 62. Лондон, от 11 июля 1968 года).
- Стр. 52.** «Поиск» — вымышленное название.
- Стр. 63.** После того, как Джулиан Тейлор рассказал мне историю о китах, попавших в полынью, рассказ о них был напечатан в научном журнале — см. Р. Дж. Ф. Тейлор «Необычный случай в антарктических водах: три разных вида китообразных в одной полынье» («Proceedings of the Zoological Society of London», том 129, ч. 3, стр. 325—331, 1957).
- Стр. 64.** Ромэн Гэри «Корни рая» (Нью-Йорк, 1958).

- Стр. 66.* Энтони Алперс «Дельфины» (Лондон, 1963).
- Стр. 68.* Амброуз Джон Вилсон «Знак пророка Ионы и его современное подтверждение» («Princeton Theological Review», том 25, стр. 635—637, 1927).
- Стр. 69.* Письмо от 18 мая 1967 года. Фрейзер — сотрудник Британского музея естественной истории, автор многих специальных статей о китах.
- Стр. 70.* Эгертон И. Дэвис «Человек в брюхе кита» («Natural History», т. 56, стр. 241. New York, 1947).
- Стр. 71.* История о массовой гибели китов на берегу основана на работе Д. Г. Лилли «Китообразные», изложенной в книге «Британская антарктическая экспедиция 1910 года («Терра Нова»)» (изд-во British Museum, ж. «Natural History», том 1, № 3, стр. 85—124. Лондон, 1915). «Квинсленд Уитнес» — вымышленное название.
- Стр. 74.* Кристофер Эш «Глаз кита» (Нью-Йорк, 1962).
- Стр. 76.* Оуэн Чейз «Повесть о весьма необычной и печальной гибели китобойного судна «Эссекс» из Нантакета, которое подверглось нападению и потоплению крупным спермацетовым китом в водах Тихого океана, и рассказ о невероятных страданиях капитана и команды, проплававших девяносто три дня в открытых шлюпках в конце 1819 и начале 1820 годов» (Нью-Йорк, 1821; второе издание — Нью-Йорк, 1963).
- Стр. 77.* Клемент Клевланд Сотелл «Судно „Энн Александр“ из Нью-Бедфорда в 1805—1851 годах» (Мистик, штат Коннектикут, 1962).
- Стр. 82.* Томас Биль «Естественная история кашалота, с добавлением описания плавания на китобойце по Южным морям» (Лондон, 1839).
- Стр. 85.* В. Г. Богоров «Продуктивность Мирового океана» (ж. «Природа», № 10, стр. 40—46, 1967).
- ** Уилберт Мак-Леод Чапман «Морепродукты и потребность человечества в них» (доклад на Конференции по рациональному использованию, контролю и охране морских ресурсов; изд-во Университета штата Огайо, 1967).
- *** Джон Д. Стрикланд «Фитопланктон и первичная продуктивность морей» («Annual Review of Microbiology», том 19, стр. 127—162, 1965).
- Стр. 86.* Волф Вишняк, профессор биологии из Рочестерского университета в Нью-Йорке, любезно предоставил в мое распоряжение копию письма, посланного им 14 июля 1966 года в Американскую службу рыболовства и охраны дикой природы. В письме он излагает свой взгляд на продуктивность океана, а также цитирует Ламонта К. Коула, профессора зоологии из Корнеллского университета, штат Нью-Йорк.
- Стр. 87.* Джеймс Тербер «Вот плывет дельфин» (Нью-Йорк, 1961).
- Стр. 93.* Полет «Третьей звезды» — вымышленная история.
- Стр. 95.* Лорен Эйсли «Долгое одиночество» («American Scholar», стр. 57, зима 1960-61 года).

- **** Чарлз Хаскинс Таунсенд «Распространение некоторых китообразных: данные, полученные при изучении записей судовых журналов американских китобойных судов» (ж. «Zoologica», стр. 1—50, том 19, 1935).
- Стр. 96.** История «Халкона» — вымышленный эпизод.
- Стр. 101.** Применение китового мяса для подобной цели описано в статье А. Ю. Спиара «Кит нападает на муху» (ж. «Sea Frontiers», том 5, стр. 200—204, 1959).
- Стр. 104.** Описывая это вымышленное заседание, посвященное охране китов, я пользовался данными из следующих источников:
 Ноэль Саймон «О китах и китобойном промысле» (ж. «Science», том 149, стр. 943, 1965);
 М. Н. Тарасевич «Распространение кашалотов в водах Северных Курил» (изд-во «Наука». Москва, 1965);
 Джон Уолш «Киты: упадок популяций, происходящий, несмотря на ограничения добычи» (ж. «Science», том 157, стр. 1024—1025, 1967);
 И. Дж. Слийпер «Столетие современного китобойного промысла» (Нидерландская комиссия при Международной организации по охране природы. Амстердам, 1965);
 Мак Лэйнг «Не слишком ли эффективен китобойный промысел?» (Бюллетень «Freedom from Hunger Campaign New», ФАО, ООН (Рим), том 5, № 31, стр. 14, 1964).
- Стр. 105.** Фотография этого застрывшего на мели животного была опубликована в работе Х. Бошма «О зубах и некоторых других особенностях кашалотов» (Temminckia, том 3, Лейден, 1938).
- Стр. 107.** Питер Кроукрофт «Мыши повсюду» (Лондон, 1966).
- Стр. 108.** История «Шоку Мару» — вымышленный эпизод.
- Стр. 116.** Эта краткая история китобойного промысла основана на многих источниках, главные из которых:
 И. Дж. Слийпер «Киты» (Лондон, 1962);
 Ф. С. Фрейзер «Киты и китобойный промысел» (см. сб. «Исследования Антарктики: обзор британских научных достижений» под ред. Р. Пристли, Р. Эйди и Дж. Робина. Лондон, 1964);
 Н. А. Макинтош «Запасы китов» (Лондон, 1965);
 Джон Галланд «Использование ресурсов китобойным промыслом в Антарктике» («Journal du Conseil», том 31, стр. 330—341. Копенгаген, 1968).
- Стр. 118.** Авиалайнер «Утренний клипер» — вымышленная подробность этой истории.
- Стр. 119.** «Сонан Мару» и «Секи Мару» — вымышленные названия; здесь описаны также вымышленные персонажи, в том числе и «американский наблюдатель». Однако в Японии действительно существует Институт по изучению китов, финансируемый правительством и китобойной промышленностью. Деятельность японских китобоев описывается в книге «Японская китобойная промышленность» (Токио, 1954).
- Стр. 126.** Йоро Араи и Шигеру Сакаи «Питательность китового

мяса» («Scientific Reports of the Whales Research Institute», № 7, стр. 64. Токио, 1952).

** Х. Р. Лилли «С китами и тюленями» («British Medical Journal», т. II, стр. 1467, Лондон, от 24 декабря 1949 года).

Стр. 127.* Альберт Швейцер «Из моей жизни и из моих мыслей: автобиография» (Нью-Йорк, 1949).

Стр. 130.* «Калан» — вымышленное название; Хансен — вымышленный персонаж. Остров Амчитка действительно входит в систему национальных заповедников.

Стр. 138.* И. Л. Нагел, Р. Дж. Морган и У. Л. Мак-Фарланд «Анестезия бутылконосого дельфина...» (ж. «Science», том 146, стр. 1591—1593, 1964).

** Вагн Флайгер «Применение хлорида сукцинилхолина для умерщвления или поимки китов» («Norwegian Whaling Gazette», № 4, стр. 88—90. Осло, 1964).

Стр. 139.* Мак-Гил и прочие герои этого эпизода — вымышленные персонажи.

Стр. 142.* Питер Скансен и Джон Кантвелл — вымышленные персонажи.

Стр. 145.* Чарлз Хаскинс Таунсенд «Дельфин в неволе» (ж. «Zoologica», том 1, стр. 289—299, 1914).

Стр. 146.* Следует особо отметить семь книг о китах и китобоях, появившихся в свет между 1798 и 1898 годами и с тех пор ставших классическими (некоторые из них уже упоминались выше):

Джеймс Колнетт «Путешествие в южную Атлантику и вокруг мыса Горн в Тихий океан с целью расширения промысла спермацетового кита и с другими коммерческими целями, в том числе для освоения портов, залювов, гаваней и стоянок на некоторых островах и побережьях в тех морях, где можно было бы переоснащать британские торговые суда; задумано и совершено капитаном Джеймсом Колнеттом, офицером Королевского военного флота, на судне «Раттлер» (Лондон, 1798);

Иеремия Н. Рэйнольдс «Моча Дик, или Белый Кит, из Тихого океана» (ж. «Knickerbocker», № 13, стр. 377—398, 1839. Издано отдельной книгой: Нью-Йорк, 1932); Томас Биль «Естественная история кашалота с добавлением описания плавания на китобойце по Южным морям», (Лондон, 1839);

Фредерик Дебелл Беннетт «Повесть о кругосветном путешествии на китобойном судне в 1833—1836 годах» (Лондон, 1840);

Герман Мелвилл «Кит» (Лондон, 1851) или «Моби Дик» (Нью-Йорк, 1851);

Чарлз Мелвилл Скэммон «Морские млекопитающие северо-западного побережья Северной Америки — описание, иллюстрации и рассказ об американском китобойном промысле» (Сан-Франциско, 1874);

Фрэнк Т. Буллен «Круз кашалота — вокруг света за спермацетовым китом» (Лондон, 1898).

Ш 53 В. Шеффер «Год кита»

Перев. с англ. А. К. Славинской.

Под ред., предисл. и коммент. А. С. Соколова.
Л., Гидрометеиздат, 1981.—125 стр.

Известный американский биолог, крупнейший специалист в области морских млекопитающих, В. Шеффер рассказывает об одном из интереснейших животных нашей планеты — кашалоте. На строгой научной основе и в то же время с подкупающей добротой и поэтичностью автор описывает месяц за месяцем год жизни маленького китенка — кашалота и его соплеменников.

Для широкого круга читателей.

20806-170
Ш 069(2)-81 75-81 2001050000

28.69

**Виктор Шеффер
ГОД КИТА**

*Редактор А. Лушук
Художник Г. Накеев
Художественный редактор В. Денисовский
Технический редактор Л. Шишкови
Корректор С. П. Доничкина*

ИБ № 1354

Сдано в набор 05.02.81. Подписано в печать 29.09.81. Формат 84×108¹/₃₂, бумага тип. № 2. Гарнитуры литературная, школьная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,98(4,75). Усл. кр.-отт. 8,19. Уч.-изд. л. 9,84. Тираж 250 000 экз. Индекс ПЛ-167. Заказ № 1389. Цена 90 коп.

Гидрометеиздат, 199053, Ленинград, 2-я Линия 23.

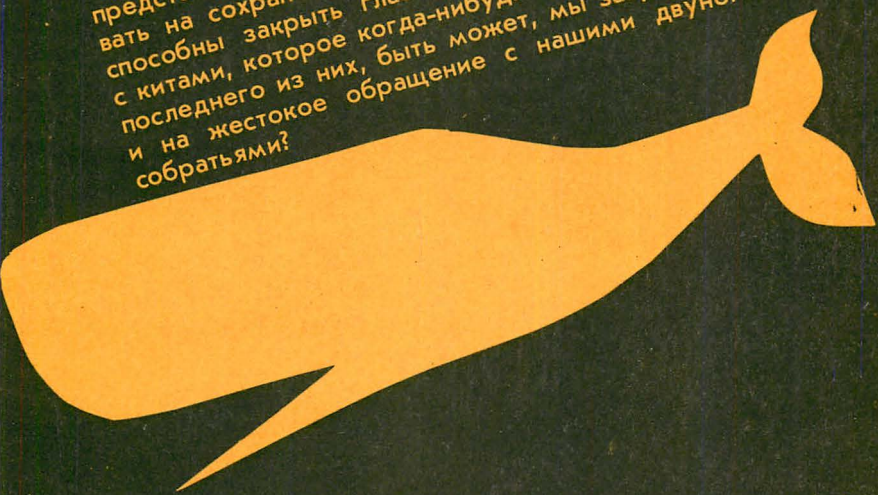
**Минское производственное полиграфическое объединение
и.м. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.**

Виктор Шеффер

ГОД КИТА

Если по нашей вине погибнет синий кит и другие представители его рода, можем ли мы рассчитывать на сохранение рода человеческого? Если мы способны закрыть глаза на жестокое обращение с китами, которое когда-нибудь приведет к смерти последнего из них, быть может, мы закроем глаза и на жестокое обращение с нашими двуногими собратьями?

Ленинград
Гидрометеиздат 1981

Виктор Шеффер — один из самых известных специалистов по морским млекопитающим. Много лет он уделил наблюдениям за жизнью тюленей, китов и дельфинов в Тихом океане. Более тридцати лет — с 1937 по 1969 год — Шеффер трудился в Департаменте рыболовства и охоты в Сиэтле (штат Вашингтон) как зоолог и специалист по охране морских млекопитающих и регулированию их промысла. Результатом изучения ластоногих и китообразных явились несколько крупных монографий, кипа научных статей и две научно-популярные книги. Одна из них — «Год кита» — была удостоена почетной премии США, присуждаемой за лучшую книгу года в естественнонаучном жанре.

